

ГАСАН СЕИДБЕЎЛИ

ТЕЛЕФОНИСТКА

СТ

ГАСАН СЕИДБЕЙЛИ

ТЕЛЕФОНИСТКА
ПОВЕСТЬ

*Перевел
с азербайджанского
автор*

М. Ф. Ахундов адына
Азербайжан Республика
КИТАБХАНАСЫ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1962

Гасан Мехти Оглы Сеидбейли — азербайджанский советский писатель, автор многих прозаических произведений, пьес и киносценариев.

В соавторстве с И. Касумовым им написана повесть «На дальних берегах», посвященная славному сыну азербайджанского народа Мехти Гусейн-заде, который сражался в рядах итальянских партизан. Повесть переведена на русский язык и издана в Москве.

В повести «У нас в Астаре» автор правдиво изобразил жизнь одного из азербайджанских чайных совхозов.

В новой повести Г. Сеидбейли «Телефонистка» не происходит никаких из ряда вон выходящих событий, все в ней очень просто и очень обыкновенно. Но пристальное внимание к внутреннему миру его скромной героини — молодой телефонистки Мехрибан, к ее переживаниям и чувствам помогло писателю создать интересное и яркое произведение.

«...если бы ты всегда и везде, всю свою жизнь оставлял для людей только хорошее — цветы, мысли, славные воспоминания о тебе, — легка и приятна была бы твоя жизнь.

Тогда ты чувствовал бы себя всем людям нужным, и это чувство сделало бы тебя богатым душой.

Знай, что всегда приятно отдать, чем взять...»

(Из письма А. М. Горького сыну)

1

Всякий, кто в первый раз увидит Мехрибан, почему-то непременно оглянется, посмотрит ей вслед. Но она словно не замечает этих взглядов, провожающих ее с любопытством и интересом.

Мехрибан маленькая, хрупкая, походка у нее легкая, почти неслышная. У нее коротенькие, негустые светло-каштановые косы, овальное матовое лицо — пожалуй, немного бледное. Есть в этом лице какая-то едва заметная неправильность, и когда Мехрибан улыбается — а это бывает не часто — улыбка получается болезненная, губы чуть-чуть кривятся в сто-

3

рону. Когда она взволнуется и глубоко вздохнет, ноздри у нее мелко задрожат. Но самое трогательное в ее лице — это глаза. Ресницы густые, неровные и кажутся слившимися, словно она только что плакала, а иссиня-черные глаза смотрят всегда грустно, почти скорбно. Есть в них еще что-то детское, какое-то наивное удивление... Может быть, поэтому и оглядываются на нее прохожие.

Вот и сейчас молодой рабочий, выходя из проходной завода, показывает своей спутнице на Мехрибан и спрашивает:

— Кто это?

— Наша телефонистка.

— Что-то я ни разу ее не видал.

— А я видела раза два. Окна коммутатора выходят как раз во двор нашего цеха. Она новенькая.

Мехрибан проходит по длинному светлomu коридору заводоуправления, сворачивает налево и открывает последнюю дверь в конце коридора. Телефонистки все заняты у аппаратов, и поэтому ее приветствие остается без ответа. Девушка, работающая возле открытого окна, поднимается и уступает свой стул Мехрибан. На шите то и дело вспыхивают огоньки. Надев наушники, Мехрибан начинает неуверенным голосом отвечать: «Третий... третий...» Она соединяет. «Готово!» — снова звучит ее робкий голос, или: «Занято!» Слабый голос Мехрибан сливается с деловито-монотонными голосами других телефонисток. Ее товарки более опытные; движения их точны и спокойны. Руки быстро снуют по щитам, вставляя и вынимая ключи в своеобразном ритме, и эти движения четко согласуются с отрывистыми словами: «Четвертый. Кого? Четвертый. Занято. Шестой. Говорите. Второй. Не отвечает. Второй. Говорите». В хоре этих голосов иногда прорывается дрожащий голос Мехрибан: «Третий... третий...» Как она ни старается успеть ответить всем, все же опаздывает, ошибается, часто соединяет неправильно. Ее ругают разные голоса, она еще больше теряется; огоньки, ежесекундно вспыхивающие на щите, начинают плясать перед ее глазами.

Работа телефонистки заводского коммутатора, которая может на первый взгляд показаться не особенно сложной, на самом деле очень трудная, требует большого, напряженного внимания.

Огромный нефтеперерабатывающий завод, на котором работала Мехрибан, состоял из множества различных цехов, отделений, лабораторий и резервуарных парков. На заводе было несколько тысяч рабочих. И весь этот сложный, большой организм требовал постоянной, надежной связи. Эта связь осуществлялась здесь, в небольшом помещении коммутатора. Но работа телефонисток не ограничивалась поддержанием связи внутри завода. Если принять во внимание, что сюда тоже звонили — с других заводов и учреждений, с пристаней и товарных станций, а работники завода в свою очередь звонили туда, — на каждую телефонистку приходилось по два-три вызова в секунду. Поэтому в каждой смене была одна дежурная телефонистка, чтобы подменять уставших.

И теперь девушка, недавно уступившая место Мехрибан, заметив ее растерянность, быстро подошла, села за шит и надела на нем порянок. Бледные щеки Мехрибан пылали, в горле пересохло. Голоса все еще звучали в ее ушах: требовательные, ворчливые, просительные, властные...

Для того чтобы попасть в штат, Мехрибан должна была, как обычно, пройти испытательный срок в течение месяца. Сможет ли она справиться с этим трудным делом? Она боялась, очень боялась!

Мехрибан подошла к окну, и на нее пахнуло прохладным ветерком. Она выглянула во двор. Кроме огромных установок, высоченных башен, спирально опоясанных металлическими галереями, и бесчисленного количества труб в светло-кремовой изоляции, бегущих по всем направлениям, она ничего не увидела. Ей вдруг пришла в голову мысль: а что будет, если коммутатор хоть на час прекратит работу? Тогда этот безлюдный двор станет похож на муравейник: по нему начнут туда и сюда бегать люди, чтобы предупредить, спросить, приказать, кого следует, отругать, — какой хаос начнется здесь! Вот что делают

для завода шесть телефонисток... Нет, трудная, очень трудная работа...

Легкий ветерок пошевелил волосы Мехрибан, коснулся разгоряченной шеи. Она глубоко вздохнула, и ноздри ее чуть-чуть затрепетали.

Сможет ли она работать так же, как та девушка, что подменила ее? А почему бы нет? Какая между ними разница? Вон на том конце у щита работает Назила Гусейнова. Она, как и Мехрибан, всегда аккуратно и чисто одета. Она высокая, с блестящими карими глазами, у нее пышные черные волосы; каждый день какой-то парень встречает ее у проходной. Он ниже ее ростом; Назила говорит, что это брат... Может быть, так оно и есть, кто знает? Рядом с Назилой сидит веселая кудрявая Махбубе Наджафзаде. Она вся будто светится, в ней совсем нет скрытности: что бы с ней ни случилось, она рассказывает подругам. Лейла Мадатова уже год замужем. Должно быть, она беременна, — не может долго сидеть на месте. Муж часто звонит ей, видно, они очень любят друг друга. На груди смуглой Симузар орден Красной Звезды; эмаль на нем потускнела и местами сошла. Симузар слегка хромотает: она была на фронте. Возраст ее далеко не девичий, и, может быть, поэтому она очень не любит, когда при ней говорят о мужчинах. Работает она быстрее и лучше, чем другие. Валида Гадырзаде моложе всех. Ее глаза то и дело обращаются к окну: может быть, оператор установки Ибад еще раз покажется во дворе? У Валиды живые, бойкие глаза и смешной приплюснутый носик. Ее слишком звонкий смех часто слышится в этой комнате и мешает работать. И еще одна девушка — Джамили Манафова, дежурная. Она больше всего на свете любит чтение. Как только освободится, сейчас же забирается в угол дивана с книгой. От беспрестанного чтения у нее, очевидно, испортилось зрение: читая, она так близко подносит книгу к лицу, что страницы почти касаются носа.

Все они обыкновенные, простые девушки, и если они справляются с этой трудной работой, значит, и Мехрибан сумеет.

Уступив стул Мехрибан, Джамили опять очутилась в углу дивана, чтобы продолжить свое богатое невероятными приключениями путешествие вместе с пассажирами корабля, который подходил к берегам Африки.

В распахнутом окне появился рослый, плечистый парень. Он снял огромные брезентовые рукавицы, тыльной стороной руки оттер пот со скуластого монгольского лица и тихо позвал:

— Валида!

Валида птицей спорхнула со стула, вырвала у Джамили из рук книгу, подтолкнула девушку к своему щиту и бросилась к окну.

Ветерок занес в комнату аромат цветущей акации, смешанный с запахом бензина.

— Ибад! Знаешь, мама очень ворчала утром...

— С чего это она?

Из окна коммутаторной разнесся по двору звонкий смех Валиды:

— Говорит: что это ты с петухами стала домой приходить?

— Ну, а ты что?

— Ну, я сказала, что пришлось одну телефонистку в ночной смене подменить.

Она опять расхохоталась и при этом погрозила пальцем Ибаду, словно это не она, а он мешал телефонисткам работать:

— Тс-с-с! Мы с тобой, правда, вчера загулялись. Надо меру знать. Завтра пойдем лучше в кино, я должна вернуться домой пораньше, потому что мне работать в ночную.

— Не стоит в кино. Лучше в парк. Только приходи пораньше, чтобы наше место никто не занял.

— Ну ладно, иди!

— Валида!

— А?

— Через два месяца подходит моя очередь — получаю «Москвич». Ты постарайся взять отпуск вместе со мной. Хочу с тобой обновить машину. Поедем до самого Черного моря! По Военно-Грузинской! Как, одобряешь?

Валида запрыгала от радости, как девочка.

— Ибад, Ибад! Ты чудный! Ой, до чего же хорошо! Но тогда мне обязательно надо сшить еще одно летнее платье. Там на курортах, говорят, шикарная публика! — Вдруг улыбка сбежала с ее лица: — А мама что скажет?

— Я сам с ней поговорю.

Валида испугалась:

— Нет, нет, что ты!

Мехрибан напрягала последние силы. Огоньков на шите вспыхивало все больше и больше. Едва она успевала ответить на один вызов, как в разных концах шита нетерпеливо загорались сразу три огонька. Не успевала она ответить этим, как загорались еще пять. Скоро непрерывно вспыхивающие огоньки опять начали плясать перед ее глазами. Она в отчаянии оглянулась на Джамилу. Но на диване никого не было, только лежала раскрытая книга. Джамилу сидела за шитом Валиды, а Валида все еще торчала в окне. Мехрибан не решалась оторвать ее от важного разговора. Она снова перевела глаза на Джамилу, но в это время в наушники ворвался властный мужской голос:

— Разиня! Какого черта ты даешь мне гараж? Я просил третий парк меринков!

Мехрибан вздрогнула, точно ее ожгли кипятком. На лбу выступили капельки пота. Дрожанием голосом она пролепетала:

— Простите... я... вы...

Но голос гремел:

— Хватит болтать! Скорее давай третий парк!

Мехрибан никак не могла найти нужное гнездо, она попыталась чем-то заполнить мучительную паузу и стала защищаться:

— Пожалуйста, не кричите на меня. Я новенькая здесь.

— Вот еще недотрога! Новенькая! Что здесь, школа, что ли? Говорят тебе, скорее давай третий парк, а то может авария случиться!

Но Мехрибан уже ничего не могла найти. Перед глазами поплыл туман, и сквозь него еле мерцали пля-

шущие огоньки. Как слепая, шарила она руками по шиту и чуть не плакала.

На этот раз ее подменила Валида.

Наступил обеденный перерыв. Разговоров стало меньше, огоньки загорались реже, и девушки могли поболтать. Одна Джамилу не вступала в разговор и, сидя с книгой в своем углу, продолжала путешествовать по стране страшных крокодилов, тигров и слонов.

Мехрибан казалась еще бледнее. На лице ее так и застыло выражение испуга и недоумения. Она прерывисто вздохнула, и незримо ее едва заметно вздрогнула.

— Не расстраивайся! — беспечно заметила Валида. — Дело наладится.

— А ты особенно-то не успокаивай! Нечего ей подушку под голову подкладывать, — отрезала Симузар. И, не глядя на Мехрибан, добавила: — Здесь надо быть очень внимательной.

Мехрибан вся съезжилась на диване и еле слышно произнесла:

— Простите...

— А мы-то здесь при чем? — так же сухо и строго ответила Симузар. — Это он должен простить.

Мехрибан боязливо спросила:

— Кто это — он?

— Начальник четвертого цеха.

Перерыв кончился. На шитах снова стали часто вспыхивать огоньки. Мехрибан села за свой шит.

До конца смены Мехрибан еще несколько раз услышала голос того человека. Теперь она могла бы его различить среди сотни других голосов. И каждый раз она вздрагивала.

Видно, дела в четвертом цехе сегодня не ладилась — начальник был сильно не в духе. Мехрибан путалась, ошибалась, а он кричал, грозил, выходил из себя. Он попросил первую установку, а она дала ему клуб и тут же извинилась, поняв свою ошибку. Не извинения были уже бесполезны, потому что начальник четвертого цеха тут же отменил свой вызов и потребовал заместителя директора. Мехрибан соеди-

нила. «Наверно, будет жаловаться на меня!» И ее бросило в дрожь. Она не ошиблась. Она слышала все, что говорил о ней заместителю директора начальник четвертого цеха:

«Что у вас, детский сад на коммутаторе, что ли? Нельзя так работать, не годится, дорогой мой! Знаю, что у вас людей не хватает, но найдите что-нибудь подходящее. Это же тупица! Я прошу одно, она дает совсем другое! Очень прошу принять меры».

Мехрибан молча встала и вышла в коридор. Смена подходила к концу; в коммутаторную, громко переговариваясь, ворвались девушки ночной смены.

Махбуба и Валида бегом пустились по коридору и нагнали Мехрибан. Махбуба, подбирая под пеструю шелковую косынку свои кудряшки, спросила:

— Что с тобой? Что это ты сорвалась раньше времени? Никому ничего не сказала...

Мехрибан не ответила.

— Опять что-нибудь напутала? — засмеялась Валида.

И снова Мехрибан промолчала. Махбуба поморщилась:

— Вот что — нечего киснуть! Мы этого не любим. Не любим, когда вешают нос по пустякам.

Мехрибан печально взглянула на ту и на другую и тихо сказала:

— Он говорит, что я тупица. Сказал, что меня нужно уволить...

— Кто сказал?

— Кому сказал?

— Начальник четвертого цеха... Заместителю директора...

Махбуба была потрясена. Крепко сжав губы, она схватила за руку Валиду, и они побежали обратно по коридору. Они о чем-то долго говорили с вышедшей из коммутаторной Симузар. Симузар молча слушала их, затем повернулась и пошла дальше. Она прошла мимо Мехрибан, даже не взглянув на нее.

Все вышли на улицу. Махбуба с Валидой догнали Мехрибан и стали успокаивать ее:

— Не бойся! В обиду не дадим. Пока не ушибься, ходишь, ходишь, не научишься. Мы тоже, когда но-

венькими были, сколько ошибались!

Из-за угла выскочил трамвай. Махбуба заторопилась:

— Завтра мы в ночную. Смотри, не опаздывай! — И она со всех ног пустилась к трамваю.

Из ворот завода выходили рабочие, окликая друг друга; в одиночку, парами и целыми группами шли они домой. Кто-то позвал Валиду, кажется, это был Ибад. Симузар отыскала в толпе своего отца Хакима Дадаша и, прихрамывая, пошла рядом с ним. Тот невысокий юноша, который постоянно встречал Назилу, подошел к ней, взял под руку, и они зашагали рядом. Валида куда-то исчезла. Рослый молодой мужчина встретил Лейлу и повел ее так бережно, словно она была хрупальной вазой, которая может разбиться от неосторожного прикосновения. Мехрибан все еще стояла у проходной. Улица опустела. Фонари, горевшие вполне накала, висели как оранжевые шары. На темном безлунном небе ярко мигали звезды. Они напоминали Мехрибан огоньки на ее щите. Откуда-то доносились отрывистые паровозные гудки. Завод был похож на огромное дремлющее животное. Он мерно дышал и сопел, и эти могучие вздохи точно придавливали Мехрибан, ей стало очень тоскливо. Захотелось пойти к директору и сказать, чтобы ее сейчас же уволили. Но вдруг в ушах отчетливо прозвучали слова Махбубы: «Пока мы живы, в обиду не дадим!» И как это еще она говорила? «Не ушибься, не научишься ходить».

Она не пошла к директору, а медленно направилась к трамвайной остановке.

Трамваи уже успели развезти по домам почти всех рабочих и этого и соседних заводов, и поэтому во втором вагоне, куда вошла Мехрибан, было почти пусто; только двое парней сидели на скамье. Кондукторши тоже не было: она воспользовалась отсутствием пассажиров и перешла в первый вагон — поболтать с подружкой.

Мехрибан устало опустилась на заднюю скамью. Парни пошептались между собой, и один, молодец-

вато подтянувшись, направился к ней и уселся напротив.

— Где работаешь, сестричка?

Мехрибан вскинула на него возмущенный взгляд и пересела на другое место.

Парень пошел за ней.

— Что мы такое тебе сделали, чего ты обиделась? Кажется, мы люди не хуже других, такие же, как ты.

Измученные печальные глаза девушки с укором поднялись на него. Под этим взглядом парень вдруг утратил свою развязность. Он смущенно стал поправлять на голове кепку, подтянул ремень, улыбнулся:

— Не обижайся, сестричка, я думал, может, познакомимся!

Мехрибан медленно закрыла глаза, и между ресницами выжалась слеза. Одна слезинка начала скатываться по щеке...

Парень потихоньку поднялся и отошел к своему товарищу. Больше они уже не подходили к Мехрибан. Только издали с недоумением поглядывали на странную девушку.

Мехрибан жила в одном из нагорных кварталов Баку, в двухкомнатной квартире старинного трехэтажного дома.

Она поднялась по улице, вошла по лестнице на третий этаж, отперла дверь, включила свет и глазами, полными страха, окинула комнату. Ей всегда казалось, что в этой комнате есть еще кто-то. Но она была одна. Свою бабушку она схоронила два месяца назад.

На столе у окна Мехрибан увидела конверт и рванулась было к нему, но, вспомнив, остановилась. Это было письмо от отца, полученное еще десять дней тому назад.

Он писал из Риги. Мехрибан уже не раз читала и перечитывала это письмо. Отец писал, что не смог приехать на похороны бабушки потому, что был болен. Писал, что последнее время ему приходится очень много и напряженно работать, упоминал о Тамаре — мачехе Мехрибан. В конце письма было самое главное — о том, что, мол, дети подрастают, скоро им пора

в школу и предвидится много новых расходов. По этому он больше не сможет высылать деньги Мехрибан, как раньше. Мехрибан теперь уже взрослая, ей восемнадцать лет, и если она найдет подходящую работу, то сможет прожить.

Все ясно. Этим коротким письмом отец отказывался от Мехрибан. Догадаться не трудно. Но Мехрибан не разорвала и не выбросила письмо. Это было последнее письмо отца. Она была уверена, что не получит больше ни одного. И все же Мехрибан любила отца. Часто она мысленно беседовала с ним, прижималась головой к его груди, говорила нежные слова.

Очнувшись от этих грез наяву, она обычно тихо плакала, всхлипывая по-детски.

После похорон бабушки у нее почти не осталось денег и пришлось занять у соседки Нисабейим. Теперь нужно возвращать долг из собственного заработка — отец больше не придет. Она принялась искать работу. За пять-шесть дней обошла почти весь город.

Мать Мехрибан умерла от родов. Впрочем, они разошлись с отцом еще за несколько месяцев до рождения Мехрибан. Рождение Мехрибан было следствием каприза двух совсем еще молодых людей, которые приняли свое мимолетное увлечение за любовь. Оба очень скоро поняли это и разошлись.

Бабушка Мехрибан была очень хвора: у нее болели почки, и большую часть времени она лежала. Отец Мехрибан имел странную привычку менять работу через каждые два-три года и возил с собой дочь то в Куйбышев, то в Харьков, то в Ленинград.

Мехрибан постепенно отставала от своих сверстников. Перезезды с места на место не давали ей учиться по-настоящему. Не было ничего устойчивого в ее жизни. Все быстро обрывалось — и ученье, и знакомство с детьми в школах. Такими же отрывочными остались у нее воспоминания. Радости всегда были недолгими, а печаль, скука и одиночество заполняли дни, недели и месяцы... В свой последний приезд в Баку отец женился на этой Тамаре, и они переехали

в Ригу, все трое — отец, жена его Тамара и Мехрибан. В Баку Мехрибан училась по-азербайджански, но в тех далеких городах, где они бывали с отцом, это было невозможно, приходилось учиться то на украинском, то на русском языке, и она все время отставала. За все школьные годы она с трудом дотянула до седьмого класса.

После того как Тамара родила второго сына, их рижская квартира стала тесна, и Мехрибан отправили в Баку, к бабушке. С тех пор прошло два года. Мехрибан теперь училась в восьмом классе вечерней школы. Так как у нее не было никакой специальности и житейского опыта, ей было очень трудно найти подходящую работу. После долгих поисков она, наконец, узнала, что на нефтеперерабатывающем заводе требуется телефонистка. Она сейчас же поехала туда, подала заявление и обрадовалась, когда узнала, что ее берут на испытание.

Сегодняшняя неудача очень испугала Мехрибан. Может быть, уже завтра вечером, когда она придет работать в ночную смену, ее не впустят в коммутаторную, скажут: «Ты не годишься для этой работы!» Прогонят... Начальник четвертого цеха прямо сказал, что ее нужно прогнать... А как же Симузар? Можно ли ожидать помощи от этой черствой, строгой девушки? Ведь она так равнодушно ответила на извинение Мехрибан: «При чем здесь мы». И перед начальником четвертого цеха Мехрибан извинилась... Ну что ему стоило простить ее? А он все-таки потребовал, чтобы ее прогнали. И так грубо! Ей показалось, что в комнате слишком душно, и она вот-вот задохнется. Она распахнула балконную дверь. Влажный ветерок с моря осветил ее. Мерцающая, будто живая масса огня полукругом охватывала далекую бухту, сжимая море в своих объятиях. Огни шевелились, переливались, тонкими иглами вонзались в черную воду и дрожали в ней.

Мехрибан расстегнула несколько пуговиц на груди и вдыхала теплый душной воздух.

И вдруг словно широкая волна подхватила ее. Жизнь, горячая бурлящая жизнь, радость быть мо-

лодой, созерцать эту прекрасную весеннюю ночь и радоваться просто так, потому что живешь! И это чувство, как могучий шквал, сразу разорвало и унесло весь холодный туман печалей сегодняшнего дня, который окутывал до сих пор и леденил душу. «Нет, я непременно, во что бы то ни стало пойду завтра на работу! Если не допустят, буду просить, умолять, чтобы разрешили еще поучиться, привыкнуть. Ведь сказала же Махбуба, что и они все первое время ошибались. Это же понятно», — просветленно думала Мехрибан.

2

На другой день, верная своему решению, Мехрибан пришла на завод. Но, хотя она и твердо решила, все же сильно волновалась и потому пришла на целый час раньше. Прохаживаясь по коридору, рассматривала плакаты на стенах, читала стенгазету, объявления. Она прочла все это несколько раз. Ей почему-то было страшно подойти к доске приказов: а вдруг там уже висит приказ об ее увольнении? Но потом она подумала, что если такой приказ уже есть, то, значит, не надо и ходить к директору, просить, чтобы ее оставили, лучше пойти взять свои документы и уйти. Она заставила себя подойти к доске, и глаза ее сразу отыскали фамилию. Лоб покрылся бисеринками пота. Она подошла поближе, еле держась на ногах от внезапной слабости. Это был старый приказ о приеме ее на работу.

Ночная смена началась.

За щитом Мехрибан работала Джамиля, а Мехрибан сидела на диване и наблюдала, как работают девушки. Особенно привлекали руки Симузар. Они напоминали руки Соны — бывшей соседки Мехрибан по прежней квартире. Однажды отец что-то диктовал Соны, а она, совершенно не глядя на машинку, с молниеносной быстротой печатала и одновременно беседовала с Мехрибан. Наверное, и Симузар могла бы так. Но как она молчалива: с тех пор как вошла

в коммутаторную, не сказала еще ни одного слова. Она не поздоровалась с Мехрибан, даже не взглянула на нее.

«Может быть, я так до утра и просижу на этом диване? — тревожно думала Мехрибан. — Может быть, сегодня Симузар не подпустит меня к шиту?»

Но через несколько минут Симузар обратилась к Джамиле:

— Уступи место Мехрибан. А сама будь рядом с ней. Книгу отложи!

И снова перед глазами Мехрибаи стали загораться огоньки. Самое трудное заключалось в том, что надо было твердо запомнить, где какой номер на шите, где его место: наверху, внизу, слева или справа.

Так как многие предприятия, связанные с заводом, по ночам не работали, вызовов было значительно меньше, чем днем. Кроме того, на заводе сейчас, видимо, не было начальника четвертого цеха. Если бы Мехрибан опять услышала его голос, она, наверное, сбилась бы.

Вот уже полчаса она работает и, кажется, не сделала ни одной ошибки.

— Отдохни! — отрывисто приказала Симузар.

Мехрибан неохотно встала.

Во дворе завода, ярко освещенном прожекторами и множеством фонарей молочного цвета, было пустынно. Изредка мелькала женская фигура в белом халате, спешившая из лаборатории в операторскую, или помощники операторов спускались из операторской, чтобы проверить насосы, подающие нефть. То тут, то там из труб с шипением вырывался пар, и легкие облачка тотчас же растворялись в воздухе. Ровно и сильно гудели гигантские печи.

До конца смены Мехрибан еще несколько раз садилась к своему шиту и за все время ошиблась не больше двух-трех раз. Это был успех! Когда вызовов становилось меньше, ее даже охватывало нетерпение. К утру она работала уже совершенно свободно. И оттого что работа шла гладко, она не чувствовала никакой усталости, напротив, казалось, что легко могла бы проработать еще смену. Она хотела дока-

зать всем, что теперь уже вполне справляется с работой.

Кто-то из девушек распахнул окно. В комнату ворвалось шумное дыхание насосов и звонкое чирканье воробьев, которое присоединилось к отчетливым голосам телефонисток.

Было уже светло. Подул прохладный ветер. Солнце еще не поднялось, но неподвижные облака, похожие на длинные пряди расчесанной шерсти, уже окрашивались всеми оттенками-алого цвета, словно по ним проводили гигантской кистью.

А к яркому небу устремились черные силуэты высоких башен, обвитых металлом, окруженных лесом труб.

С ближайшей пристани донесся глухой гудок танкера.

Послышался ритмичный стук колес — прошел состав цистерн. Вдалеке уже пели на поворотах колеса трамваев, подвозивших рабочих утренней смены.

Мехрибан вспомнил вчерашний вечер, когда к ней привязался парень в трамвае. Она тогда чувствовала себя такой одинокой и беспомощной.

Заводской двор оживал. Помощники операторов сдавали смену, спешили к своим цехам рабочие, молодые и старые.

Кто-то снаружи подошел к окну коммутаторной. Так как Мехрибан была увлечена работой, она не оглянулась. К тому же у нее за пределами этой комнаты знакомых не имелось. Обычно мужчины, подходявшие к окну, разговаривали с Валидой, Махбубой или Лейлой. Но на этот раз произошло неожиданное.

— Кто третий? — спросил молодой человек, подошедший к окну.

Мехрибан вздрогнула. Но так как огни загорались все чаще и чаще, она не могла оторваться ни на секунду.

Махбуба, которая в это время отдыхала на диване, вскочила и подошла к Мехрибан.

— Тебя! — коротко бросила она.

Мехрибан встала и на секунду замерла. «Кто это? Что ему от меня нужно?» — встревожилась она.

1-77 822

Ей почему-то было страшно повернуть голову. Голос показался ей знакомым. Наконец, собравшись с духом, она посмотрела в окно.

За окном стоял высокий молодой человек, лет двадцати семи. Красивое правильное лицо, тонкий нос с горбинкой, щеки с легкой синевой от частого бритья. В карих прищуренных глазах и в особой складке плавного очерченного рта со слегка выдавшейся вперед нижней губой проглядывали сила и самоуверенность. Словом, это был образец мужественной, покоряющей красоты, и он сам отлично знал это.

— Я начальник четвертого цеха.

Мехрибан оглянулась на подругу, словно ища помощи, но им было не до нее: они едва успевали отвечать на вызовы.

Она снова повернулась к человеку за окном и, заикаясь от волнения, стала оправдываться:

— Я здесь недавно... — Она показала на девушку: — Они тоже ошибались, когда поступили... А в эту смену... вот этой ночью... уже все было хорошо... если не верите, спросите их! Я... я очень люблю эту работу...

Она не смогла договорить. Слезы подступили ей к горлу. Она беззвучно всхлипнула, стараясь сдержаться.

Начальник цеха, который никак не ожидал, что дело примет такой оборот, немного растерялся. На лице отразилось явное замешательство. Он растерянно провел рукой по своим блестящим волнистым волосам. Скорбный голос Мехрибан, страх, застывший в ее глазах, и крупные светлые слезы на щеках вызвали в душе молодого инженера неясный образ цветка, прибитого дождем к земле, — такой хрупкой и поникшей показалась эта девушка.

— Вот как нехорошо получилось, — неуверенно кашлянув, проговорил он. — В тот день мы проверяли новую аппаратуру, ребята напутали там кое-что, и я, знаете, как раз искал, на ком бы сорвать зло. А вы... — Он снова изумленно взглянул на нее. — Одним словом, пришел просить извинения.

Мехрибан стояла с опущенной головой. Она вытерла слезы уголком крошечного носового платка.

Ей не хотелось, чтобы подруги видели, что она плачет, и она изо всех сил старалась сдержаться.

Молодой человек, видимо, ждал ответа. А она не знала, что сказать. Поблагодарить? Или упрекнуть за то, что из-за его грубости она столько мучилась? Но к этому примешивалось еще какое-то неясное чувство. У нее не хватало сил разобраться, понять, что это такое. [Было похоже на то, что она уже давно знает этого человека. Где и когда она его видела? Может быть, она никогда его прежде и не встречала. А может быть, и видела его, — именно его, такого! — но только в воображении, в мечте?]

В мечте? Да, в мечте... Мечта — это стремление человека вперед, это его надежды, все тайны. Мечта то уводит человека далеко-далеко, то сбивает с пути и заставляет блуждать. Она то обещает тысячи радостей, то смущает. Мечта всегда старше того, что мечтает, потому что она зовет его в завтрашний день. Для нее нет никаких преград, она более сильна, чем человек, породивший ее. Особенно это относится к девушкам — их мечты всегда смелее, чем они сами.]

Наверно, поэтому Мехрибан было трудно разобратся в нахлынувшем на нее новом неясном чувстве. Но хотя она и не понимала, в чем дело, где-то в глубине души она уже простила этого человека.

В душе простила...

Она выпрямилась и сдержанно сказала:

— Ну что ж... Что было, то прошло.

Молодой человек пристально, с любопытством разглядывал тоненькую невысокую девушку.

Безошибочным чутьем, особой интуицией девичьей души Мехрибан поняла, что пауза слишком затянулась и ей пора отойти от окна.

— Одну минуточку! — позвал он. Мехрибан приостановилась, но не обернулась. Он спросил:

— Как вас зовут?

— А зачем это?

— Ну, как-никак работаем на одном заводе. Когда-нибудь все равно придется узнать друг друга.

— Не обязательно! — с достоинством ответила Мехрибан, но тут же обернулась и торопливо проговорила: — Мехрибан. Меня зовут Мехрибан.

Молодой человек улыбнулся:

— А меня Закир. Джалалов Закир.

Мехрибан промолчала.

— Не сердитесь!

Мехрибан снова промолчала. Ей хотелось вернуться на свое место, но словно чья-то сильная рука удерживала ее возле окна.

— Почему вы молчите? Так ничего мне и не скажете?

Мехрибан почувствовала на себе чей-то взгляд. Она обернулась, и глаза ее встретились со строгими глазами Симузар. Так ничего и не ответив, она отошла от окна.

Телефонистки утренней смены с шумом и гамом ворвались в комнату.

— Доброе утро, полубодрницы! А ну-ка, проваливайте! Дайте своим ушам отдохнуть и языкам тоже! — затрещали они.

— Разговоры! — отрезала Симузар, поднимаясь с места.

Все сразу притихли. Мехрибан взяла свою сумочку, сумочку и вместе с подругами вышла.

На улице Валида и Махбуба подхватили ее с обеих сторон под руки, и все вместе направились к трамвайной остановке.

По дороге Валида не могла удержаться:

— Что он тебе говорил!

Мехрибан удивленно вскинула глаза:

— Кто?

— Здравствуй! — по-мальчишески грубовато оборвала Валида. — Товарищ Джалалов, начальник четвертого цеха! Который тогда накричал на тебя.

Мехрибан задумчиво улыбнулась.

— Я не очень поняла, что он говорил... Кажется, хотел извиниться.

— И это все? — хитро прищурилась Валида.

— Да...

Махбуба, не глядя на Мехрибан, выпалила:

— Врешь!

Мехрибан остановилась. Она взглянула на девушек своими скорбными детски-расширенными глазами:

— Почему вру?

— Так долго не извиняются! — пояснила Махбуба. Мехрибан хотела было возразить, что им нет дела до этого, но тут же упрекнула себя: «Нет, так нельзя. Они добрые, так хорошо ко мне относятся...»

Она добросовестно попыталась восстановить в памяти весь свой разговор с Закиром.

— Сначала я испугалась, — начала она. — Скачала, что хорошо работала в эту смену. Он сказал, что у него не ладилось что-то с работой, извинился...

— И это все? — опять нетерпеливо спросила Валида.

— Нет. Потом он спросил, как мое имя. Я сказала. Он тоже сказал свое. Кажется, все...

Валида и Махбуба многозначительно переглянулись, стараясь понять таинственный смысл этого простого разговора, и задумались на минутку.

— Значит, ты сначала испугалась, — сказала Махбуба. — А он ссылаясь на свои неприятности и извинялся? Тут, по-моему, ничего такого нет: человек нагрубил, а потом пришел, извинился. Теперь второй момент: он спросил, как тебя зовут, и ты ответила. Тут тоже я не вижу ничего особенного. Как по-твоему, Валида?

Валида сделала гримасу:

— По-моему, тоже.

Махбуба серьезно взглянула на Мехрибан и сказала:

— Вот что. Ты работаешь с нами, а у нас так: один за всех, и все за одного. Все, что с тобой случится, рассказывай нам, ничего не скрывай. Слышишь?

Мехрибан благодарно кивнула.

— Хорошо!

— А теперь извини, — отпустила ее руку Махбуба, — мы с Валидой идем к ней, я ей платье шью. Я ведь немножко и портниха. Так что, если тебе тоже понадобится, — не стесняйся, скажи! До свиданья.

— Завтра мы в первой смене, до свиданья! — кричала уже издали Валида.

Девушки направились к заводскому поселку.

Мехрибан побежала к трамваю и вскочила в вагон на ходу. Оттого ли, что она провела бессонную ночь, или устала на работе, у нее кружилась голова. Громады заводских зданий, трубы, плавно движущиеся по рельсам краны, маневрирующий паровоз, который словно захлебывался собственным паром, и дальше — дома, магазины — все это плыло перед глазами. Правда ли, что ничего особенного не произошло? Нет, как же, произошло! Конечно, произошло! Во-первых, она удачно проработала ночную смену, а потом начальник цеха извинился перед ней, значит, он больше не будет кричать и жаловаться дирекции.

Никогда еще Мехрибан не чувствовала себя такой счастливой: словно гора свалилась с плеч. И вместе с тем волнение, какая-то тревога закралась в душу. Она смутно угадывала, что короткий разговор у окна был началом каких-то отношений между ней и этим человеком, которого звали Закир и у которого такое странно знакомое лицо. Этот смелый излом бровей, пристальный взгляд слегка прищуренных карих глаз, от которого ей стало сразу так хорошо и тепло, словно это был родной человек, совсем, совсем родной! Не потому ли она так сразу назвала ему свое имя? Да, она чувствовала, что эта встреча — не последняя.

Мехрибан не ошиблась. Закир в это время расхаживал по цеху, проверял хозяйство, работу установки и тоже думал о ней.

Почему-то ему вспомнился случай из детства.

Ему было шесть лет. Однажды он катал по двору свою игрушечную тачку на двух колесах. Вдруг откуда-то из-под крыши свалился маленький воробышек. Он еще не умел летать, беспомощно прыгал у стены, ища, куда бы спрятаться, и жалобно чирикал. Бросив свою тачку, маленький Закир стал ловить его. Вдруг послышалось громкое тревожное чириканье воробыхи-матери. Она металась над своим птенцом, пронзительно звала его и подняла такой шум, что сле-

телись воробы со всего двора и тоже прыгали и кричали, не зная, чем помочь. Шалун-мальчик, не обращая на них внимания, схватил птенца. Первый раз в жизни он держал в руках живую птичку. Она была теплая, пушистая, и у нее был смешной желтый носик. Она билась в руках, стараясь вырваться, а он все крепче сжимал ее и слышал, как часто-часто колотится воробыное сердечко. Так, с птенчиком в руках, он и прибежал домой. Весь день возле их окна слышался отчаянный крик воробыхи-матери. Закиру хотелось оставить птенчика у себя и вырастить. Чтобы птичка не улетела, он накрыл ее душлагом и подсунил туда хлебных крошек. Потом принялся мастерить клетку, строгал палочки, прилаживал их друг к другу. Часа через два клетка была готова, правда, неуклюжая, вся кривая, но это не имело значения, и Закир посадил в нее птенчика. К вечеру воробышек умер.

Закир не мог понять, почему сегодняшняя встреча вызвала это далекое воспоминание. Он улыбнулся и покачал головой. «Надо непременно еще раз повидать ее, извиниться как следует, успокоить. Я, кажется, сильно ее напугала».

3

Все состояние Мехрибан заключалось в семи рублях. Первая получка у нее должна быть не раньше как через десять-двенадцать дней. Кроме того, она должна двести рублей Нисабейим, и эти деньги нужно вернуть поскорее. Дома оставалось еще немного макарон и масла. Вот уже несколько дней как Мехрибан питалась этим. Конечно, если бы к макаронам добавить жареного лука и немного зелени, было бы вкуснее. Но Мехрибан привыкла довольствоваться тем, что есть.

Иногда Нисабейим стучала в дверь и спрашивала, не нужно ли чего. «Нет, нет, большое спасибо, у меня все есть», — торопливо отвечала Мехрибан.

Однажды Нисабейм, усомнившись в ее словах, спросила:

— Доченька, по-моему, у тебя давно уже кончились все деньги. На что же ты живешь?

— Отец прислал мне денег, Ниса-хала! — ответила Мехрибан и, заметив недоверчивое выражение на лице пронизательной старухи, поспешно добавила: — На этот раз он мало прислал, и я не смогла вернуть тебе долг. Ты уж прости меня. В следующий раз отдам обязательно.

Нисабейм возмущенно хлопнула себя по бедру:

— Вот тебе и раз! Посмотри-ка на нее! Да проллит аллах твои дни, разве я у тебя деньги спрашиваю?

Мехрибан мягко сказала:

— Бабушка мне всегда говорила: дарить можешь миллионы, а если заняла хоть копейку — верни!

— Пусть аллах озарит сиянием ее могилу! Сколько я у покойницы занимала!

Мехрибан знала, что у Нисабейм три сына и дочь, все они хорошие специалисты, живут в достатке, и Нисабейм ни в чем не нуждается, так что вряд ли ей приходилось брать займы у бабушки. И хотя она знала, что Нисабейм добрая и всегда готова помочь, она решила как можно скорее вернуть деньги.

Несмотря на усталость после ночной смены, Мехрибан, как только вернулась домой, сейчас же открыла бабушкин сундук. Там лежали старинные платья, шаль. Расстаться с этими бабушкиными вещами было бы слишком тяжело для Мехрибан. Закрыв сундук, она стала оглядывать комнату, прикидывая, что бы можно продать.

Буфет орехового дерева продали еще при жизни бабушки. На стене, у которой он стоял, до сих пор заметен прямоугольный кусок обоев более яркого цвета по сравнению с остальной частью стены.

В комнате были старая кровать, письменный стол, комод и простенький шкаф.

Вторая комната — совсем маленькая. В ней стояла старая тахта с провалившимися пружинами, а на полу лежал тоже ветхий, источенный молью коврик.

И еще... Взгляд Мехрибан упал на самовар, стоявший на подоконнике. В нем давно уже не кипятили воду. Прежде его держали в большой комнате на комодe — для красоты. Потом он потускнел и его перенесли сюда.

Этот самовар и решила продать Мехрибан. Такие вещи можно легко продать на толкучке. Но когда Мехрибан на секунду представила себя в толпе народа, с самоваром в руках, в поисках покупателя, ее покорило. Она вспомнила, что к ним во двор каждое утро приходит старьевщик и кричит: «А стары вещи! А стары вещи!»

Она стала ждать. Когда на дворе раздался наконец гнусавый голос, выкрикивавший: «А стары вещи! А стары вещи!» — Мехрибан, незаметно открыв окно, чтобы не видели соседи, махнула старьевщику.

Через минуту в дверь громко постучали, и в комнату ввалился громадного роста пожилой человек с мешком за плечами. От него несло гуталином и кислым запахом старого тряпья. Лицо было такое же старое и пыльное, как его мешок. Он хищно оглядывал комнату.

Взгляд его испугал Мехрибан.

— Ну-ка, показывай, что у тебя есть! — прохрипел он, придав своему лицу равнодушно-презрительное выражение.

Ухватив самовар за ручки, Мехрибан поставила его к ногам старьевщика. Тот опустил свой мешок на пол, дерго приподнял самовар, осмотрел, и на лице старьевщика появилось такое брезгливое выражение, что Мехрибан уже начала сомневаться в том, что самовар что-нибудь стоит.

Поставив самовар на пол, старьевщик вскинул свой мешок на плечо и буркнул:

— Из-за такого хлама ты заставила меня подниматься на третий этаж?

— Почему, дяденька? — робко спросила Мехрибан. — Он не течет, не побит, смотри, нигде нет вмятин! Хоть сейчас наливай воду и ставь.

Старьевщик еще больше выпятил свою висчащую, как у верблюда, нижнюю губу и покачал головой:

— Если бы этот самовар на что-нибудь годился, ты не старалась бы его сбавить.

Мехрибан тихо, застенчиво сказала:

— Мне нужно немножко денег.

— Нужны деньги — продавай вещь стбящую.

— Но у меня нет больше ничего, что можно продать.

Старьевщик, не спрашивая разрешения, пошел по комнате, окидывая вещи опытным взглядом.

Мехрибан так и замерла от испуга. А он, не обращая никакого внимания на хозяйку, небрежно постукал согнутым пальцем по комоду:

— Может, здесь, в ящиках, что найдется? Шелковый платок или шаль?

— Я продаю только это, — показала она на самовар.

— А в шкафу что у тебя?

— Там посуда.

— Медный казан найдется?

— Есть...

— Покажи-ка!

Мехрибан открыла стенной шкаф; на нижней полке блеснул огромный медный казан.

Старьевщик покачал головой и милостиво согласился:

— Ладно, поставь его туда, к самовару.

Мехрибан не двинулась с места.

— Я не смогу. У меня сил не хватит.

— Ай-яй-яй! — насмешливо протянул верзила и сам, вытащив казан из шкафа, отнес его к двери. Потом спросил:

— Покажи-ка еще что-нибудь. За это ничего не дадут.

Мехрибан молчала.

— Ну, серебряные ложки, супник там, еще что-нибудь! — не отставал старьевщик.

— Было у нас шесть ложек. Только одна потерялась.

— Не беда! Тащи сюда остальные.

— Но я их не хочу продавать.

Старьевщик хрипло рассмеялся:

— И денег хочешь, и продать ничего путно не хочешь! Так мы с тобой не сторгуемся, доченька! Разве чай потеряет свой аромат, если помешаешь его простой ложкой?

У Мехрибан не было иного выхода. Она принесла ложки. Старьевщик небрежно, словно малоценную вещь, швырнул ложки в казан, и они жалобно зазвенели.

— Может, туфли, костюм какой есть? — распялся сборщик хлама.

— Больше ничего нет.

— Скажи прямо, что подаянием живешь!

Этого оскорбления Мехрибан не выдержала. Она решительно сказала:

— Уходи, дядя! Ничего я тебе не продам.

— Это уже не дело! — более мягким тоном начал старьевщик. — Целый час ты держала меня здесь. За это время много наторговал бы. Ну, подумаешь, не так сказал, я же тебе в отцы гожусь.

— Ну ладно, только скорее... скорее!

Старьевщик еще раз осмотрел самовар, казан и ложки и повернулся к Мехрибан:

— Давай руку!

Мехрибан удивленно посмотрела на него:

— Зачем тебе моя рука?

— Порядок такой в торговле, доченька, давай руку!

Мехрибан смущенно протянула руку. Он хлопнул своей ручищей по ее крошечной ладони, и торг начался:

— Семьдесят рублей!

Хотя Мехрибан и не имела никакого понятия о цене этих вещей, но чувствовала, что старик хитрит. Она отняла свою руку.

— Семьдесят рублей за все это?

Старьевщик поморщился:

— А что тут есть? Жестянки?

— Нет, дяденька, этого мало!

— Дай-ка сюда руку!

Мехрибан снова протянула руку.

— Семьдесят пять рублей, с благословения аллаха! — воскликнул старьевщик, снова ударив по ее руке. И снова Мехрибан вырвала руку, побелевшую от тяжелого удара.

— Так не пойдет, дяденька. Мне нужно больше.

— Что ж, говори свою цену!

Мехрибан нужно было дожить до зарплаты и отдать долг Нисабейм. Она прикинула сумму и неуверенно сказала:

— Триста рублей.

Старик сдвинул свои растрепанные запыленные брови и молча вышел.

Мехрибан глубоко вздохнула, и ноздри ее мелко задрожали. Она не спешила закрыть дверь за старьевщиком. Но он не возвращался. Она прикрыла дверь и хотела уже отгнети на место самовар, как в дверь снова постучали. Это был старьевщик. Он сунул руку в карман:

— Окончательно — сто рублей!

Его возвращение придало Мехрибан уверенности.

Онунув глаза, она твердо сказала:

— Триста рублей!

— Девушка! Имей совесть! Ты хочешь ограбить меня!

— Нет, дяденька. Если тебе невыгодно, не бери.

— Давай руку!

— Обойдется и без рук.

— Сто двадцать пять рублей!

— Мне нужно триста!

— А совесть где потеряла?

— Не хочешь — продам другому!

Старьевщик криво усмехнулся.

— Другой не посмеет войти в этот двор! Мы, старьевщики, весь город поделили между собой. Это мой участок, стало быть, и двор мой.

Мехрибан пожала плечами.

— Не знаю. Мне нужно триста рублей.

— Если тебе нужно триста рублей, прибавь к этому что-нибудь.

— И щепочки не прибавлю.

— Тогда прощай! — сердито проворчал он и ушел.

Мехрибан с сердцем захлопнула за ним дверь. Не прошло и трех минут, как он опять вернулся.

— Давай руку!

— Незачем.

— Двести!

— Мне нужно триста.

— Доченька! Если бы я так долго упрасивал шаха отдать за меня дочь, он, наверное бы, ее отдал! Чтобы дать за эти вещи триста рублей, надо, чтобы они этого стоили. А если бы тебе нужна была тысяча, ты тоже вердила бы: дай тысячу?

— Эти вещи стоят дороже, — сдержанно сказала Мехрибан. — Иначе ты давно ушел бы.

— Дай сюда руку, — решил, наконец, старьевщик; сам схватил руку девушки и, хлопнув по ней, объявил:

— Двести пятьдесят!

Мехрибан совестно бросало торговаться еще. Ее и так уж несколько раз бросало в жар от стыда.

— Так и быть, бери!

Старьевщик вытащил из кармана пачку аккуратно сложенных, мягких, как тряпки, денег, поплевал на пальцы, отсчитал, сколько нужно, и протянул Мехрибан. Его мешок, будто бездонный колодец, проглотил и самовар, и казан, и ложки.

— Только за то, чтобы тащить такую тяжесть, надо заплатить двести пятьдесят рублей! — ворчал он, уходя.

На самом деле — он знал это — только ложки стоили двести пятьдесят, а самовар и казан он получил даром. Старьевщик был доволен сделкой.

Мехрибан тоже была довольна и обрадована. Она и не рассчитывала получить такую кучу денег. Как только старьевщик ушел, она постучала к Нисабейм и, счастливая, сияющая, протянула соседке деньги.

— Отец мне еще прислал денег, Ниса-хала, вот... Спасибо тебе большое!

Как ни упрямылась Нисабейм, Мехрибан втиснула ей в руку смятые бумажки и убежала к себе.

Следы огромных башмаков старьевщика отпечатались на полу. Мехрибан тщательно затерла их и потом долго мыла руки.

Позавтракав, она прилегла на тахту, но долго не могла уснуть. Мысли проносились в ее голове и не давали успокоиться. «Значит, долг я вернула. Осталось у меня еще пятьдесят семь рублей. Надо прожить до полочки. Проживу. Какие хорошие девушки — Валида и Махбуба! Один за всех, и все за одного... Значит, я смогу с ними вместе работать. «Как вас зовут? — А зачем вам мое имя? Мехрибан. Меня зовут Мехрибан». Зачем я так поспешила сказать ему свое имя? «А меня зовут Закир». Его зовут Закир. Закир... Хорошее имя! Махбуба все время ссорится со своим Ханбалой. Почему? Ибад повезет Валиду на своей машине. Лейла хочет, чтобы у нее была дочка, а муж хочет мальчика. Если отец узнает, что я устроилась на работу, он, наверно, обрадуется. Кто знает, может быть, и не обрадуется. Может быть, ему все равно. Он совсем уже забыл меня. Больше не пишет... Как я буду жить одна?.. Как много людей на свете, и все разные. У всех знакомых девушек есть родители, или мать, или отец. А я одна. Одна! Плохо быть одной, очень плохо!.. Какой неприятный этот старьевщик... Интересно, придет ли Закир завтра? А зачем? Какое у него может быть еще дело ко мне?..»

Напряжение и усталость дали себя знать. Веки Мехрибан медленно смыкались. Она чувствовала, что погружается словно в море; тело стало невесомым, дыхание еле слышным. Она увидела сон, такой же тяжелый и путанный, как ее мысли.

... Дверь открывается сама собой. В комнату влезает старьевщик, за спиной у него огромный мешок. Вознив свой хищный взгляд в Мехрибан, которая испуганно сжалась в углу, он начинает хватать все вещи в комнате и совать их в мешок. Бездонный мешок проглатывает посуду, постель, одежду, даже шкаф и письменный стол — все, что есть в комнате. Потом он подходит к Мехрибан, подхватывает ее, как перышко, и тоже несет к мешку. Она бьется в его ру-

ках, хочет вырваться, в безумном страхе глядит на разинутую пасть мешка. Она хочет кричать, но голоса нет. Она теряет сознание. Вдруг чья-то сильная рука вырывает ее из лап старьевщика. Это Закир! Смертельно напуганная и измученная, Мехрибан, охватив руками шею своего избавителя, плачет как ребенок. Старьевщик со своим мешком исчез. Закир таинственно шепчет Мехрибан на ухо: «Я должен уйти!» Мехрибан в страхе прижимается к нему.

— Нет, нет, не уходи! Мне страшно, не уходи. Страшно! Не уходи!

Закир, оглядев пустую комнату, спрашивает: «Где твои родители?»

— У меня никого нет... я одна. Одна...

Как ни старается Закир освободиться, разжать ее руки, ему это не удается. Вся в слезах, она умоляет не покидать ее здесь одну. Закир спрашивает:

— Чего ты боишься?

— Я боюсь людей. Они злы, беспощадны. У них каменные сердца. Отец меня бросил, его жена меня не любит, бабушка умерла, старьевщик меня ограбил. Останься, Закир, прошу тебя, останься со мной! Мне страшно, ведь я одна.

Тогда Закир прижимает к своей груди Мехрибан и целует ее в губы, мокрые от слез, целует, целует... И ей опять становится страшно, но по-другому. Теперь она старается вырваться из рук своего защитника...

... Мехрибан, задыхаясь, вскопчила с тахты и испуганно оглянулась по сторонам. Значит, это был сон! Все в комнате стояло на своем месте. Значит, старьевщик не утащил вещи и Закира здесь не было! Она вздохнула с облегчением.

Город, раскинувшийся там, за окном, весь розовый в закатных лучах, словно отдыхал от изнурительного дневного зноя. Звонкие голоса детей, играющих на улице, уносились прямо в бездонно-прозрачное небо.

Нет, ничего страшного не случилось. Но почему же так горели щеки, когда она, растерянная, полураздетая, стояла посреди комнаты? Почему ей было стыдно самой себя?

Закир поцеловал ее! Первый поцелуй в жизни достался ей во сне! Но сон был таким ярким, зримым, что Мехрибан долго не могла отделаться от впечатления реальности всего, что видела.

«Зачем, зачем я так его удерживала?!» — мучилась она.

И почему-то в душе ее шевельнулось недоверие к Закиру.

4

На следующий день Мехрибан работала лучше. Правда, она не умела еще отыскивать нужные номера, не глядя на шит, как это делали остальные девушки; ее широко открытые глаза по-прежнему напряженно бегали по всему шиту. Но все-таки сегодня ни один абонент не пожаловался на нее.

Утром она очень спешила на работу и не успела позавтракать; завтрак завернула в бумагу и принесла с собой. Как только Джамия подменила ее, она села на диван у открытого окна и развернула сверток с едой.

Хлеб был еще позавчерашний, черствый, и крошки сыпались Мехрибан на платье. Поев, она аккуратно собрала крошки и высыпала их на наружный край подоконника. Тотчас же слетелась целая стая воробьев и принялась суетливо клевать крошки. Шум, поднятый серыми пичужками, отвлекал Мехрибан от работы, но ей было жаль прогонять птиц.

Вдруг воробьи все разом вспорхнули и разлетелись. Очевидно, кто-то спугнул.

Мехрибан не обернулась, но сердце, которое вдруг отчаянно забилося не только в груди, но даже в кончиках пальцев и висках, подсказало, что это Закир.

— Мехрибан!

Мехрибан не оборачивалась, словно не слышала. Ей было неловко перед девушками. Зачем он снова пришел к ней? Ну прошлый раз понятно — пришел извиниться. А сейчас?

— Доброе утро, Мехрибан!

Джамия оторвалась от книги, прищурившись, взглянула в окно, сейчас же встала и заменила Мехрибан.

Мехрибан робко, словно провинившийся ребенок, украдкой взглянула на Симузар и на остальных и, теребя кончик сползавшей на плечи косынки, подошла к окну.

Закир стоял, непринужденно заложив руки в карманы куртки. Белоснежный крахмальный воротничок плотно охватывал его крепкую шею. И этот воротничок, и видневшийся между его кончиками небольшой аккуратный узел светлого в черную крапинку галстука очень шли ему, подчеркивали свежий цвет лица.

— Здравствуйте, Мехрибан!

— Здравствуйте, — ответила Мехрибан, и собственный голос прозвучал в ее ушах, как чужой. — К добру ли ваш приход?

— Конечно, к добру, — улыбнулся Закир.

Хотя испуганные печальные глаза девушки с первой встречи тронули его сердце, он старался ничем не выдать этого, держался свободно и чуть небрежно. Все его движения были спокойны. У него была своеобразная манера улыбаться: когда губы улыбались, брови жалобно морщились, словно протестуя. Эта улыбка всегда неотразимо действовала на девушек.

Точно так же улыбался он и сейчас.

Ресницы Мехрибан задрожали и быстро опустились, словно она боролась с соблазном.

— Как идут ваши дела?

Все тем же будто чужим голосом она ответила:

— Спасибо, ничего.

— Может быть, вам нужно в чем-нибудь помочь?

— Нет, спасибо. Ничего не нужно. Ничего.

Мехрибан невольно подняла ресницы, и в ее робком взгляде можно было прочесть: «Зачем пришел?»

Закир беспечно улыбнулся, и его взгляд ответил: «Просто так. Сам не знаю, зачем.»

«Здесь неудобно долго стоять...»

«Я могу стоять здесь, сколько мне захочется!»

«Почему?»

«Разве ты сама этого не хочешь?»

Этот безмолвный разговор вели лишь одни глаза.

Вдруг Мехрибан вспомнился вчерашний сон, и кровь бросилась ей в лицо. Но ведь этот сон был отражением ее собственных переживаний, всего того, что волновало ее в последние дни, причем же здесь Закир? Разве он виноват, что приснился ей? Но откуда же это смутное чувство недоверия к нему? Неужели только сон тому причина? А может быть, виной здесь то странное предчувствие, которое появилось еще до этого сна и так растревожило сердце?

Закир не догадывался о причинах внезапной перемены в лице Мехрибан. Он приписал это старой обиде, подумал, что она до сих пор не может простить ему грубости. Но он был готов на все, чтобы искупить свою вину! Может, только из-за этого он и пришел сюда? Желая проверить себя, он снова внимательно взглянул на Мехрибан.

Она была маленькая, тоненькая. Ее светло-каштановые волосы слегка распушились над спокойным, чистым лбом. По плечам спускались тонкие, мягкие косы. Его удивила бедность девушки; она произвела такое впечатление, будто недавно болела, или еще не совсем физически развилась. Лицо как будто ничем особенным не отличалось от других девичьих лиц, которые он видел на заводе, но Закир, как и все, был тронут выражением глубокой печали и внутренней тревоги, которое, казалось, постоянно жило в глубине ее глаз, даже когда она улыбалась. И эта улыбка слегка кривилась в сторону ее по-детски свежие губы. Закиру казалось, что лицо Мехрибан становится милее для него с каждой минутой.

И вдруг он спросил:

— Мы не могли бы встретиться сегодня вечером?

Мехрибан вздрогнула, словно очулась. Широко раскрыв глаза, она с упреком посмотрела на Закира.

— Уходите, — тихо сказала она.

Он настаивал, видно приняв какое-то решение:

— В восемь часов!

— Нет!

— Когда же?

— Никогда!

— Почему?

Мехрибан не ответила. Наступило молчание. Слышались только тяжелые вздохи насосов на заводском дворе, монотонные голоса телефонисток на недоуменное чириканье воробьев, усевшихся шеренгой на толстой трубе, протянутой на высоте от установки к конденсатору. Они нетерпеливо ждали, когда же уйдет этот человек, помешавший клевать крошки на подоконнике.

Закир, сморщив брови, улыбнулся:

— Вижу, что вы на меня сильно обиделись.

Мехрибан, запинаясь, ответила:

— Нет, я... я не обиделась. Только уходите. И больше не приходите сюда... Больше не приходите!

Отказ только укрепил его решение.

— Мы непременно должны встретиться.

— Нет. Уходите!

— И непременно сегодня вечером. В восемь часов. Я буду ждать вас на углу «Азнефти».

— Нет, нет, я не приду!

— Не опаздывайте!

И не дожидаясь ответа, он приветственно помахал ей рукой и пошел прочь.

— Я не приду. Не приду. Погодите!

Последние слова она произнесла почти шепотом, чтобы не услышали девушки. Когда Мехрибан увидела, что он уже уходит, она окончательно растерялась и, не зная, что делать, замерла у окна.

Кто-то дотронулся до ее плеча. Это была Джамия.

«Не пойду. Ни за что, ни за что! — твердила про себя Мехрибан. — Пусть себе ждет, сколько хочет!»

Закир завернул за угол установки и исчез. Джамия, сев на диван, уткнулась в книгу. Мехрибан заняла место за щитом. Воробьи с торжествующим чириканьем снова слетались на подоконник и принялись доклевывать крошки.

Все было как несколько минут назад. Но так только казалось. В одинокой жизни Мехрибан про-

изошло огромное событие. Ей назначили свидание! И кто? Закир! Мечта становилась жизнью, мечта ожидала!

В мечтах Мехрибан обращалась с Закиром очень просто, как с давним другом. Но, начиная с этой минуты, действительность раскрыла перед ней двери в свой мир, сложный, полный неразрешимых загадок. Переступить порог этой двери значило для нее расстаться со своей мечтой, с которой она сроднилась давно, очень давно! Эта мечта впервые явилась к ней в том возрасте, когда девочка начинает превращаться в девушку...

Руки Мехрибан дрожали, цифры на щите путались перед глазами. Сейчас она ошибалась так же, как и в первый день работы.

«Нет, не пойду, не пойду!.. Я же сказала ему, пусть не ждет. Если хочет, пусть приходит, но меня там не будет!» — снова и снова повторяла Мехрибан и ждала, что вот сейчас Закир позвонит, напомним ей о встрече, будет снова настаивать. И каждый раз, когда звонили из четвертого цеха, в горле у нее пересыхало.

Человеческая натура сложна. Почему Мехрибан так хотелось, чтобы Закир позвонил ей, почему она с таким нетерпением ожидала его звонка? Чтобы иметь возможность еще раз сказать ему: «Нет!» Зачем? Если она не хочет идти, то и не надо! Неужели она боялась, что если не пойдет на свидание, Закир снова найдет повод жаловаться на нее и требовать, чтобы ее уволили? Может быть, она ждала звонка, чтобы уговорить, упросить его отказаться от свидания, или если он не откажется, то хотя бы отложить? А для чего отложить? Чтобы было время обдумать такой серьезный шаг и решить, как ей теперь быть со своей мечтой, которая становится реальностью? Или, может быть, Мехрибан, как многие девушки, просто капризничала, ломалась? Нет. Мехрибан была по-настоящему напугана. Она боялась этих новых отношений, боялась, что они могут закончиться печально. Она чувствовала, что они с Закиром не пара.

Закир, конечно, очень похож на ее воображаемого друга, который жил в мечте, но он еще красивее.

«Ах, если бы он не был так красив! — печально думала Мехрибан. — Я ни капельки ему не подхожу! Поэтому наша дружба не может быть долговечной. Я быстро потеряю его».

Кто не любит мечтать? А одиночество больше всего располагает к этому. Мехрибан была одинока. Она любила прекрасное, искала его во всем. В жизни ее требования были очень скромны, но в воображении, в мечте она соглашалась жить только среди прекрасного и наделяла красотой все.

Еще в ранней юности отдала она свое сердце несуществующему другу, на которого так походил Закир. Но если у тебя такой красивый друг, надо и самой быть не хуже! Мехрибан с той же щедростью наделяла красотой и себя, — в мечте это было так легко сделать! И вдруг мечта неожиданно ожила, но, увы, только наполовину!

И если это беспощадная жизненная правда вливается в мир ее мечты, она непременно разрушит чудесную дружбу этой юной пары: Мехрибан и ее возлюбленного, оторвет их друг от друга, заставит нарушить свои клятвы в верности. А им так хорошо и уютно было вместе в своем волшебном мире, они так сроднились с ним и друг с другом... И если Мехрибан потеряет этот мир, то лишится своей единственной радости, станет еще более одинокой, чем сейчас. Поэтому она предпочитала смотреть на Закира издалека, чем, подойдя близко, после двух-трех встреч потерять его навсегда.

Вот это и было, пожалуй, ближе всего к истине. Страшнее всего для Мехрибан было расстаться с тем непонятным новым чувством, которое сейчас и радовало, и терзало, и пьянило ее, страшнее всего было, что это чувство не выдержит соприкосновения с горькой правдой жизни и погибнет.

«А может быть, он хочет встретиться со мной совсем по другому поводу, — размышляла Мехрибан. — Может быть, он или его отец когда-нибудь знали моего отца, и он хочет рассказать мне что-нибудь

важное? А я уже вообразила бог знает что! Но, нет. Если бы он собрался мне что-нибудь сообщить об отце, мог бы это сделать и здесь, под окном, или в обеденный перерыв. Для этого не нужно назначать встречу в городе. Говорят, что там, у «Азнефти» и на приморском бульваре, все назначают свидания, это уж такое место. Нет, что бы там ни было — не пойду!»

Эти мысли так далеко увели ее от работы, что она уже потеряла представление о том, что делается у нее на шите, кого с кем соединяет. «Ах, если бы он позвонил!» — томилась она.

В это время кто-то крикнул в аппарате Симузар: — Барышня! Что это у вас там творится? Уже десятый раз прошу слесарный цех, мне дают то ОРС, то отдел кадров, то пристань!

Симузар быстро соединила его и, обернувшись, зорко взглянула на Мехрибан. За остальных она была спокойна. Вид девушки ей не понравился. Она командовала Джамиле:

— Замени-ка ее!

Из девушек Симузар больше всех была привязана к Джамиле. Ей нравилась молчаливость и скромность девушки и то, что для нее, кроме работы и книги, видимо, ничего не существовало. Джамиле привычно тронула плечо Мехрибан; та вздрогнула и поднялась со своего места.

— Подойди ко мне! — позвала Симузар.

Мехрибан подошла, словно школьница, не выучившая урока. Отвечая на непрерывные вызовы, Симузар спросила:

— Что с тобой сегодня?

— Не знаю...

— Может быть, ты больна?

— Не знаю.

— Уходи!

— Куда? — насторожилась Мехрибан.

— Домой.

Мехрибан грустно посмотрела на свой щит, на девушек и направилась к выходу. У двери она остановилась и спросила:

— Больше мне не приходите?

Симузар, не глядя на нее, ответила негромко:

— Почему же не приходите? Иди отдохни и завтра приходи. Мы будем во второй смене, смотри, не опаздывай. Я говорила о тебе в отделе кадров, — с завтрашнего дня ты будешь зачислена в штат.

От радости в глазах Мехрибан выступили слезы. Ей захотелось обнять строгую молчаливую Симузар, кричать и прыгать, как ребенку.

Но ничего этого она не сделала. Она только смогла взволнованно произнести:

— Большое спасибо! Хочу, чтобы вы были счастливы!

Услышав эти слова, Симузар на мгновение задумалась: «Почему она так сказала? Разве я не счастлива? У меня, кажется, все есть: дом, отец с матерью, брат, племянник, любимая работа. Что же еще нужно для счастья?»

Она невесело улыбнулась:

«Наверное, все эти девушки понимают счастье только в одном смысле. Ну и дети».

Она обернулась к двери, но Мехрибан в комнате уже не было.

5

Придя домой, Мехрибан решила сейчас же написать отцу и сообщить ему, что устроилась на работу. Она села за письменный стол, вырвала пару листов из тетради в линейку и, хорошенько подумав, начала:

«Дорогой папа! Вот я уже и работаю. Я телефонистка на нефтеперерабатывающем заводе. Не беспокойся обо мне, теперь я вполне могу прожить самостоятельно. Долг Ниса-хала я вернула. Остается только уплатить за квартиру — я смогу это сделать из первой полочки. После похорон бабушки мне первое время было страшно одной по ночам, но теперь я уже начинаю привыкать. В этом году я закончу восьмой класс вечерней школы. Я работаю вместе с очень хорошими девушками...»

Мехрибан подробно описывала отцу все, что произошло в ее жизни за последние дни. Ей хотелось, чтобы тон письма был бодрым и жизнеутрачивающим. Умолчала она только о Закире и о том, что продала самовар и другие вещи. В конце письма она передавала привет всей семье.

«...поверь, папа, мне ничего не надо от вас. Пусть всегда горит огонь в вашем очаге! Прошу тебя только об одном: пиши мне хоть изредка. И еще, если можно, пришли мне карточки детей. Ведь я здесь совсем одна...»

Комок подступил ей к горлу, и она не смогла закончить фразу. Она быстро подписалась, вложила письмо в конверт и надресовала адрес: Рига, улица Каляева...

Потом руки бессильно упали, и вся она поникла, уронив голову. Все кругом было так безотрадно, все причиняло боль. Опять она остро почувствовала, что в ее жизни недостает чего-то самого главного. Слишком мало знала она людей, слишком мало знала окружающий мир. Словно в детстве, уснула надолго и только сейчас проснулась и начала изумленно оглядываться, постепенно разбираться в том, что делается в жизни. Города, которые она объездила с отцом, всплывали иногда в памяти не знавшей ласки девочкой, словно вереница туманных, утомительных снов. И вот она очнулась наконец от этих снов, но очнулась уже не девочкой, а девушкой.

Дети, выросшие в нормальной, дружной семье, обычно обращаются за помощью к старшим — отцу, матери, братьям, сестрам. Но с кем могла посоветоваться Мехрибан? Родных у нее здесь не было, с девушками на работе она еще не успела сблизиться по-настоящему. Соседки Нисабейим она стеснялась.

Сегодня в восемь часов Закир будет ждать ее на углу «Азнефти». Идти ей или не идти? Предстояло решить этот трудный вопрос. Но разве она уже не решила его, не сказала себе твердо, что не пойдет? Откуда же опять эти колебания? Значит, утреннее решение было недостаточно твердым? Оно исходило не от сердца, а от разума, и, когда сердце подало свой

голос, начало требовать своего, в душе Мехрибан началась борьба. Разум говорил: «Не ходи!», но открытое надеждой сердце так и летело туда, на свидание. Разум твердил, что это опасно, что надо бежать от искушений, а сердце неудержимо стремилось поддаться этому искушению. Разум был трезв, а сердце оьянело. Разум вел себя, как трус, а сердце не знало страха.

«Если он хочет со мной встретиться, значит, я все-таки хоть немножко ему нравлюсь?» — пришло в голову Мехрибан, и теплое чувство наполнило ее всю, словно заструилось под кожей. — Может быть, он еще меня полюбит, и я буду счастлива? Нет, что бы там ни было, — пойду!.. Кажется, он парень серьезный, умный. Не может у него быть плохих намерений, он не сделает мне зла».

И Мехрибан начала готовиться к встрече. У нее было всего три платья — одно зимнее, сшитое из шерсти, другое — то, что на ней, — для работы и третье нарядное, шелковое в крупных цветах, было привезено из Риги. Отец однажды заметил, что Мехрибан выросла из всех своих платьев и обещал купить ей что-нибудь новое. Но мачеха, чтобы избежать лишних расходов, отдала ей одно из старых платьев. Платье переделали, и оно стало выходным нарядом Мехрибан — она надевала его только по праздникам или в театр. Но платье было уже настолько поношено, что Мехрибан приходилось обращаться с ним очень осторожно; от частых стирок платье стало расплываться. Мехрибан очень хотелось сохранить его как можно дольше, она с большим старанием его подштопывала и зашивала, но платье неудержимо расплывалось все в новых и новых местах. И сейчас Мехрибан начала с того, что поставила утюг на огонь, выдвинула ящик комода и, бережно вынув платье, осмотрела его. На правом плече опять светилась дырка. Мехрибан искусно выдернула шелковинку из запаса в боковом шве и принялась штопать.

Это заняло у нее около часа времени. Затем она причесалась, аккуратно заплела косы и, осторожно надев платье, подошла к зеркалу. Бледность лица

очень расстроила ее: «Какая же я все-таки некрасивая!» Но друг ее мечты, который всегда разделял ее одиночество, шепнул: «Нет, ты красива, Мехрибан! Красота человека в его глазах. Посмотри, как сияют твои глаза, — я их не променяю на целый мир! В них теплота жизни, волнение любви, тихая грусть, доверчивость и чистота. Взгляни на себя моими глазами, Мехрибан. Ты красива. Сердце твое чисто, как утреннее небо, и эта чистота отражается в твоём взоре. Сокровища твоего сердца еще никем не открыты, и только глядя в твои глаза, можно представить себе, что таится в нем!» Откуда эти слова? Не прочла ли их Мехрибан в какой-то книге? Может быть. Но сейчас их только что прошептал на ухо друг ее мечты.

«Нет, ты красива, Мехрибан. Красота человека в его глазах...»

Последнее время она соблюдала такую строгую экономию в еде, что заметно похудела, и платье стало ей широко. Это тоже было похудо.

Обернувшись, она взглянула на простенькие настенные часы-ходики. До назначенного времени оставалось еще полчаса. Но уже сейчас ее шея и лоб покрылись испариной от волнения. С горечью подумала она о том, что у нее нет даже крошечного флакончика одеколона, не говоря уже о духах. Взгляд ее упал на кюлабпуш — старинный серебряный сосуд, стоявший на подоконнике. В день смерти бабушки соседка Насабейм наполнила этот сосуд розовой водой, — она называла ее «слезой розы». Эту воду поливали на руки всем, кто приходил проститься с покойницей, и они смачивали ею лицо — совершали поминовение.

Взяв в руки кюлабпуш, она легонько качнула его. В нем еще оставалось немножко душистой воды на доньшке. Мехрибан смочила виски и шею. Тонкий, едва слышный аромат вызвал в памяти Мехрибан те печальные дни. Последние дни перед смертью бабушка Аджар-ханум была так изнурена болезнью, что совсем высохла, стала маленькая и бродила по комнате, выгнувшись чуть не вдвое. А когда умерла, вся выпрямилась, вытянулась, так что Мехрибан едва

верила, что это она. Соседка и знакомые, приходившие прощаться с покойницей, все очень плакали. Нисабейм ударяла себя по коленям и горестно причитала: «Бедная моя сестрица, не увидела ты добра от сына!»

Одна Мехрибан не плакала и только смотрела на все широко открытыми, неподвижными глазами, в которых застыло горькое удивление. Она машинально подавала чай, уносила и мыла стаканы, принимала у старух чадру и складывала на сундуке.

Аджар-ханум похоронили. По обычаю люди приходили на поминки, которые справлялись три раза: на третий, девятый и сороковой день. Наконец, отдав последний долг покойнице, все разошлись, и Мехрибан осталась одна. Все эти сорок ночей Нисабейм ночевала у Мехрибан, успокаивала и утешала ее, как могла. После третьих поминок Нисабейм, вздыхая, сказала:

— Кончилось... Эх, доченька, все мы рано или поздно уйдем туда. Только добрые дела наши останутся после нас.

В ту ночь Мехрибан осталась одна. Ей не удалось заснуть до утра. В первый раз она поняла, что потеряла навсегда свою бабушку. Слезы наконец пришли, и она плакала навзрыд. Удивительно, что не образ мертвой бабушки пугал ее, а что-то другое. Ей все время казалось, что в комнате кто-то есть, и этот кто-то движется по комнате, она слышала его дыхание. Не раз она в страхе вскакивала с постели, зажигала свет, заглядывала во все углы, даже выходила на кухню. Все было тихо. Но стоило погасить свет и лечь, как опять в комнате кто-то появлялся и вздыхал. Она так перепугалась, что хотела даже постучать Нисабейм, разбудить, позвать на помощь или попроситься к ним переночевать. Но, собрав все свое мужество, стиснула зубы и терпела до утра; она так и не спала всю эту ночь. Она придумала не выключать свет по ночам, и ей стало спокойнее. Но, когда ей пришлось уплатить по счету за электричество вдвое больше, она стала гасить свет.

Эти воспоминания немного отвлекли ее от предстоящего свидания и волнений, связанных с ним. Было уже пора отправляться. В последний раз повернувшись перед зеркалом, вышла.

На площадке второго этажа она неожиданно столкнулась с Нисабейим и, растерявшись, остановилась.

— Куда собралась, дочка? — спросила старуха, внимательно оглядев девушку, и тоже остановилась на площадке, чтобы перевести дух. Нисабейим была грузная пожилая женщина, и подниматься наверх ей было тяжело.

Щеки Мехрибан вспыхнули.

— Я... у меня небольшое дело есть, Ниса-хала...

Проницательная Насабейим улыбнулась:

— И кажется, дело сердечное? Ты разделась, принарядилась...

Чтобы предотвратить дальнейшие расспросы, Мехрибан сама поспешила спросить:

— А ты откуда идешь, Ниса-хала?

— От дочери. Она что-то опять стала капризничать — не ест: того не хочу, этого не могу. Видно, беременна она. Сходила, отнесла ей кисленького.

Мехрибан, скромно опустив глаза, спросила:

— Это который же по счету внук ожидается у тебя, Ниса-хала?

— Одиннадцатый! — гордо выпрямилась Нисабейим. — Кажется, деточка, придется мне скоро открывать детский сад. И ты, когда бог даст выйдешь замуж, тоже, уходя в театр, будешь оставлять мне своих малышей... Это платье тебе к лицу. Значит, у тебя завелись сердечные дела? Что ж, в добрый час! Смотри, не стесняйся, если что понадобится — совет добрый или еще что, — приходи к Ниса-хала. Я ведь тебе теперь как мать, как бабушка, да проживешь ты столько лет, сколько песчинки на ее могиле! Аджарханум завещала, чтобы я смотрела за тобой, заменяла тебе мать.

— Благодарю тебя, Ниса-хала... Я должна идти. Сегодня у нас на заводе собрание...

Нисабейим, еще раз окинув взглядом взволнованное лицо и наряд девушки, многозначительным тоном сказала:

— Что ж, доченька, иди... Только, смотри, долго не задерживайся. Не годится девушке возвращаться поздно домой. Иди, иди, детка, на свое собрание, или что у тебя там.

Изабавившись от разговорчивой старухи, Мехрибан стрелой полетела вниз. Она опаздывала. Чтобы поскорее попасть к «Азнефти», она выбрала самый короткий путь, переулками. Благополучно проскочив сквозь команду уличных футболистов, яростно гонящих мяч по переулку, она спустилась по улице Лермонтова к Сарайкину. За ажурным каменным парапетом по ту сторону улицы перед ней открылся широкий вид на город, гигантским амфитеатром сбегавший к морю. Спустились сумерки. За парапетом сразу начинался парк; между кронами пушистых сосен, ив и кипарисов проглядывало бирюзовое море. У пристаней стояли пароходы, баркасы, сейнеры, множество других судов двигалось вдаль, одни из них приближались, другие отходили от причалов. То тут, то там начинали загораться первые робкие огоньки. Мехрибан сбегала по широкой лестнице, часто перебирая ногами, как девочка, и ставя туфли немного бочком, чтобы не испортить каблуки. Под конец она уже прыгала через две ступеньки. Косынка сорвалась у нее с головы, она поймала ее на лету и продолжала свой путь по улице, ведущей к Баилову. Выйдя на линию трамвая, она завернула к «Азнефти». Но, не дойдя нескольких десятков шагов до условленного места, резко остановилась: Закира там не было.

«Может быть, она вовсе и не приходил?» — мелькнула у нее мысль. Она выгатила из-за резинки короткого рукавчика носовой платок и стала вытирать лицо. Чтобы немного отдышаться, пришлось опереться спиной о стену.

Отсюда, где стояла Мехрибан, был хорошо виден угол здания «Азнефти». Она никак не могла решить-ся перейти пространство, отделявшее ее от этого угла.

Люди и машины непрерывным потоком заворачивали за угол. Тротуар то заполнялся, когда очередной автобус выбрасывал пассажиров, то снова пустел.

«Может быть, я напрасно стою здесь? — мучилась сомнениями Мехрибан. — Может быть, он уже приходил, не дождался и ушел? Нет, он не мог так скоро уйти. Ведь он сам настаивал на этой встрече! Наверное, помешало что-нибудь, задержался, но придет. Непременно придет... непременно!»

Внезапный порыв ветра покрыл морщинистой рябью шелковистую гладь моря. Мехрибан подставила прохладному дуновению свое пылающее лицо и глубоко вздохнула.

Вдоль аллей бульвара вспыхнули гирлянды фонарей. Бухта окончательно окуталась тьмой. Площадь еще раз заполнилась нахлынувшей толпой, которая постепенно растаяла, растеклась, и снова стало пусто и тихо. Тишина охватила набережную, бульвар и море.

Мехрибан все не двигалась с места. Площадь была хорошо освещена, и угол здания, за которым она наблюдала, был ясно виден. Там все еще никого не было. У Мехрибан не хватало духа обвинять Закира. Напротив, теперь она уже беспокоилась. Не заболел ли, не случилось ли чего-нибудь? Теперь машины не дают гудков, а носятся так быстро!.. Нет, нет, не может быть!

В открытом летнем кинотеатре имени Самеда Вургуна, стоящем на самом берегу, погасло внутреннее освещение — начался сеанс. Теперь изыщную колониadu театра озаряли только огни реклам снаружи. Доносилась музыка фильма, потом она сменилась хором поющих голосов.

Мехрибан уже не могла стоять неподвижно, она ходила взад и вперед вдоль стены. «Вот и картина началась, — вздохнула она, — кажется, индийскую песню поют. Уже поздно. Теперь он не придет. Ой! Кто это подошел? Остановился там... на углу?» Она бросилась было туда, но удержалась — это был не Закир. Парень, подошедший к углу, остановился, ловко бросил себе в рот сигарету и закурил. Потом, по-

гасив спичку, щелчком швырнул ее в проносившуюся машину и начал прохаживаться по тротуару. Мехрибан вернулась на прежнее место. «Больше нет смысла стоять здесь. Уйти? Или еще немножко подождать?» Под стеной, где она ходила, было темнее, чем за углом. Какая-то пара, шедшая со стороны Баилова, свернула сюда и остановилась. Девушка отдала свою сумочку молодому человеку и, оглянувшись украдкой по сторонам, приподняла платье и стала подтягивать чулки. Парень загоразивал ее собой.

— Отвернись! — послышался капризный голос девушки.

— Вот, делай добро людям! — проворчал тот. — Я нарочно стою так, чтобы никто не видел.

— И тебе нечего смотреть!

— А для чего же мне бог глаза дал?

— Глухой!..

Девушка выпрямилась, вырвала из рук парня свою сумочку и, сердито постукивая каблуками, пошла вперед. Юноша нагнал ее и взял под руку. Она не сопротивлялась.

Мехрибан пыталась представить себе, как бы она встретилась с Закиром. Конечно, он узнает ее еще издали. Как он обрадуется! Он подойдет к ней, остановится, как обычно, морща брови, улыбнется. А она опять подумает: «Как он хорош, не то что я! Ну, что бы ему быть не таким красивым!»

«А я думал, что вы сдержите свое слово, не придет!» — скажет он, и Мехрибан почувдится в этих словах упрек. Ответ у нее получится не особенно удачный, что-нибудь вроде: «Я пришла не затем, чтобы встретиться с вами, а только хотела сказать, чтобы вы меня не ждали». Потом она окинет его взглядом, полным достоинства, и скажет: «Я еще ни разу в жизни ни к кому не ходила на свидание!» А Закир на это, вернее всего, многозначительно улыбнется и скажет: «Что ж, лиха беда начало!»

Конечно, видя ее нарядное платье и взволнованное лицо, он не поверит, что она пришла только затем, чтобы отменить свидание. Он бережно возьмет ее под руку, но она отнимет у него руку и отодви-

нется. Наверное, после этого наступит небольшое неловкое молчание.

«Идем, Мехрибан.»

«Куда?»

«Куда хочешь... Пойдем к морю, там прохладнее.»

И Мехрибан перестанет упираться и пойдет с ним, куда он поведет. Если бы Закир был ветром, она, как маленькое легкое облачко, неслась туда, куда он мчал бы ее; если бы его дыхание коснулось ее, она расцвела бы, как цветок под первым теплым дуновением весны; если бы он был бурей, она волновалась бы как море, когда он пролетел бы над ней!

Мехрибан медленно брела домой. Придя, отперла дверь и со странным удивлением оглядела комнату.

Нисабейим услышала, как щелкнул замок в двери Мехрибан, и упрекнула себя за подозрения: «Бедная девочка, кажется, действительно ходила куда-то по делу. А я-то бог знает что подумала!»

Мехрибан осталась наедине со своей мечтой. В комнате было душно. Сняв платье и чулки, она принялась ходить взад и вперед по комнате. Тело ее покрылось испариной, маленькие босые ноги оставляли на истертом, давно не крашеном полу влажные следы, которые сейчас же высыхали. Наконец, утомившись, она, точно срезанный колос, упала на кровать.

6

На другой день Мехрибан сразу же после окончания занятий в школе пошла на завод, в вечернюю смену. В коридоре у доски приказов ее ждали девушки. Едва Мехрибан показалась, Махбуба подала знак, и они дружно на губах сыграли туш.

«Что они так веселятся?» — в замешательстве остановилась Мехрибан. Она заметила, что даже Джамля подпевала. Только Лейла стояла в сторонке и, сложив руки на заметно округлившемся животе, улыбалась.

48

Симузар, которая, несмотря на свою хромоту, ходила довольно быстро, показала из-за угла коридора и сразу прикрикнула на веселую компанию:

— Что это еще такое? С чего это вы так расшумелись?

— Мы поздравляем Мехрибан!

— Мехрибан принята в штат!

— Теперь она настоящая телефонистка! — раздались веселые восклицания.

Отблеск улыбки появился на лице Симузар:

— Гм! Подумаешь, какое событие! Ступайте по местам!

Она прошла вперед, в коммутаторную, а девушки задержались перед дверью.

— Где наш подарок? — шепотом спросила у Валиды Махбуба.

Валида торопливо порылась в своей сумочке и вытащила коробочку. Она открыла ее и вынула ажурную позолоченную бабочку, украшенную сибирскими камнями, и приколотла ее к груди Мехрибан. Потом торжественно произнесла:

— Да здравствует наш новый товарищ и соратник! Ура!

— Ура! — подхватили остальные и со смехом потащили за собой Мехрибан в коммутаторную.

Телефонистки предыдущей смены тоже поздравили Мехрибан. Растерявшись от радости, она только шептала: «Спасибо... спасибо!»

Она села за свой щит и принялась за работу. Оттого ли, что она теперь была уже штатный работник, или оттого, что к ней так хорошо относятся здесь, она работала в эту смену более уверенно. Ей казалось, что она уже твердо знает расположение номеров, как музыкант — ноты или как машинистка — клавиатуру своей машинки. Она даже испытывала удовольствие, быстро и четко соединяя и выключая абонентов, словно играла на каком-то сложном инструменте, и чувствовала, что та сказочная быстрота, с которой писала Сола на своей машинке, не такое уж недостижимое дело. Горечь вчерашней неудачи почти целиком вытеснилась новым приятным ощущением; она

3 Гасан Сенаббейли

49

уже начинает приносить пользу, становится здесь нужной.

Она знала, что Закир по вечерам на заводе не бывает, и поэтому даже не оглядывалась на окно. Когда вызовы немного утихли, она стала прислушиваться к разговорам девушек. Но они ни разу не упомянули имя Закира.

Джамия, на секунду оторвавшись от книги, объявила:

— И заявление и документы отправила.

— Куда на этот раз? — спросила Назила.

— Опять в Москву, в Литературный институт.

— Желаем удачи!

Джамия задумалась и ничего не ответила. Потом опять, подняв книгу к самому лицу, принялась за чтение.

Мехрибан облегченно вздохнула. «Значит, с ним ничего не случилось. Они узнали бы об этом раньше всех, потому что все огоньки новостей из внешнего мира загораются прежде всего здесь, на наших щитах. Он жив и здоров. Но почему же тогда он не пришел? Ведь сам же просил... Может быть, он посмеялся надо мной? Нет, нет, Закир так не сделает никогда, никогда!»

— Третий. Кого? Меня? — Мехрибан так и замерла. — А зачем я вам? Кто это?

От волнения розовый туман поплыл перед глазами.

Говорил Закир. Но огней на щите, как нарочно, загоралось все больше и больше, и говорить с ним было невозможно.

— Минуточку! — быстро отвечая на вызовы, отрывисто бросила Мехрибан. Она старалась как можно скорее ответить всем, чтоб говорить с ним.

— Третий. Готово! Третий. Даю парк. Третий... Не отвечает! Третий.

Кажется, Мехрибан никогда еще так быстро не работала. Она вся внутренне напряглась, руки ее летали по щиту, быстро соединяя и отключая. Она продолжала держать Закира на проводе и время от вре-

мени успевала перебрасываться с ним несколькими словами:

— Да, пожалуйста... Минуточку! Третий! Готово! Третий. Говорите. Что вы сказали? Я вас плохо слышу.

Голос Закира доносился глухо, точно издали.

— Я говорю, что у меня вчера было важное дело, и потому я не пришел. Я не смог предупредить вас. Наверное, вы опять обиделись на меня?

Если бы сейчас Закир был здесь, у нее не хватило бы смелости солгать. Но по телефону это было проще:

— Я не была там.

Почему она так ответила? Может быть, хотела, чтобы он не чувствовал себя виноватым? Или просто из самолюбия? Во всяком случае, это говорило о проявлении новых свойств в ее характере.

— После смены буду ждать вас.

— Не надо. Не ждите.

— Почему?

— Минуточку! Третий. Даю гараж. Третий.

— Хотите или не хотите, я приду! — настаивал он. Мехрибан ответила из предосторожности еле слышно:

— Нет, не приходите. Нельзя. Третий. Занято. Сегодня уже поздно. Третий.

— Хотя бы на десять — пятнадцать минут! — в его голосе слышалась настойчивая мольба.

И снова она ответила, словно выдохнула:

— Нет, нельзя. Поздно! Вы мне мешаете, — последние слова она произнесла таким тоном, каким говорят с ребенком.

— Какая вы безжалостная! — рассердился Закир. Мехрибан улыбнулась, даже зажмурилась от счастья.

— Почему вы молчите, почему не отвечаете?

— Который? Готово. Третий.

Закир, не привыкший получать отказы, окончательно вспылал:

— Это вы что, в отместку за прошлое?

— Третий. Не отвечает. Третий. Готово! Третий! Говорите!

— Почему вы не отвечаете? Хотя что-нибудь ответьте!

Мехрибан была на седьмом небе.

— Третий... Третий... Третий...

— Раз так — сейчас же беру такси и еду на завод! — пригрозил он.

На этот раз она испугалась:

— Нет, нет, не надо! Слышите, не надо! Завтра я в ночную, тогда и поговорим. А сейчас не приезжайте, прошу вас! Обещайте, что не приедете.

Закир недовольно пробурчал:

— Ладно...

Глаза Мехрибан засветились благодарностью:

— Спокойной ночи!

Кликнув Джамилу, Мехрибан попросила подменить ее, а сама удобно устроилась на диване, отложила свою новую брошку-бабочку и принялась с восхищением рассматривать. Как все девушки обрадовались тому, что ее приняли в штат! Нет, все-таки жизнь хороша и хороших людей на свете больше, чем плохих! Были здесь, на заводе, у нее тяжелые, тревожные минуты, но зато и немало счастливых часов. И эти первые проблески счастья в ее жизни она отвоювала своим трудом. Правда, новые подруги очень помогли ей в этом! Все события сегодняшнего вечера — это веселое дружеское поздравление и подарок, разговор с Закиром — все это придало Мехрибан столько силы и уверенности в себе, что даже выражение ее лица изменилось. Если бы сейчас кто-нибудь посмотрел на нее, он заметил бы, что обычная печаль и тревога в ее глазах сменились радостным возбуждением, точно она нашла наконец ту величайшую ценность, которую искала очень давно, и теперь ревниво старалась скрыть свою находку от посторонних глаз, словно боялась, что ее могут отнять. Да, Мехрибан становилась вполне самостоятельной: у нее своя работа, свой дом, и ее жизнь тоже наполнилась теперь новым смыслом!

Как он умолял, наставлял, сердился! Завтра он, наверное, опять позвонит, и Мехрибан будет нарочно

долго держать его на линии, чтобы растянуть эти минуты радостного волнения.

Так и случилось. Во время ночной смены Закир снова позвонил. Оттого ли, что ночью работа была менее напряженной, или оттого, что Мехрибан начала уже привыкать к ней, на этот раз разговор получился более свободным и легким. Мехрибан успокаивало еще то, что ее место было крайним, с одной стороны у нее соседки не было, кроме того, она знала, что девушки почти не позволяют девушкам слышать посторонние разговоры. Быстро отвечая на редкие вызовы, она выжидала, что ей скажет Закир. На этот раз голос его звучал очень ясно:

— Я вам не мешаю?

— Нет... Сейчас очень мало вызовов. Минуточку! Третий. Даю вторую установку. Третий.

— Мехрибан...

— Да!

— Помните, что вы сказали мне вчера, в конце разговора?

— Я сказала: «Спокойной ночи!»

— А я не могу спать всю ночь.

— Почему?

— Не знаю.

— Откуда вы говорите?

— Из дома.

— Вы один?

— Один... Не бойтесь, рядом со мной никого нет. Отец работает в своей комнате... Только я... и вы...

— Меня там нет.

— Значит, мы чувствуем по-разному.

Мехрибан не знала, что ответить. Закир уточнил:

— Одно из двух: или вы здесь, со мной, или я там, с вами.

— Здесь рядом со мной только наши девушки.

— Но вы на одну секундочку представьте себе, что рядом с вами никого нет.

На шите вспыхивали сигналы. Мехрибан торопливо отвечала:

— Третий. Пристань? Готово. Третий. Даю диспетчера. Лабораторию? Готово. Третий... Третий...

Огоньки опять стали реже, и Мехрибан обратилась к Закиру:

— Слышите, где я сейчас? То на пристани, то среди установок, в лаборатории, в диспетчерской...

— Мне кажется, что вы все еще меня не простили, — заговорил он, — нет, погодите, дайте мне сказать! Мне бы не хотелось, чтобы вы обо мне плохо думали. Если бы вы знали, что у нас за работа в цехе, вы бы на меня не обиделись. Нет, погодите, дайте высказать все, что накопилось на сердце. Что я хотел вам сказать? Да, дело в том, что у нас бывают такие напряженные моменты, что иногда не выдержишь и накричишь на кого-нибудь. Но я никогда еще за свою грубость не извинялся — вы первая.

— Но если вы привыкли ни перед кем не извиняться, почему же вы извинились передо мной?

— Я и сам об этом много думал. Не знаю, есть в вас что-то такое... Почему вы всегда так печально смотрите? Точно вас кто-то раз и навсегда испугал? Нет, погодите, я сам скажу все, что о вас думаю. Мне кажется, что вы из хорошей семьи и живете прилично. Почему же вы пошли работать телефонисткой? Ведь у них очень небольшая зарплата. Почему вы не пошли учиться? Нет, я, кажется, не то говорю. В вас есть какая-то тайна, и эта тайна вас мучает. Если вам нужна помощь, я сделаю все, что смогу. Скажите откровенно, не стесняйтесь. — Закир воспламенялся очень легко и был скор на решения. Он искренне верил всему, что говорил сейчас: — Если с вами случилась какая-нибудь беда, я жизнь готов отдать, чтобы только вам было легче!

Мехрибан казалось, что она видит волшебный сон, и ей хотелось только одного — никогда не просыпаться. Не в силах ничего произнести, она молчала.

— Почему вы молчите, Мехрибан?

— Я вас внимательно слушаю.

— Скажите же мне что-нибудь!

— Что мне вам сказать?

— Скажите, что вас мучает? Какая тяжесть у вас на душе?

Мехрибан не отвечала, только ресницы у нее дрожали и пальцы нервно теребили кончик косынки.

— Хорошо, тогда я сам буду спрашивать, а вы мне отвечайте, — предложил он. — Может быть, вас обманул кто-нибудь?

Сердце Мехрибан замерло: так неприятно поразил ее этот вопрос. То есть, как это: «Кто-нибудь обманул вас?» Как он мог так спросить? О чем он думает, на что намекает?

Громкий голос в аппарате заставил ее вздрогнуть. Она постаралась стряхнуть с себя неприятное чувство. Ведь Закир мог в это время тоже быть взволнован, как и она, и неудачно выбрать выражение! Не надо быть такой придирчивой. Она взяла себя в руки, и только голос ее прозвучал немного глухо, когда она сдержанно сказала:

— Больше не задавайте мне таких вопросов. Хорошо?

— Извините! — чувствовалось, что он улыбнулся. — Гм! Видите, я опять извинился перед вами, — это уже во второй раз. Может быть, тогда вы мне ответите на другой вопрос?

Мехрибан немного помолчала, потом обычным своим мягким голосом ответила:

— Спрашивайте...

— Кто у вас есть из родных?

— Отец.

— А мать?

— Умерла.

— Давно?

— В день, когда я родилась.

— Значит... значит, вы даже не знали материнской ласки?

Мехрибан могла бы сказать, что она не видела и отцовской ласки, но она промолчала.

— Кем работает ваш отец?

— Он инженер-энергетик.

— Сколько вам лет? Нет, погодите, это глупо, — девушек об этом не спрашивают.

Мехрибан промолчала. Но этот вопрос очень интересовал ее собеседника.

- Хотите, я сам скажу, сколько вам лет?
- Не хочу!
- Сколько классов вы окончили?
- Я сейчас учусь в восьмом.
- Значит, вам сейчас самое большое лет четырнадцать-пятнадцать?
- Что вы! Я уже не такой ребенок, каким вы меня считаете!
- Гм! Удивительная вы девушка!
- Чем?
- Я и сам затрудняюсь объяснить чем.

Чтобы не попасть опять впросак, Закир обдумывал теперь каждое свое слово и поэтому говорил с запинками. Это вызвало улыбку у Мехрибан, потому что она догадывалась о причине. Сердце ее было пронзительнее разума.

— Нет, погодите! Знаете, бывает, что попадается какая-нибудь удивительно интересная книга, с первых страниц захватывает, и вдруг на самом интересном месте оказывается — страниц не хватает, кто-то вырвал, может быть, просто ребенок, играя, а может быть, и злой человек нарочно, чтобы испортить. И это всегда бывает страшно досадно, когда нельзя узнать, что же дальше? Вы мне напоминаете такую книгу.

На губах Мехрибан светло заиграла нежная улыбка.

- Значит, вы хотели бы перелистать мою жизнь?
- И с самым добрым намерением, поверьте мне.
- И снова Мехрибан промолчала. А Закир ждал, что она скажет. Она вдруг спросила:

— Скажите, вы... И много вы таких книг перелистали?

Закир засмеялся.

- А вы не так наивны, как я думал!
- Вы не ответили на мой вопрос.
- Если я скажу, что ни одной, вы поверите?

Мехрибан вполне искренне тихо ответила:

- Поверю...
- Нет, вы все-таки наивны.
- Значит, перелистывали?

— Много!.. Но... как бы вам сказать? Без радости, просто так. Есть такие книги, которые очень быстро забываются, не оставляя после себя ничего.

— Третий. Сейчас проверю. Занято. Нет, не ждите, а через некоторое время еще раз позвоните.

- Что вы сказали?
- Я говорю, что мне жаль всех этих девушек.
- Вот видите, оказывается, правду говорить невыгодно.

- Почему?
- Потому что теперь вы будете меня бояться.
- Бояться? Почему?
- Потому что я слишком много книг перечитал.
- Какое же это имеет отношение ко мне?
- Прямое, потому что мы завтра вечером должны встретиться.

Сердце Мехрибан заколотилось. Она снова потянула дар речи. Закир спросил:

— Может быть, вы боитесь со мной встречаться?

И снова Мехрибан промолчала. Закир обиделся.

— Мне почему-то казалось, что мы с вами уже очень давно и хорошо друг друга знаем. Поэтому я и позволил себе говорить так откровенно. Я надеялся, что и вы будете откровенны со мной, ничего не утаите. Но я вижу, что от моих расспросов вас коробит, а моя откровенность вас пугает. Когда вы спросили, много ли книг я прочел, я вам честно сознался. А вы знаете, что даже преступникам смягчают наказание, если они чистосердечно признаются в своем преступлении?

- В чем же ваше преступление?
- В том, что я вам сказал правду.
- А разве это преступление?
- Если бы я не совершил никакого преступления, вы давно бы вынесли свое решение.
- Решение? Относительно чего?
- Относительно нашей встречи.

Мехрибан улыбнулась.

- Разве право решать это предоставляется мне?
- Если сказать правду, настоящей преступницей являетесь вы, и решение должен выносить я.
- Какое же преступление я совершила?

— Вы лишили меня аппетита, отняли сон...
Мехрибан улынулась:
— Что же я должна теперь делать?
— Вы должны понести наказание.
— Какое?
— Вы должны завтра в восемь часов быть на углу «Азнефти».
— Хорошо...
Закир почти вскрикнул от радости:
— Мехрибан!
Но вместо ответа в аппарате слышались только чашные гудки.
Мехрибан сияла. Ни земля, ни небо не могли бы вместить ее радости. Эти два телефонных разговора стоили двух свиданий. А завтра у нее будет третье!
Снова начали вспыхивать огоньки.
— Третий! Готово. Третий! Говорите. Третий...

7

Мехрибан надела свое любимое платье, накапала на ладони немного розовой воды из кюлабуша и смочила себе виски и шею.

На этот раз она не встретилась с Нисабейм и, выйдя на улицу, облегченно вздохнула. Сердце ее рвалось вперед, но она старалась идти медленно. И так, она шла на свое третье свидание, чтобы, как говорил Закир, «понести наказание».

Незаметно для себя Мехрибан все ускоряла шаг. Ноги ее не чувствовали земли, она не шла, а летела. Городские часы, как нарочно попадавшиеся на каждом углу, предупреждали: «Не спеши, Мехрибан, еще есть время. Возьми себя в руки, будь немного сдержаннее».

И Мехрибан каждый раз, завидя часы, замедляла шаги. И каждый раз невольно заглядывалась на город, широко разбросавшись внизу. Она любила и суровую красоту древней крепости с ее зубчатыми стенами, башнями, иглы минаретов вдалеке и современ-

ное великолепие новых зданий, широких проспектов. Каждый раз, когда ей приходилось уезжать с отцом в другие города, она с первого же дня начинала нетерпеливо ожидать возвращения в родной город. А когда возвращалась, она едва узнавала свой город, так он успевал измениться за это время. Первые дни по возвращении она ходила по Баку, изумленно приглядываясь и останавливаясь то на одном, то на другом углу. «Неужели это сад Карла Маркса? — поражалась она. Здесь была тогда куча маленьких домишек, а теперь здесь парк, он так разросся, что поглотил их. Парк раскинул ветви, принарядился как невеста! А эти улицы тоже стали шире!»

С каждым годом Баку становился все красивее, его широкие проспекты с голубыми просветами Каспия вдаль все богаче одевались зеленью, и теперь город мог поспорить красотой и размерами с самыми знаменитыми приморскими городами мира. Баку пленял Мехрибан еще и тем, что в нем не было однообразия — на любом углу, за любым поворотом открывался новый вид, по-своему прекрасный и неповторимый. Да, Мехрибан любила свой кипучий, шумный, людный город, раскинутый на скалах и горах Каспийского побережья. Он рос и строился, всюду виднелись краны, поднимавшие груз камня на недостроенные стены новых домов. На фоне вечеряющего неба с желтой полосой заката на горизонте красные огоньки этих кранов прочерчивали стрелами путь, словно падающие звезды. Мехрибан смотрела на работу кранов, пока косынка не свалилась с головы и морской ветерок, откинув прядь волос, спустившуюся на ухо, шепнул о том, что время встречи близко. Она спохватилась и побежала вниз по улице, к морю.

Закир, одетый в светло-серые брюки и терракотовый пиджак, не сразу узнал Мехрибан. Вместо бледной, усталой, болезненной Мехрибан в простом коричневом платье, придававшем ей вид школьницы, он увидел торпливо подходившую к нему изящную, стройную девушку с трепетно вздрагивавшей, словно рыбки в сети, маленькой грудью. Он был восхищен; ему показалось, что во всем свете не может быть девушки прелестнее.

А Мехрибан давно уже думала то же самое о Закире. Закир только в этот миг ощутил смятение чувств и желаний, а Мехрибан познала их раньше.

Робость ее пропала, исчез и затаенный испуг в глазах. Теперь они искрились.

— Мехрибан!

— Здравствуйте...

На миг оба замерли как зачарованные. Какую-то долю секунды они не отрываясь смотрели друг другу в глаза, и на это время люди, машины, улицы, дома вокруг них — все отодвинулось куда-то далеко, все отступило.

Мехрибан очулась первая и сделала несколько шагов вперед, к морю.

Новая часть бульвара, продолженного в сторону Баилова, была особенно живописна. Выбрав более прохладное местечко в аллее молодых сосен, они остановились. Закир, указывая на одну из скамеек, предложил:

— Сядем здесь.

Но Мехрибан покачала головой, и они прошли дальше. У самой крайней скамейки она остановилась. Молодая ива наклонилась над этой скамейкой, как зонтик, защищая сидящих на ней днем от солнца, а вечером от нескромного сияния луны.

— Вот здесь мне больше всего нравится...

— Тогда пусть эта скамейка будет нашей навсегда, хорошо?

Они сели молча.

С корабля, стоявшего левее водной станции нефтяников, доносилась музыка: там заводили танцевальные пластинки, моряки веселились. Гуляющие потянулись туда, и возле их скамейки стало совсем тихо и безлюдно.

Ветерок доносил с парусника песню «Черные кудри». Поющий мужской голос то сливался со звуками танцев, то отделялся от них. Перед ними за каменным парапетом набережной мерно покачивались на причале лодки, издавая хлопющие звуки, словно убаюкивая сидящих на берегу.

— Мехрибан, мне так много надо сказать вам. Но

обо всем этом можно говорить и по телефону. Теперь каждый раз, когда вы будете в вечерней или в ночной смене, я буду рядом с вами, телефон соединит нас. То, чего мы не можем сказать друг другу, сидя как сейчас, лицом к лицу, мы выскажем по телефону.

Мехрибан беззаботно, по-детски, рассмеялась и, подняв на него глаза, спросила:

— А сейчас? Что же мы будем делать сейчас?

Закир даже растерялся от этого бесхитростного вопроса. Близость девушки уже туманила его мысли, и то, что она вызывала в нем, было невозможно облеечь в слова.

— Вы помните сказку о золотой рылке? — вдруг спросил он.

— Помню.

— Как бы я хотел сейчас превратиться в эту рыбку, чтобы сделать для вас, что вы захотите! Хотите, я сейчас прыгну в море и достану со дна то, что вы туда бросите?

— А зачем это?

— Не знаю сам, я не могу этого выразить. Вы еще мало меня знаете...

— Я знаю тебя давно, Закир... очень давно!

Закир не поверил своим ушам.

— Вы сказали мне «ты»?

Мехрибан ничего не ответила, только едва заметно улыбнулась.

— Что это? Вы правда сказали, или это мне почудилось? — изумленно повторил он. — Вы можете повторить это слово?

— Что же тут особенного? Ты...

Одно это слово, произнесенное так искренне и просто, сделало смешными и ненужными пышные фразы о золотой рылке, о том, что он бросится в море. Он понял, что взял неверный тон с этой девушкой, что с ней нельзя говорить так. Он пристально поглядел ей в глаза. Теперь он смотрел на нее по-другому. Напряжение исчезло с его лица, оно стало серьезным, почти строгим. Нет, это у нее не от легкомыслия! На легкомысленную девушку она совершенно не похожа. Тогда в чем же дело? В чем ее сила?

Та сила, которая помогла ей сразу разрушить все искусственные преграды между ними одним коротким словечком «ты», и как она произнесла его! С какими чистыми и ясными глазами, так просто и мужественно! Этим словом она как бы предлагала и ему быть таким же честным и искренним, как она.

Но сможет ли он быть таким?

«Мехрибан, милая Мехрибан! Хорошая моя, родная моя!» — с восторгом повторял он про себя. А то, что говорится про себя, всегда искренне.

Закир принял предложение Мехрибан. Он обещал себе быть всегда совершенно искренним с ней, открытым во всем. Он хотел оказаться достойным ее доверия. Сказать об этом он был не в силах и вместо слов порывисто обнял ее, нежно прижал к себе. Нет, он не целовал ее! Он только гладил ее волосы, шею, плечи, руки, словно желая убедиться, что она живая, настоящая, что она действительно существует, а не снится ему. Да, она была живой, настоящей девушкой; в ней билось горячее сердце, и он чувствовал его биение на своей груди; у нее было теплее свежее дыхание, и он ощущал его на щеке; от ее волос и слегка влажной шеи исходил еле уловимый аромат розы, и это опьяняло...

Ему казалось, что его восторженный порыв может длиться без конца, казалось, он мог бы целые часы вот так сидеть с ней, нежить и укачивать ее, слушая стук ее сердца, словно тихую песенку. Очарование было глубоко, он чувствовал себя целиком во власти этой девушки. И, несмотря на то, что они были так близки, что он прижимал ее к себе, ощущал тепло ее тела и аромат ее дыхания, между ними все время оставалась какая-то преграда.

Ведь Мехрибан, первая сказав ему «ты», конечно, не сомневалась, что он будет охранять чистоту их чувства. Она словно говорила ему: «Я верю в твою чистоту, в благородство твоего порыва!»

Но в следующее мгновение все вдруг разрушилось.

Рука Закира, ласкавшая плечо Мехрибан, натянула тонкое шелковое платье и, разорвав его в том месте, где оно только недавно было заштопано, кос-

нулась тела... Туман страсти заволок Закиру глаза. Как слепой, не видя родника, жадно ищет его на ощупь, чтобы утолить жажду, так и Закир, обезумев, искал горячими губами дрожащие губы Мехрибан и, найдя, припал к ним. Но влага родника сама пылала и не могла утолить жажду, а только усиливала ее. Он душил ее поцелуем. Она старалась вырваться, но он не отпускал ее. И вдруг он почувствовал на своих губах соленые капли. Он сразу оторвался от нее, охватил ладонями ее лицо и, потрясенный, всматривался в него. Мехрибан плакала.

Крупные слезы часто катились по ее щекам и влажной пеленой гасили сияние счастья.

— Я люблю тебя!.. Люблю! — хриплым голосом произнес он.

Мехрибан разрыдалась и уронила голову ему на грудь.

Музыка на корабле прекратилась. Тишина окутала берег. Несколько кораблей, приглушив моторы, бесшумно, словно привидения, скользили к берегу. Их зеленые носовые фонари чертили по воде прерывистые линии. Все вокруг, казалось, затаив дыхание, прислушивалось к чему-то. В глубокой тишине ночи раздавалось только тихое всхлипывание Мехрибан. Потом и она умолкла, выпрямилась и долго, молча смотрела на море, где крошечными маяками перемигивались цветные фонарики буйев. Глаза Мехрибан напоминали теперь небо после дождя.

Была ли она счастлива? Мгновение тому назад — нет. А сейчас ей снова верилось, что счастье пришло.

— Почему эти огоньки все время мигают? — спросила она тихо, задумчиво глядя на них.

Закир тоже посмотрел в ту сторону.

— Моряки называют их буйами. Их ставят на мелких местах и там, где есть подводные камни. Они предупреждают корабли об опасности.

«Если бы здесь, у нашей скамейки, стоял такой маячок, было бы хорошо!» — подумала Мехрибан.

Но разве сама она не мечтала стать облачком, если Закир будет ветром, раскрыться, как цветок, от его дыхания, волноваться, как море, если он станет бурей?

«Нет, никогда, никогда я не буду тебя огорчать, не буду возражать ни единым словом, что бы ты ни сделал! Если ты сейчас так поступил со мной, значит, так, наверное, и надо, так всегда и бывает — я ведь не знаю, как это начинается...» — думала она и, повернувшись, взглянула в огорченное и чуть виноватое лицо Закира с устремленными на нее глазами и вдруг крепко обвила руками его шею.

Этот неожиданный порыв подарил Закиру такое огромное счастье, которого он еще никогда не испытывал в жизни.

— Мехрибан! Я люблю тебя, люблю! — голос его прервался. Он осторожно опустил голову ей на грудь.

Мехрибан ласково погрузила пальцы в его волнистые мягкие волосы. Она смотрела на темную поверхность моря, где часто мигали огни буев, словно предупреждая: «Опасно!.. Опасно!..» И отблески этих огней отражались в ее широко раскрытых неподвижных глазах...

8

Для Мехрибан началась новая жизнь.

Они с Закиром встречались каждый вечер, кроме тех дней, когда она работала в вечерней и ночной сменах. Встречались всегда у моря, на своей любимой скамье. В те вечера, когда Закир не видел Мехрибан, ему было очень тяжело. Он так сильно тосковал, что шел на очередное свидание, как на первое. Когда Мехрибан работала, они без конца говорили по телефону. Говорили обо всем, что только приходило в голову, спешили передать друг другу каждую мелькующую мысль, каждый мимолетный оттенок чувства.

Их любовь родилась здесь, среди гигантских нефтеперегонных установок, среди гула печей и пыхания насосов, в этой маленькой тесной комнатке, где мелькавшие на щитах огоньки и безостановочно двигавшиеся руки девушек словно ощупывали биеение мощного пульса завода.

— Третий.

— Мехрибан!

— Погоди! Третий!

— Мехрибан!

— Даю операторскую.

— Мехрибан! Люблю тебя!

— Третий. Соединяю отдел контрольно-измерительных приборов. Закир! Ты меня сбиваешь. Знаю, я тоже... Третий. Даю первую установку. Говорите! Закир, ты мне мешаешь. Нет, не надо так говорить... подожди!..

Они то обижаются друг на друга, почти ссорятся, сразу же мирятся и начинают опять говорить о том, чем полны их сердца и что кажется им чрезвычайно важным, уверяют друг друга в любви, не замечая, что повторяли это уже много раз за последние пять минут, потом снова ссорятся для того, чтобы опять помириться.

Встречаясь с Закиром, Мехрибан часто рассказывала ему о своем прошлом, восстанавливая в памяти даже то, о чем не любила вспоминать. Эти отрывочные воспоминания постепенно нарисовали Закиру картину детства Мехрибан, прошедшего под колыбельную песню паровозных гудков и перестук колес. Она делилась с ним впечатлениями от Ленинграда, рассказывала, как на ее глазах рос и восстанавливался Харьков, о том, как выглядит Рига.

Закир слушал, не отрывая глаз от ее лица, которое время от времени освещалось милой улыбкой.

— Знаешь, я ведь один раз в Ленинграде хотела утопиться, — опять с улыбкой говорила она. — Пошла к Фонтанке, встала у ограды и думаю, как бы мне через нее перелезть, чтобы броситься в воду. Но вода была такая грязная, что мне стало противно, и я пошла к Неве. По дороге в маленьком скверике на углу меня окликнула женщина, сидевшая на скамье с маленькой девочкой. Девочка была такая худенькая, что жалко было смотреть, но обе были очень хорошо одеты. Я сначала не поняла, что она зовет меня, и не остановилась. Тогда она еще раз окликнула: «Девочка, подойди, пожалуйста, сюда!» Я подошла. «Сядь, посиди с нами немножко». Я села.

Мне было как-то все равно. Эта дама вынула из сумки бутерброд с холодным мясом и предложила мне. Я очень обиделась, сказала ей, что я не нищенка. Она ласково улыбнулась и сказала: «Я это вижу. Не обижайся, прошу тебя, и скушай этот бутерброд, — может быть, и моя Наташенька, глядя на тебя, покушает. Я прямо измучилась с ней, никак не могу уговорить поесть, а за компанию у нас иногда получается». Я ничего больше не сказала и принялась есть. Девочка смотрела широко открытыми глазами, с каким аппетитом я откусываю хлеб, и наконец не выдержала — попросила маму дать и ей. Так я и не пошла к Неве, осталась с ними, долго играла с девочкой, пока они не собрились уходить. Дама спросила меня, не могла бы я каждый день приходиться в сквер и играть с Наташей. Я согласилась.

— Почему же ты хотела утопиться? — удивленно спросил Закир.

— Отец трое суток не приходил домой, и мне было так страшно и тоскливо, что не хотелось жить. Кроме того, совершенно нечего было есть, и я была очень голодна.

— Ну, а дальше что было?

— Мы подружались с Наташей. Я тогда еще плохо говорила по-русски, и ее мама поправляла меня. Однажды я пришла в этот скверик и увидела мать одну, без Наташи. Оказалось, что девочка прихворнула, плачет и зовет меня. Так я стала бывать у них. Жили они очень хорошо. Отец Наташи преподавал в каком-то институте, мать тоже работала, только дома, — она переводила с немецкого. Она часто читала нам с Наташей чудные сказки. Однажды она прочла сказку «Дюймовочка», и, когда кончила, Наташа стала смеяться, показывать на меня и лепетать: «Меридюймовочка!» — она меня всегда звала Мерн. Потом мы уехали из Ленинграда. Наташа с матерью провожали меня и обе плакали.

— Почему же твой отец не приходил по ночам домой?

— Не знаю. Он тогда много пил.

Закир крепко прижал ее к себе, словно хотел

укрыть, защитить от чего-то. А она гибкой лозой лнула к нему. Дыхание этого восемнадцатилетнего ребенка опьяняло его, как аромат цветка, и они часами просиживали так, молча, нежно лаская друг друга.

С каждой новой встречей Закир все больше и больше привязывался к Мехрибан, все больше подавался обаянию ее чистоты, детской радости, с которой она принимала его любовь, и тихой печали, которую вызывали в нем ее рассказы о своем детстве. Сам он мало рассказывал о себе. Его жизнь протекала благополучно и более однообразно.

— Знаешь, Закир, ведь у меня и мать есть, только не родная. Один раз, когда мы вернулись в Баку...

— Почему вы так часто переезжали? — спрашивал он.

— По-моему, у моего отца просто неуживчивый характер. Он нигде не мог подолгу работать. Тогда я еще не понимала, в чем причина, а теперь думаю, что в этом. Он даже со своей матерью не ладил, они всегда спорили о чем-нибудь. Мне кажется, он все время чего-то искал и, не найдя в одном месте, надеялся, что обязательно найдет в другом, поэтому и переезжал из одного города в другой.

— Несчастный человек!

— Мне тоже очень жаль его.

— Но ведь он тебе изломал жизни!

— Но, кроме него, у меня никого нет.

— А я?

Мехрибан вздохнула.

— ..Ну, слушай, я расскажу тебе дальше. Как-то раз мы опять вернулись в Баку, и отец проработал здесь тогда около года. Каждый раз, когда у него с бабушкой заходил разговор о том, что ему еще раз нужно жениться, он говорил бабушке, будто я ему мешаю, что ему надоело таскать меня за собой, как хвост, по разным городам. А бабушка ему говорила: «Сидел бы у себя дома, тогда и дочь тебе не мешала бы!» И помню, еще она ему говорила так: «Что посеешь, то и пожнешь. Не знаю, за какие грехи наказал меня аллах этой моей болезнью, что уложила меня в постель, знаю только, что мне все хуже и хуже, и я

нуждаюсь в том, чтобы за мной присматривали и ухаживали. А ты не только меня бросаешь, совсем больную и беспомощную, а сам шатаешься по целым годам, дома не живешь, тебе мало этого показалось, хочешь теперь еще свою сиротку мне подкинуть. К моему горю хочешь еще ее горе прибавить, сама болею, а теперь еще за эту бедную девочку придется переживать». Однажды отец привел с собой в дом молодую женщину и сказал мне: «Это твоя мама». Через месяц мы втроем уехали в Ригу, и мне снова пришлось бросить школу.

Мехрибан улыбнулась.

— Рига совсем не такой город, как Баку или Ленинград. Можешь себе представить, я там три раза заблудилась! Там улицы все так похожи одна на другую, все такие чистые, ровные, ни в гору, ни под гору нет ни одной, и дома все одинаковые, чистые, красивые, все почти одной высоты — по пять, по шесть этажей, — очень трудно найти дорогу. Тамара, моя мачеха, тоже работала, и мне не хотелось сидеть дома одной. От скуки я шла гулять, но едва только успевала завернуть за два-три угла, как уже не знала, где я нахожусь. Но я не пугалась и не плакала, а как будто даже была довольна тем, что не могу найти дом. Дело в том, что они все-таки очень плохо со мной обращались, понимаешь? Я усаживалась где-нибудь на скверике — их в Риге очень много — и смотрела на голубей, как они расхаживают по дорожкам и клюют корм. Кто-нибудь из старичков с соседней скамейки, видя, как долго я сижу одна, обращался ко мне с расспросами, где я живу и почему не иду домой. Узнав, в чем дело, они отводили меня на мою улицу. Но мне с ними было очень трудно разговаривать, потому что они объяснялись по-русски еще хуже, чем я. Потом я постепенно начала разбираться во всех этих одинаковых улицах, запоминать названия. В Риге тоже есть парк имени Кирова, как у нас, в Баку... Там еще есть улица, которая называется улицей 13-го января, — это день, когда полиция расстреляла на этой улице революционную демонстрацию, и было очень много убитых. Там вообще нинте-

ресные названия улиц, особенно в старом городе. Говорят, они сохранились от очень древних времен. Вот, например, много улиц называется по ремеслам: улица Алдару — значит улица пивоваров, Калею — улица кузнецов. Есть названия, которые напоминают русские слова: Мнеснику — это улица мясников, или еще есть Дзирнаву — Мельничная улица, знаешь, есть русское слово «жернова»? Есть улицы, названные по имени латышских революционеров, например улица Петра Стучки. Есть парк Виестура, названный в честь вождя латышского племени, которое когда-то на этом месте в жестокой битве разбило немецких рыцарей-меченосцев. Рига очень красивый город. По утрам, бывало, как только отец с Тамарой уйдут на работу, я поскорее приберу комнату и бегу на улицу или на берег Даугавы. Я иногда долго, долго простаивала там и смотрела на ту сторону, где виден почти весь город со всеми его островерхими домами и церквями со шпилями. Он так четко и красиво рисовался передо мной, весь как одно целое, и мне всегда казалось, что этот удивительный город никто не строил, а он возник сам собой, сразу, как в сказке, и иным быть не может, нельзя даже его представить другим... Я смотрела на город, смотрела, как он выделяется весь на бледно-голубом небе, как плывут над ним пушистые круглые облака, каких у нас здесь не бывает, и мне начинало казаться, что весь этот город мой, только мой, я одна в нем живу, и никто не может мне запретить ходить по нему, куда захочу. В эти часы так оно и было...

Закир, прервав рассказ, нежно прижал Мехрибан к себе, ощущая под ладонями ее хрупкие плечи.

Однажды Мехрибан спросила, перебирая его мягкие шелковистые кудри:

— Закир, мне приходится слышать на заводе много разговоров по телефону, и я не могу понять,

о чем говорят инженеры. А раз не могу понять, значит, пользы от меня никакой. Ведь правда, Закир?

— Нет, не правда.

Мехрибан вздохнула.

— А что я умею делать? С утра до вечера и с вечера до утра повторять: «Третий! Третий! Алло! Алло!»

— Нет, Мехрибан, ты неправа. Ты тоже приносишь большую пользу.

— Но какую же?

— Ты радуешь сердце человека, который приносит много пользы государству.

— Ты смеешься надо мной!

Закир внимательно взгляделся в ее опечаленное лицо.

— Хорошая ты, Мехрибан! Жизнь твоя сложилась нелегко, но ты не теряешься, не опускаешь руки, работаешь.

— Какой толк работать просто так, лишь бы жить.

— А чего бы тебе хотелось?

— Я хотела бы, чтобы и от меня была польза людям. Ну вот я телефонистка...

— По-моему, это очень хорошо, просто замечательно.

— Чем же?

— Тем, что если бы ты не была телефонисткой, я не кричал бы на тебя тогда; не кричал бы, не пришел бы извиниться; не пришел бы извиниться — не увидел бы тебя...

— Опять смеешься? — укоризненно взглянула на него Мехрибан. — Когда ты рассказываешь о своей работе, мне кажется — ты такой большой и сильный, ведь ты управляешь таким огромным цехом!

— А ты, сидя у себя, в своей коммутаторной, держишь в руках весь завод.

Мехрибан прерывисто вздохнула.

— Для того, чтобы держать в руках весь завод, нужно очень много знать. А я не знаю даже того, что нужно бы знать в моей работе, и абоненты часто остаются мной недовольны.

— Почему? Разве ты не можешь правильно соединять?

— Нет, соединяю-то я точно. Но часто того работника, который им нужен, не оказывается на месте, и тогда мне говорят: «Барышня, скорее отыщите его, очень важно, у нас каждая минута дорога!» А я не знаю, где его искать, куда он мог пойти. Растеряюсь и сижу, ничем не могу помочь...

Закусив нижнюю губу, Закир задумался на минуту. Потом вдруг решительно сказал:

— Это верно, Мехрибан. В нашем деле бывают такие моменты, когда потерянная минута может обойтись в миллионы. Погоди, погоди! А что, если я начну постепенно знакомить тебя с работой всего завода, всех цехов и отделов, объясню связь между ними? Тогда, по-моему, тебе будет легче работать.

— Ты знаешь, я сама хотела просить тебя об этом.

— Видишь, как я угадываю твои желания! — засмеялся он.

Мехрибан долгим взглядом посмотрела ему в глаза. Сердце ее забилось взволнованно.

«Если бы так было всегда!» — думала она.

Жизнь Мехрибан становилась полнее, интересней. Она работала и училась, готовила свои уроки и изучала работу завода.

Лето наступило как-то сразу, жара была невыносимая.

Закир и Мехрибан вышли из лаборатории. В помещении было легче дышать: там крутились вентиляторы. Но как только они вышли во двор, зной сразу обжег лица. Мехрибан поспешила укрыться в тени, под мостом теплообменника, и принялась записывать все, что услышала в лаборатории. Закир подозвал к себе полную, крепко сбитую женщину-кошегара, указал на дым, идущий из трубы, и сделал замечание:

— Опять ненормально горят твои печи, Бульген-хала!

Бульгенз, невзирая на жару, была вся закутана тряпками по самые глаза, как это делают женщины,

когда пекут в тендирах чуреки. Сняв свои прокопченные брезентовые рукавицы, она оттянула со рта повязку и ответила густым басом:

— Товарищ Джалалов! В этом месяце я получила пятьсот семьдесят шесть рублей премии. Эти деньги мне дали не зря! Все знают, что я держу свои печи в образцовом порядке, все у меня блестит. Я экономлю топливо. А что говорит нам партия? Экономь! Вот я и экономлю.

— Все это я знаю, Бульгенз-хала, — перебил Закир. Он знал, как любит болтать Бульгенз. — Я говорю, что сегодня твои печи коптят. Когда горение идет правильно, дыма не должно быть. А сегодня что-то получается нескладно...

— Да, это верно, у меня всегда все ладно, — почернвшее от сажи лицо Бульгенз расплылось в улыбку от воображаемой похвалы начальника, — за это меня и хвалят и премируют.

Бульгенз проработала у этих гудящих печей почти тридцать лет и теперь была туга на ухо. Она продолжала:

— Что ж мне еще делать? Я женщина одинокая, быбылка. Что зарабатывать — кладу в сберкассу, на книжку. Скопила ни много, ни мало, ровно двадцать девять тысяч.

В это время Мехрибан закончила свои записи и подошла к ним. Бульгенз окинула ее придирчивым взглядом, вздохнула и снова завела:

— Да, начальник, мой-то сынок так и не вернулся...

— Бульгенз-хала, я говорю тебе об этой копоти, копоти! — начинал терять терпение Закир.

— Да уж какие там хлопоты! Все время одна я. Одной очень плохо жить, товарищ начальник!

Она толстым скрюченным пальцем показала на Мехрибан:

— Невеста твоя?

Мехрибан вспыхнула и опустила глаза. Этот бесхитростный вопрос простой женщины заставил затрепетать сердце. Какое-то новое волнение пронизало ее, Вот уже сколько дней ходят они с Закиром по всему,

заводу, много людей встречается им, здороваются с ними. Закир отвечает им просто и непринужденно и так же просто проходит дальше. А Мехрибан не смеет взглянуть им в глаза. Почему же? До сих пор она ни разу не подумала об этом. Значит, и все те люди тоже могли посмотреть на нее так же, как эта добродушная толстая женщина? Значит, если она все время ходит с Закиром по заводу и он никого не стесняется, то, может быть, он уже смотрит на нее как на свою невесту? Тогда почему же он до сих пор ничего не сказал об этом? Подняв задрожавшие ресницы, она смотрела на Закира и ждала, что он ответит. Она была уверена, что он сейчас скажет: «Да, это моя невеста!» Ведь он такой смелый, всегда говорит то, что хочет и что думает! И когда Мехрибан представила себе, как он это скажет, она еще больше смутилась, покраснела и не смела поднять глаза на Бульгенз.

Но Закир сказал иначе:

— Нет, Бульгенз-хала, — услышала Мехрибан его спокойный голос.

Она вздрогнула. Холод пробежал по ней, сердце на секунду остановилось. Что заставило его так сказать?

Она подняла голову и увидела, что он тоже смотрит на нее...

И Мехрибан вздохнула с облегчением, всей грудью. В глазах Закира было столько любви, они словно говорили ей: «Не верь тому, что я сейчас сказала, Мехрибан! Я люблю тебя, люблю!»

И Мехрибан поверила его глазам...

Закир позвал помощника оператора, проходившего мимо, и показал на дым. Тот молча подхватил Бульгенз под руку и увел с собой.

Закир и Мехрибан, стоя друг против друга, молчали. Необходимо было прервать это молчание, что-нибудь сказать или сделать. В эту минуту из-за ограды донеслись крики и свист. Лаборатория стояла на возвышенной части двора, и отсюда, поверх ограды, можно было видеть улицу, идущую к морю. Они обернулись в ту сторону и увидели бегущую по улице

девушку. Мускулистое, крепкое тело девушки, тесно обтянутое старым выгоревшим сарафанчиком из пестрого ситца, все так и ходило ходуном от быстрого бега, и сарафан на ней, казалось, вот-вот лопнет.

Ребятишки, столпившиеся у киоска с водами, подзадоривали ее, свистели и кричали:

— Стой!

— Держи ее!

— Держи, держи!

Девушка обернулась на бегу и показала им кулак. Лицо и шея у нее блестели от пота, на спине, между лопатками, все шире расплывалось темное пятно.

У самых ворот завода дорогу ей преградил целый караван грузовиков, выезжавших со двора. У всех машин крышки капотов были подняты, чтобы моторы не очень грелись, и от этого неуклюжие машины напоминали громадных жуков с растопыренными жесткими надкрыльями.

Девушка, улучив момент, проскочила между машинами и вбежала во двор.

— Это Наиля. Не девушка — огонь! — сказал Закир и быстро пошел ей навстречу. Он шагал так широко, что Мехрибан приходилось почти бежать за ним.

— Товарищ Джалалов... товарищ Джалалов! — запыхавшись, подбежала к нему Наиля. — Они гонят его! Выгоняют... Хаким Дадаш...

— Сначала отдышись, приди в себя, потом объясни, что случилось! — строго перебил Закир.

Наиля, приложив руку к своей высокой груди, которая так и колыхалась, старалась перевести дыхание. Ее обнаженные коричневые руки были точно отлиты из бронзы. Лицо тоже сильно загорело, но было все же светлее; маленький вздернутый носик обгорел, и кожа на нем лупилась, оставляя розовые пятна. На волосы свои она, видимо, не обращала никакого внимания; их золотисто-пшеничный цвет от частого купания в море и солнца стал совсем тусклым; волосы жестко топорщились. Только глаза у девушки не выгорели, сохранили ярко-голубой цвет.

— Этот ученый пришел к нам осмотреть территорию нашей установки, а Хаким Дадаш и Имамверди

сказали, чтобы он уходил и чтобы вообще ни на что не надеялся!

— Какой ученый? Не Мансуров?

— Да, этот химик.

Закир нахмурил брови, губы его гневно сжались.

— Идемте! — сказал он обеим девушкам.

Они вышли со двора завода, перешли через железнодорожные пути, свернули влево, миновали нефтеналивную эстакаду и прошли в ворота на старую территорию завода, где находилась третья установка. Она тоже относилась к четвертому цеху, которым руководил Закир. Территория установки была огромной. Здесь все было разбросано, распределено неудобно и непрактично, и работать из-за этого было трудно. Эта установка, по словам заводской молодежи, сохранилась со времен Ноя. Баки на громадных козлах красились очень часто, но ни серебристый цвет баков, ни все усилия Хакима Дадаша и Имамверди придать своей установке более современный вид не могли скрыть ее дряхлости. Она была очень стара, как и они, эти двое кадровых рабочих завода. Широкая асфальтированная улица, пролегавшая между старой и новой заводской территорией, будто специально отделяла новое от старого.

Закир и его спутницы прошли мимо пылящих насосов, черного корпуса теплообменника и по мосту, окрашенному в светлую краску, спустились в следующую часть двора. В глубине виднелось старое одноэтажное здание с застекленной галереей, где помещалась администрация установки. Перед домом была разбита цветочная клумба, обнесенная аккуратно выбеленной каменной оградой. На ограде сидел в усталой позе, свесив руки между колен, человек лет сорока пяти и рассеянно смотрел на цветы и на ползавших по ним бронзовых жучков. Лоб его был собран в морщины и весь вид говорил о крайней озабоченности. Копоть, носившаяся в воздухе, оседала черными хлопьями на его шелковую сорочку, прилипала к бледному лицу человека.

Закир быстрыми шагами направился к нему.

— Здравствуйте, профессор! Простите, вас, видимо, не узнали здесь.

Мансуров поднял голову, посмотрел на Закира тем же рассеянным взглядом.

— Я, по-моему, сказал им, кто я...

Закир помрачнел.

— Напрасно вы не предупредили меня, что придет.

— А если бы я тебя предупредил, разве что-нибудь изменилось бы? Нет, друг мой, с этим вопросом не так все просто, как ты думаешь. У здешнего начальника установки своя логика. — Морщины на лбу Мансурова собрались еще гуще. — Интересный старик...

Закир уверенно улыбнулся:

— Гм... С этим вопросом уже в порядке, профессор. Наш проект утверждён объединением «Аз-нефтезаводов» и нашим директором.

— Что ж, если так, очень хорошо. Мне хотелось бы верить, что все кончится благополучно, Закир. — Мансуров поднялся, выпрямился. Морщины на его лбу сразу разгладились, он точно помолодел. — Откуда ты узнал, что я здесь?

Закир кивнул в сторону Наилы.

— Вот эта догадливая девушка сообщила мне. Ее зовут Наиля. Она работает здесь помощником оператора.

Пожав руку Наиле, Мансуров посмотрел на Мехрибан и весело спросил:

— А эта малютка кто?

Рядом с Закиром Мехрибан выглядела, действительно, совсем маленькой. Она опустила глаза, напряженно ожидая, что ответит Закир на этот раз.

Закир засмеялся и, непринужденно притянув ее за руку к себе, ответил:

— Это Мехрибан, наша телефонистка.

Мансуров и Наиля переглянулись, и Закир тотчас отпустил руку Мехрибан. Она с облегчением вздохнула.

— Не волнуйтесь, профессор, — с несвойственной ей робостью начала Наиля. — Мы... вот я и мои товарищи... все наши комсомольцы, вся молодежь на-

шего завода хотим, чтобы ваша установка была построена здесь, вместо нашей старой, и мы все будем работать на ней. А чтобы это ускорить, мы будем участвовать и в строительстве установки.

— Видите, профессор, — вмешался очень довольный Закир, — напрасно вы обижаетесь на одного упрямого старика!

Мансуров покачал головой.

— Он был не один. С ним был еще старик — с такими лихо закрученными усами.

— Сейчас я поговорю с ними, — Закир быстро направился к зданию конторы.

Наиля взглянула на Мансурова, вдруг фыркнула и отвернулась, еле сдерживая смех.

— Что с тобой, девушка? — удивленно спросил профессор.

Наиля не ответила, вскинула глаза и опять быстрым взглядом скользнула по его лицу.

— Что тебя смешит? Скажи нам, и мы тоже посмеемся.

Она опять прыснула, давась от смеха.

— У вас все лицо в саже!

Мансуров торопливо полез в карман за платком и принялся вытирать лицо и шею. Но получилось еще хуже — все лицо покрылось черными разводами.

Наиля хохотала не стесняясь:

— Ну, теперь совсем размазали! Идемте, я вам дам мыло, полотенце, помоемся.

— А далеко идти?

— Да нет, здесь рядом, в операторской.

Мансуров, взглянув на свой измазанный платок, пошел за ней. Мехрибан направилась к застекленному зданию, в котором скрылся Закир.

Длинная галерея была полна народа. Работники установки толпились, стояли группами, что-то обсуждали и горячо спорили. Ученники ремесленных училищ, проходившие здесь практику, приставали то к одной, то к другой кучке людей и с любопытством прислушивались.

Мехрибан подошла к двери, на которой висела табличка с надписью: «Начальник установки».

Среди общего гула выделялись то мужские, то женские голоса. Гуще всего толпился народ у стеной газеты, возле двери в кабинет Хакима Дадаша.

— Вай, аллах, на что это они посадили нашу установку? — растерянно обводила глазами стоявших вокруг людей масленница Амина.

— На самую настоящую черепаху, Амина-хала! Амина поморщилась.

— Какой урод! Смотреть противно.

— Это еще что, Амина-хала, — весело подзадоривала одна из девушек. — Если и дальше так пойдет, нашу установку посадят на какого-нибудь уродца похуже!

— А на какого же это? — испугалась Амина.

— Ну, например, на рака!

— Упаси аллах! Не выношу их, гадость такая!

— Чем же не угодили тебе раки? — раздался глухой бас. Высокий, широкоплечий старик с длинными сивыми усами вышел из двери кабинета и, раздвигая толпу, подошел к стенгазете. — Рак — очень вкусная штука, можно сказать, деликатес. Вкуснее рыбы...

Веселая девушка и тут высочила:

— Это правильно, только одно плохо: он всегда пятится назад!

Раздался взрыв смеха. Высокий старик, оторопев, начал задумчиво крутить ус.

Это был старейший оператор установки Имамверди. Ему было уже под семьдесят, но держался он очень бодро и прямо. Ему никак нельзя было дать больше пятидесяти лет.

— Цыц! — сердито прикрикнул он на молодежь, но тут же смягчился, его жесткие брови, такие же сивые, как и усы, скорбно опустились. Он протянул руку, шуточно растрепав волосы бойкой девушки, и с хмурым лицом направился к кабинету начальника. У дверей он заметил Мехрибан и, бесцеремонно по привычке растрепав ей волосы, спросил:

— Новенькая?

Мехрибан не нашлась, что ответить:

— Я... Нет... Я здесь...

Имамверди, не слушая, вошел в кабинет. Дверь осталась полуоткрытой.

Мехрибан заглянула в дверь. Комната была большая, но почти темная — крошечное окошечко, выходящее на север, давало слишком мало света. На столе горела лампа.

Первое, что бросалось в глаза в этом кабинете, — огромная картина в тяжелой золоченой раме, копия с картины Бродского «Ленин в Смольном».

Начальник третьей установки Хаким Дадаш мрачно восседал за своим столом. Его совершенно лысая голова блестела при свете настольной лампы. Говорил он медленно, с расстановкой, голосом скрипучим, как немазаное колесо арбы. Прочитив кусочком проволоки свой мундштук и вытряхнув в пепельницу крошки табака, он укоризненно взглянул на Закира, который возбужденно шагал взад и вперед по кабинету, и проговорил:

— Сынок, старый друг лучше новых двух.

Закир сухо возразил:

— Это говорится о людях, но не о камнях и трубах.

— Приходит время, когда и камни становятся человеку дороги. Тем более что эти камни таскал сюда своими руками еще мой отец. Я с малых лет работаю на заводе; я и революцию делал для того, чтобы отобрать эту установку у хозяев и отдать рабочим.

— За это спасибо! — нетерпеливо повысил голос Закир. — Но теперь установка отслужила свое. Она мешает нам. Неужели вы не понимаете, что она больше никуда не годится?

Имамверди, бровив на Закира возмущенный взгляд из-под густых жестких бровей, спросил:

— Выходит, и мы больше никуда не годимся, если состарились? Выходит, и нас тоже надо выбросить на улицу?

— Вы можете постепенно освоить новую установку, научиться управлять ею! Это будет не обычная установка, а настоящий маленький завод, входящий в наш цех. Продукт, который она будет выпускать, повысит качество смазочных масел, а это намного

удлинит срок жизни разных машин и механизмов. Мы дадим государству сотни миллионов рублей экономии. Теперь скажите: где больше чести работать — на этой развалине, которая годна только на предварительный подогрев нефти для других установок, или на новой прекрасной усовершенствованной установке?

Наступило минутное молчание. Хаким Дадаш еще раз продул мундштук и покачал головой.

— На старости лет снова учиться? Нет, товарищ Джалалов, — вздохнув сказал Имамверди, — если не будет этой установки, нам тут нечего делать. Не всякое старье нужно выбрасывать. Ведь тут почти вся наша жизнь прошла, самые, можно сказать, дорогие воспоминания связаны с этой установкой. Каждое утро, как только входим в ворота, слышим — насосы пыхтят, так и чудится, что они нас приветствуют: «Здравствуйте, Имамверди, доброе утро, Хаким!» Здесь сотни таких молодых, как ты, проходили практику и, по-моему, ты сам — тоже. Эта установка всех нас воспитала, она вам вроде матери — как же можно быть таким неблагодарным?

Бесконечная молба слышалась в голосе Хакима Дадаша, когда он спросил:

— Неужели нельзя построить новую установку где-нибудь в другом месте?

И снова прозвучал сухой, резкий ответ Закира:

— Нельзя! Потому что продукты, необходимые для новой установки, вырабатываются здесь на заводе.

Хаким Дадаш обернулся к другу, словно ища у него поддержки, но вдруг весь поник, съезжил.

— Когда я первый раз пришел сюда, мне было десять лет, — тихо и медленно заговорил он. — Я работал тогда подручным кочегара. Часто приходилось оставаться и на ночь. В морозные ночи эти печи согревали мое иззябшее тело. Когда выдавались свободные часы, я засыпал в каморке кочегара, и ровный гул печей убаюкивал меня, навевая сладкие сны. Ведь шестьдесят лет, Имамверди, легко сказать! Как же мне теперь уйти отсюда?

— А мне? — мрачно спросил Имамверди.

Мехрибан, слыша весь этот разговор, чувствовала, как что-то сжимает ей горло. Голос Закира заставил ее вздрогнуть:

— Не можем же мы из-за двух человек отказываться от такого большого дела. Так мы никогда ничего не сможем улучшить и обновить, ни к чему не сможем притронуться из-за того, что это связано с чьими-то воспоминаниями.

Хаким Дадаш снова продул мундштук, швырнул его на стол и решительно поднялся.

— Значит, будешь ломать?

— И как можно скорее. С этим делом ждать больше нельзя.

— А мы как же? Нас на улицу выбросишь?

У Закира точно заранее были подготовлены ответы:

— Государство обеспечило вас хорошей пенсией.

— Ну, пойдём мы на пенсию или нет, это уж наше личное дело! — сверкнул на Закира маленькими острыми глазами Хаким Дадаш.

— В таком случае и вы не вмешивайтесь в мои дела! — резко бросил Закир и круто повернулся, чтобы идти. В дверях он остановился:

— И еще прошу вас: обращайтесь повежливее с гостями, которые к нам приходят. Никто не дал вам права выгонять их!

На толстых, чуть вывернутых губах Хакима Дадаша появилась горькая усмешка:

— Спасибо, сынок. Уважил!

— На здоровье! Как аукнется, так и откликнется, — сердито ответил Закир и стремительно вышел. — Он проскочил мимо Мехрибан, даже не заметив ее, и быстро пошел через галерею к выходу.

«Каждый день слышала я по телефону голоса этих людей, соединяла их, с кем они просили, но никого из них до сих пор не знала! — думала Мехрибан. — Какие удивительные люди, какие славные старики! Правда, Закир по-своему прав. Но какой он все-таки резкий, какой беспощадный...»

Взгляд ее упал на стенные часы. До начала ее смены оставалось всего три минуты, и она побежала в коммутаторную.

... Вот уже несколько дней, как Мехрибан, не говоря никому ни слова, проводила свой опыт. Когда вызывали какого-нибудь работника и его на месте не оказывалось, Мехрибан старалась быстро сообразить, где бы он мог быть, с какими отделами связан по роду своей работы? Она звонила по цехам и отделам, и часто ее поиски завершались успехом. Конечно, было очень трудно удержать в голове всю систему связи между отделами, цехами, мастерскими и лабораториями. Для этого надо прежде всего уметь представить себе ту сложную схему из множества переплетающихся линий, которую она начертила с помощью Закира и которая была похожа на большую карту. Завод казался Мехрибан целым миром. У него были свои части света — цехи, свои города — отделы, свои реки — шоссе и рельсовые пути; все они были связаны между собой.

Если бы она не обошла с Закиром весь завод, не заглянула во все уголки, она ничего не могла бы понять в той схеме, которая была изображена на ее чертеже. Теперь, как только выдавалась свободная минута, она доставала эту схему и тщательно изучала. И ее представления о работе завода с каждым днем становились все полнее.

Позвонили с установки первого цеха, требуя главного инженера по контрольно-измерительным приборам. Его не оказалось в отделе. Мехрибан знала, что если на установке нужен главный инженер, значит, дело серьезное. Она вспомнила, что вчера на одной из установок третьего цеха жаловались на неисправность приборов, показывающих давление, и позвонила туда. Инженер оказался там, и Мехрибан немедленно связала его с установкой, где он требовался. Ее поблагодарили. Последнее время Мехрибан часто слышала обращенные к ней слова благодарности и радовалась. Она все больше увлеклась своей работой, желая быть полезной. Искра этого желания раз-

горалась в ней все ярче, теперь она осознала смысл и цель того, что делала.

— Третий. Да, я... Третий. Я, я... Подожди, Закир! Третий. Готово. Что ты сказал?

— Я говорю, куда же ты вдруг исчезла?

— Я стояла у самой двери. Ты меня не заметил, ты так быстро ушел.

— Эти старики испортили мне много крови.

— Ты слишком резко с ними разговаривал...

— Гм... Давай договоримся с тобой, Мехрибан...

— Чтобы я не вмешивалась в твои дела, так?

— Ну, об этом после.

— Третий. Говорите... Знаешь, Закир, кажется, знакомство с заводом очень помогает мне в работе. Дела у меня идут все лучше и лучше.

— Очень рад.

— Завтра днем мне прийти еще?

— Нет, Мехрибан, завтра не надо. Завтра у меня встреча с Мансуровым и архитектором. Мы будем с ними работать.

— А послезавтра?

— И послезавтра то же самое.

— А потом?

— Теперь я все время буду очень занят. Давай лучше встретимся вечером, на нашей скамейке.

— Когда?

— Завтра вечером.

— Завтра я работаю в ночной смене.

— Тогда послезавтра.

— Но ты ведь еще позвонишь?

— Если будет возможность.

— А сейчас ты откуда говоришь?

— Из дома.

— Ты один?

— Нет. Ты здесь, со мной.

Мехрибан невесело улыбнулась.

— Закир... Мне кажется... погоди, постой. Третий. Даю гараж. Говорите. Клуб? Готово. Закир, мне кажется... Подожди! Третий. Диспетчера? Готово. Знаешь, мне кажется, что...

В наушниках прозвучало с оттенком раздражения:

— Ну, что случилось?

Сердце Мехрибан сжалось.

— Ничего...

— А все-таки? — нетерпеливо допрашивал он.

Мехрибан хотелось спросить, почему он вел себя с ней сегодня не так, как всегда... После сегодняшних встреч с певичницей Бульгенз и с Мансуровым в ее душу закралось смутное беспокойство. У нее было много вопросов к Закиру, ей хотелось бы получить успокоительные ответы, но, чувствуя, что он говорит не так, как прежде, она словно онемела.

Так ничего и не сказав, она отключила Закира и разговор прекратился. Но вскоре он опять позвонил.

— Почему ты развела?

Мехрибан не ожидала, что он позвонит снова. Стараясь не выдать своей радости, уклончиво сказала:

— Не знаю, как это случилось. Ошиблась...

— Хочешь, после смены приду, провожу тебя домой?

— Не стоит, не затрудняй себя.

— Послезавтра придеешь?

— Приду...

— Почему ты не говоришь мне: «Спокойной ночи»?

— Но ведь еще даже не вечер! Сегодня больше не будешь звонить?

— Если смогу, позвоню. Сейчас иду к архитектору, надо внести кое-какие исправления в проект.

— Иди, в добрый час.

10

После смены Махбуба и Валида вышли вместе с Мехрибан. Она направилась было к трамваю, но Махбуба, взяв ее под руку, сказала:

— В такую чудную погоду не стоит ехать на трамвае. Мы с Валидой проводим тебя до города.

Мехрибан охотно согласилась.

84

В густом, тяжелом воздухе, насыщенном дымом заводов, паровозов, перегаром бензина от бесчисленных автомашин, носился еле уловимый запах преждевременно сгоравших на солнце цветов акаций. Легкие шаги девушек по асфальту заглушались беспрерывным мерным постукиванием колес по рельсам — шли бесконечные шезлоны цистерн.

По широкой накатанной до блеска ленте асфальта, отражавшей огни уличных фонарей, одна за другой катились грузовые и легковые машины. И как немолчный аккорд в этой симфонии разных городских звуков, однообразно, на одной и той же низкой ноте, гудели установки и печи завода, тяжело сопели насосы и только временами в этот аккорд врывались резкие, свистящие нотки выпускаемого пара, и легкие облачка его мгновенно растворялись в воздухе. Входившие в порт танкеры предупреждали завод о своем прибытии прерывистыми басистыми гудками; пронзительные, залихватые гудки паровозов словно откликнулись им.

Девушки миновали несколько железнодорожных тупиков с застрявшими в них вагонами — излюбленные места уединения заводской молодежи. Усядутся парочки в тамбуре вагона и сидят, мечтают, может быть, воображают, что едут куда-то... Из парка Низами доносились звонкие голоса расхопившихся по домам юношей и девушек. Кто-то высоким вибрирующим голосом запел ашугскую песню и, словно сам любуясь звуками своего голоса, каждый раз, окончив строфу, ждал, пока замрет и растворится среди заводских шумов последняя нота, и только после этого снова начинал петь:

Моя судьба — вокруг тебя кружиться,
Красавица моя, ну перестань сердиться!
Позволь мне личико твое поцеловать,
Красавица моя, и помолчим опять...

— Ибад уже купил машину, — проговорила Валида.

— Какую? — спросила Мехрибан.

— Новый «Москвич». Цвет светло-бирюзовый.

85

Машину еще нужно обкатать, а потом мы поедим в Ханбалом путешествовать.

Они замолчали, и снова однообразный заводской гул прорезал пронзительно-звонкий голос:

О, лань моя, я потерял твой след,
Так не желтеют, если горя нет!
Терпенье — сон с тобой терю я,
А ночью — дым, красавица моя!

Мехрибан повернулась к Махбубе:

— А как твои дела? Ты по-прежнему в ссоре с Ханбалой или помирились?

— Нет, помирились, как бы не сглазить.

— Счастливые вы...

— А ты? — быстро спросила Валида.

Мехрибан, не отвечая, прислушивалась к песне:

Поблекли все фиалки на лугу...
Что я сказал тебе, понять я не могу?
Обижена своим ты женихом?
Ответь, красавица, ведь мы с тобой вдвоем!

Задумчивая ашугская песня, такая неожиданная среди ночи, вдруг прекратилась.

— Ну что же ты молчишь, Мехрибан? Как твои дела? — настойчиво добивалась Валида.

Мехрибан скромно улыбнулась:

— Ваше счастье — как бы это выразить? — оно согревает и меня. Вы...

— Вот что, Мехрибан, — довольно резко перебила Махбуба. — Помнишь, я как-то тебе сказала, что у нас так: один за всех и все за одного?

— Да, помню...

— По-моему, мы от тебя ничего не скрываем, — ведь ты наша подруга.

— А разве я что-нибудь скрываю от вас?

— Да, ты скрываешь!

— О чем ты говоришь?

Махбуба со своей обычной прямоотой, глядя ей в лицо, сказала:

— Достаточно назвать одно имя: «Закир»!

Мехрибан похолодела. Ей хотелось попросить прекратить этот разговор, но это было бы равносильно

признанию. Что она могла сказать им? Слишком долгие годы она оставалась наедине со своей мечтой, и слишком мучительно было делиться ею с кем бы то ни было. Если бы она даже захотела, то не смогла бы говорить об этом. Обнажить свою душу не так легко.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты с ним встречаешься? — в упор спросила Валида.

Мехрибан растерялась окончательно.

— То есть, как встречаюсь?

Махбуба, задержав шаг, обратилась к Валиде:

— Пошли, Валида!

— Постойте!.. — У Мехрибан было такое чувство, точно она попала между двух огней. — Я с ним не встречаюсь... но... мы несколько раз ходили вместе по заводу...

Махбуба, по своему обыкновению, начала анализировать:

— Допустим, девушка расхаживает с красивым парнем каждый день по заводу...

— И главное, когда этот парень на работе, — подхватила Валида.

— Именно, в рабочее время. Как, по-твоему, за чем она это делает?

— По-моему? По-моему, эта девушка тоже хочет стать начальником цеха, — сострила Валида.

Обе рассмеялись.

— Не смейтесь, девушки, — подняла голову Мехрибан. — Я пока держала это в тайне...

Махбуба сердито повернулась к ней:

— В тайне? Ничего себе тайна! Весь завод говорит о тебе!

— Придет время, будут говорить не только обо мне, но и о вас!

Валида, передернув плечами, презрительно оттопырила нижнюю губу:

— О нас? А что мы такого сделали особенного? У нас никаких тайн нет. И я не скрываю, что встречаюсь с Ибадом, и Махбуба не отказывается, что у нее любовь с Ханбалой. Но мы, по крайней мере, не гуляем с ними в служебное время по всему заводу.

— Я не о том, — сдержанно поправила Мехрибан, — я совсем о другом говорю, Валида!

Девушки в один голос спросили:

— А о чем же?

— Я просила Закира, чтобы он познакомил меня с заводом и рассказал, как идет работа. Я хочу на коммутаторе работать иначе, по-новому.

Девушки хмыкнули.

Махбуба поинтересовалась:

— Как это, по-новому, можно узнать?

— Конечно, можно. Я сначала боялась, что ничего не выйдет, и потому ничего не рассказывала. Но в последние дни уже пробовала, и получается хорошо.

Усмешки на лицах девушек сменились выражением любопытства.

— Ведь мы из своей коммутаторной вроде как бы управляем всем заводом. Иногда случается, что нужного человека на месте нет. Тогда мы просто говорим: «Не отвечает» или: «Он вышел», а куда — неизвестно. Значит, важное и срочное дело может сорваться, какой-то важный вопрос вовремя не решится, будет задержка в работе. А иногда может случиться и авария. Вы, например, слышали когда-нибудь, во сколько раз увеличивается капля воды, если она случайно попадет вместе с нефтью в систему трубочки? В тысячу семьсот раз...

Всю дорогу Мехрибан рассказывала подругам о том, как родилась у нее мысль наладить работу телефонисток по-иному, как она упросила Закира помочь ей изучить завод, объяснить связь между цехами и отделами. Она рассказала девушкам о своих впечатлениях и наблюдениях на заводе и обещала завтра же показать свою схему...

Простая мысль Мехрибан сулила важные перемены в работе всей телефонной службы завода, и девушки призадумались.

Махбуба улыбнулась.

— А ты из молодых, да ранняя! Здорово придумала!

Мехрибан возразила:

— Нет, Махбуба, ничего особенного тут нет. Ведь

большинство опытных телефонисток работает примерно так. Только у них это получается само собой, потому что они долго работают и хорошо знают свое предприятие. И они не считают это каким-то особым методом работы. По-моему, наша Симузар тоже работает так и считает это вполне естественным. Она, наверное, полагает, что мы тоже научимся этому, но позднее. А мы можем начать сейчас же и выучимся месяца за три, а то и за месяц.

Этот разговор несколько рассеял подозрение девушек насчет того, что у Мехрибан с Закиром любовная связь. Но кое-что в поведении Мехрибан говорило девушкам, что она не вполне искренна с ними.

Иногда, уступив свое место Джамиле и отдыхая на диване, Валида или Махбуба замечали, что Мехрибан подолгу говорит с кем-то по телефону. В эти минуты лицо ее сияло счастьем. Правда, расслышать ничего нельзя было: любовь изошряла осторожность Мехрибан, и она отвечала своему собеседнику так тихо, что голос ее походил на шелест листьев. Поэтому, если бы не ее прогулки по заводу в сопровождении Закира, никто ничего не заметил бы.

Но Мехрибан и Закир жили не на необитаемом острове.

Однажды, поздно вечером, Махбуба, гуляя с Ханбалой по новой территории приморского бульвара, заметила на скамейке под ивой Мехрибан и Закира. Не показывая вида, что узнала их, она увела Ханбалу в другую аллею. Она видела, что при их появлении Мехрибан быстро спрятала лицо на груди Закира, и поняла, что говорить об этом с Мехрибан не следует. А Мехрибан решила, если Махбуба молчит, значит, она в тот вечер не узнала ее и Закира, и успокоилась.

Предложение Мехрибан работать по-новому было принято телефонистками по-разному. Те, кто не боялся лишних хлопот и учебы, одобрили. Но больше всего были довольны работники цехов и отделов. Ди-

ректор, ознакомившись со схемой Мехрибан, даже послал ее в сметно-проектный отдел, распорядившись снять увеличенную копию.

Когда копия была готова, чертежница позвонила Мехрибан, чтобы та пришла за ней.

Попросив Джамилю заменить ее, Мехрибан побегала в чертежную.

Стройная изящная девушка лет двадцати двух держала в длинных пальцах с ярко-красными ногтями резинку и стирала карандашные штрихи на чертеже, отчего линии, проведенные тушью, выступали еще резче.

Когда Мехрибан увидела, как четко и аккуратно перенесена на ватман схема, как солидно и внушительно она выглядит теперь, сердце наполнилось радостью и гордостью. Взволнованная, она признательно сказала:

— Ой, как красиво! Не знаю, как и благодарить вас!

Чертежница выпрямила стройную фигуру, тыльной стороной кисти откинув со лба тяжелые кольца волос. Как она была красива! Но не холодной идеальной красотой картин, нет, это была живая, горячая, манящая красота, способная зажечь сердце. Многие на заводе восхищались красотой чертежницы Зарангис.

Она смерила Мехрибан взглядом с головы до ног и небрежно спросила:

— Ты что, сама начертила это?

— Нет, мне помогли...

— Кто?

— Один человек.

Зарангис как бы между прочим поинтересовалась:

— А можно узнать, кто этот человек?

— Почему же? — просто ответила Мехрибан. — Закир Джалалов.

Зарангис вздрогнула.

— Как ты сказала?

— Закир Джалалов, — повторила Мехрибан.

— Начальник четвертого цеха?

— Да... А что?

— Ничего... Как тебя зовут?

— Мехрибан, а вас?

— Зара.

Мехрибан, взяв свернутый в трубку чертеж, еще раз поблагодарила:

— Большое спасибо! Работа ваша такая же красивая, как вы сами.

Прижав к груди чертеж, она направилась к выходу.

— Минуточку! — окликнула Зарангис, опираясь круто выгнутым бедром о край чертежной доски и скрестив на груди руки. — Ты что, немножко крутишь с этим Закиром?

Мехрибан с искренним недоумением спросила:

— А что это значит?

Зарангис оттопырила выпуклую нижнюю губу в усмешке:

— Хм... Сколько тебе лет?

— Восемнадцать...

— Ну, так нечего втирать мне очки, что ты этого не понимаешь.

— Но я все-таки не понимаю, что вы хотите этим сказать?

Лицо Зарангис стало надменным и жестким. Она отчеканила грубо:

— Смотри только, чтобы он тебе ребенка не сделал!

Кровь ударила в лицо Мехрибан. Она швырнула копию чертежа на стол, схватила свой оригинал и стремительно вышла вон. Она так сильно хлопнула дверью, что из нее чуть не вылетели стекла.

А Зарангис хохотала ей вслед.

... На свидании с Закиром Мехрибан ни слова не сказала ему о своей встрече с Зарангис. Ей даже стыдно было повторить то, что говорила эта красивая злая женщина. Но, хотя Мехрибан и не заговорила об этом случае, на сердце оселся тяжелый осадок, а в глазах временами опять стала проглядывать грусть. Но зато на работе у нее была большая радость. Телефонистки всех смен изучали ее схему

и начинали работать по-новому. Особенно хлопотала Симузар. Она растолковывала тем девушкам, которые боялись лишней работы, какую большую пользу для внутривзаводской связи дает новый способ работы.

В заводской многотиражке появилась статья о Мехрибан с фотографией. Имя маленькой незаметной девушки, скрывавшейся до сих пор где-то в тесной коммутаторной, вдали от глаз, теперь стало известно всему заводу. Телефонная связь на заводе заметно улучшилась. Теперь всегда можно было быстро разыскать по телефону нужного человека; на этом экономились драгоценные минуты рабочего времени.

Закир несколько раз не пришел на свидание. Когда в следующую встречу Мехрибан упрекнула его, он сослался на важные дела. В последнее время их свидания становились все короче. Едва они садились на скамейку, как Закир уже начинал поглядывать на часы. Заметив это, Мехрибан первая поднималась, чтобы идти, и он ее не удерживал, не предлагал посидеть еще.

Однажды, когда Мехрибан с увлечением рассказывала о чем-то, Закир опять взглянул на часы. Она сразу перестала говорить и встала. Закир почему-то не поднялся со скамьи. Мехрибан спросила:

— Завтра увидимся?

— Нет.

— Почему?

Закир встал со скамейки и закурил.

— Завтра начинаем разрушать третью установку, и мне придется все время быть там, и по вечерам тоже. Это очень серьезное дело; надо самому посмотреть, чтобы они там не натворили чего-нибудь.

— Тогда и я приду завтра туда. Посмотрю, как работают, и тебя увижу.

— Что ж, хорошо.

— Идем?

Закир, казалось, что-то обдумывал. Он еще раз глубоко затянулся, выпустил вверх дым и с усилием заговорил:

— Сегодня я не могу проводить тебя, Мехрибан. Спешу к Мансурову. Но еще не поздно, нет девяти. Пойдем, провожу тебя до троллейбуса...

Мехрибан взглядывалась в лицо любимого, словно отыскивая ответ на какой-то мучительный вопрос. Но она не смогла найти ответа.

— Хорошо, — тихо сказала она, — идем.

На другой день Мехрибан встала очень рано и поспешила на завод. Она прошла во двор третьей установки. Здесь царил тишина. Печи были погашены, насосы молчали. Двое слесарей с большими ключами в руках демонтировали насосы. От стоящего во дворе трактора стальные тросы тянулись к старому домику операторской — домик уже покосился набок.

Каким Дадаш ходил тяжелыми размеренными шагами возле установок, будто готовясь к похоронам друга, вздыхая, то и дело останавливался и трогал рукой остывшие стены печей и трубы. Наиля командовала молодыми парнями, выносившими из конторы мебель. Один из ребят, прижимая к груди, нес тяжелую картину в золоченой раме «Ленин в Смольном».

— Стой! — раздался скрипучий голос Хакима Дадаша. — Куда моего Ильича тащишь?

— Мы эту картину повесим в лучшем помещении новой установки! — восторженно крикнул парень.

— Ну что ж, нес! Только смотрите, хорошенько берегите!

Звонкий голос Наилы слышался повсюду. Увидев издали Мехрибан, она крикнула:

— Здравствуй, Мехри! Готовься — на новой установке телефонов будет в пять раз больше, чем на старой!

Мехрибан приветственно помахала рукой девушке, и вдруг взгляд ее упал на ворота. В них показался Закир вместе с пожилым мужчиной, кажется архитектором. Но Мехрибан видела только одного Закира. Он тоже заметил ее, поздоровался издали, но не подошел. Его сразу обступили рабочие, и он начал отдавать распоряжения.

Во дворе установки поднялась суета. Но странно и непривычно было, что никто не подходил к Хакиму

Дадашу; он, словно окаменев, сидел в стороне, никто не советовался с ним, и как будто все даже избегали смотреть в глаза ему и Имамверди, который сидел рядом. А Закир просто не желал замечать стариков. Громким голосом он приказал:

— Начинайте!

Трактор загудел, толстые стальные тросы натянулись, как струны, раздался треск и скрежет, от которого у людей мурашки пробежали по спинам. Земля словно качнулась в одну и в другую сторону, и домик, потеряв равновесие, с глухим грохотом рухнул; поднялось густое облако едкой пыли и закрыло все. Голоса, отдающие команду, крики, лягж железа и звон разбивающихся стекол, скорбные лица сидящих без движения стариков тяжело подействовали на Мехрибан. Замерев, она стояла посреди двора, на самом ходу; ее задевали и толкали, а она, не замечая этого, не сводила глаз с Хакима Дадаша и Имамверди.

Старики сидели на большой трубе, выходящей под оградой на улицу, и молчали. Вдруг Имамверди торопливо вытащил из кармана бутылку водки и, ударив ладонью о дно, вышиб пробку. В этот миг откуда-то из суетящейся толпы выскочила Наиля и схватила бутылку из рук старика.

— Что вы, Имамверди! Вам же нельзя!

Имамверди прохрипел сдавленным голосом:

— Эх, Наиля, Наиля! Даже и поминки справить не даете.

— Стыдно, Имамверди! — крикнула девушка и с силой отшвырнула бутылку в грудь развалин операторской; стеклянный звон смешался с общим шумом.

Снова раздался грохот падающих стен. Имамверди вздрогнул и поднялся, но Хаким Дадаш протянул его обратно.

— Не надо, Имамверди!

Имамверди послушно сел.

Закир, по-прежнему не обращая внимания на сгорбившихся стариков, прошел мимо них к зданию управления.

«Какой же он все-таки жестокий!» — подумала Мехрибан, и ноздри ее мелко задрожали. — Хотя бы подошел, поговорил, утешил — ведь люди всю жизнь проработали здесь...» И она сама решительно пошла к ним, села на трубу рядом с Имамверди. Коснувшись рукой его колена, она тихо сказала:

— Дядя Имамверди!

Старик шмыгнул носом и сузившимися глазами взглянул на девушку, которая ласково улыбалась ему.

— Вы меня не помните, дядя Имамверди?

Он отрицательно покачал головой.

— Помните, я тогда стояла у двери, а вы мне еще взъерошили волосы и спросили: «Новенькая?»

— Сейчас я ничего не помню, дочка...

— Я Мехрибан, дядя Имамверди. Мехрибан. Мехри... телефонистка.

— ...Все телефонные аппараты уже сняли. Мы больше не будем разговаривать с тобой по телефону.

— Ничего, поставят новые, и мы с вами опять услышим друг друга. Вы знаете, я сразу различаю ваши голоса среди других, и ваш голос и голос Хакима Дадаша. И я знаю, когда он говорит: «Доченька, родненькая, соедини-ка меня с тем-то!» — значит, дело очень важное.

Хаким Дадаш покачал посеревшей от пыли головой и медленно сказал:

— Ты больше не услышишь наших голосов, доченька. Их скоро все позабудут, и ты тоже.

Мехрибан рассмеялась:

— Ну что это вы, дядя Хаким! Вы столько специалистов вырастили; разве молодежь, которая проходила здесь практику, забудет вас? Разве их голос — не ваш голос? Вы самый счастливый человек на заводе! Разве все остальные установки здесь не ваши? Ведь на них работают люди, которые учились у вас. Да и сюда, на новую установку, придет работать молодежь, воспитанная вами. Я сколько раз слышала, как молодые мастера и инженеры говорят: «Я проходил практику на третьей установке, у Хакима Дадаша и Имамверди».

На губах Хакима Дадаша промелькнула печальная улыбка. Мехрибан почувствовала, что нашла верный тон. Это обрадовало ее.

— Ну, что хорошего сидеть тут, в пыли, смотреть, как рушатся старые стены, и мучиться? Вставайте, пойдемте со мной!

Усталые печальные глаза стариков спросили: «Куда?»

— Давайте пройдемся по другим цехам и установкам. Там работают ваши бывшие ученики. Теперь у них уже есть свои ученики. Ведь вы — дедушки! Дедушки всех, кто здесь работает, всего завода!

Мехрибан по-ребячьи ухватила стариков за руки и, смеясь, потащила за собой к воротам и дальше — на улицу.

Словно солнце внезапно выглянуло из-за туч и засияло перед взорами стариков...

Но в эту минуту со двора установки донесся опять сильный грохот. Имамверди приостановился.

— Это печи! — воскликнул он и повернул назад. Путь ему преградил длинный состав цистерн. Старый машинист и молодой парень, его помощник, с лоснящимися, измазанными сажей лицами, помахивали кепками, кричали:

— Здорово, Имамверди! Привет, Хаким!

Старики не знали этих людей, но кивнули в ответ. Длинный состав, казалось, не имел конца, и ждать пришлось долго. Наконец показался хвост поезда. Сзади был прицеплен еще один паровоз-толкач, и с него тоже кричали старикам слова приветствия. Но вот постепено, с заморающим стуком, состав скрылся за поворотом. Имамверди не двинулся с места. Он не пошел почему-то во двор на старую разрушенную установку...

Новые друзья Мехрибан были люди с разными характерами, но была у них одна общая черта: все они сердечные, хорошие люди. На заводе только один

человек вызывал у Мехрибан смутное ощущение беспокойства, непонятную тревогу — это чертеница Зарангис. Почему же Мехрибан испытывала странную неприязнь к этой красавице? Было ли это вызвано впечатлением от их первой встречи или существовала другая, более скрытая причина? Да, Мехрибан была напугана. У нее появилось ощущение, будто кто-то трясет ее за плечо и шепчет на ухо: «Будь осторожна, Мехрибан, будь остороже! Береги свое счастье и, если понадобится, борись за него!» Но ведь ничего страшного пока не случилось? Правда, Закир за последнее время заметно изменился, но Мехрибан объясняла это тем, что он сейчас очень занят, нервничает, поглощенный делами строительства новой установки. Она чувствовала, как дорога ее любимому эта установка, которую он так нежно называл «наш маленький завод в четвертом цехе». А если причина действительно только в этом, чего же тогда бояться, от кого защищать свое счастье? И все же, почему порой так трепетно сжимается сердце, словно чужа беду?

...Зарангис поступила на завод почти одновременно с Мехрибан.

Закир познакомился с Зарангис в первый же день, когда она пришла на завод. Уже тогда шли разговоры о постройке новой установки. Закир работал вместе с архитектором, подготавливая для него чертежи некоторых деталей внутреннего устройства установки. Свои черновые наброски он отдавал перечерчивать набело в сметно-проектный отдел.

Однажды, открыв застекленную дверь отдела, он направился было прямо к кабинету начальника, как вдруг что-то остановило его, словно властный внутренний голос сказал: «Обернись!» Он обернулся и замер. Глаза его встретились с подчеркнуто-холодным взглядом Зарангис. Она была одета с большим вкусом, строго и просто. Закира ошеломила ее удивительная красота. Почтительно поздоровавшись, он хотел было поинтересоваться, кто она и что здесь делает, но Зарангис так сухо кивнула, что слова застряли у него в горле. Закир постоял секунду в пере-

шительности, затем быстро вошел в кабинет начальника.

Начальник позвал Зарангис и поручил ей скопировать чертежи, принесенные Закиром. Девушка с недовольным лицом взяла из рук Закира чертежи и вышла.

С этого дня Закир стал часто появляться в сметно-проектном отделе, находя разные предлоги. Зарангис по-прежнему держалась с ним холодно, почти официально. Наконец как-то она сказала, глядя на него в упор:

— Вы слишком часто сюда ходите, товарищ Джалалов!

Закир растерялся, как провинившийся мальчишка, и начал говорить о новой стройке, объяснять, как его беспокоят многие вопросы, связанные с этим делом. Он словно оправдывался перед девушкой. Но заметив, что она совсем не слушает, протислся и ушел.

Зарангис торжествовала — начало было положено.

Закир пересылал теперь чертежи в сметно-проектный отдел через свою секретаршу, и Зарангис очень умело и осторожно выпытывала у той все, что хотела узнать о Закире. Она знала теперь, что Закир один из самых видных и способных работников завода и к тому же холост. В эту пору Закир и Мехрибан уже проводили целые вечера вместе на своей любимой скамейке в парке. Упоенные любовью, они считали себя самыми счастливыми людьми на свете.

За неделю до того дня, когда Мехрибан с Закиром встретили во дворе завода печницу Бульгенз, которая так смутила Мехрибан своим вопросом, Зарангис, вычертив все, что нужно было для Закира, сама принесла копии. Когда она вошла в просторный светлый кабинет, Закир невольно привстал, не веря своим глазам. Зарангис непринужденно поздоровалась, осмотрела комнату, подошла к огромному, во всю стену, окну. Глядя во двор на колоссальные гулящие установки, она заметила:

— Неплохо живете. Отсюда прекрасный вид — весь ваш цех как на ладони.

— Как говорится, товар лицом! — без улыбки пошутил Закир, и холодность его тона удивила Зарангис. Но, кажется, это не очень смутило ее.

С этого дня Зарангис стала ежедневно появляться в кабинете начальника четвертого цеха.

Закир убеждал себя, что у него с этой девушкой ничего нет и не может быть, но, сам того не замечая, каждый день ждал ее прихода или звонка. Двусмысленные слова и многозначительные улыбки Зарангис, ее красивое, гибкое тело смущали его, вносили смятение в сердце. Но он все еще пытался противиться, пытался сберечь чистоту своего чувства к Мехрибан, но с каждым днем все сильнее откуда-то из самых сокровенных глубин его существа поднимались властные чувства и желания, отнимавшие у него волю. Мехрибан была сладка, как мечта, чиста и прохладна, как родниковая вода, а Зарангис горяча и желанна, как сама жизнь. Образ Мехрибан вызывал в нем возвышенные и благородные чувства. Любовью Закира к Мехрибан была окрыленной и глубокой, но в самой этой глубине было что-то неопределенное, туманное: он совершенно не представлял себе, как и чем могут закончиться эти чудесные чистые отношения, вернее, он ни разу всерьез не задумывался над этим. А Зарангис была так понятна и так желанна!

Эти настроения внесли за последнее время нервность в его отношения с Мехрибан. Может быть, именно поэтому он так и не смог ответить на простодушный вопрос тетки Бульгенз...

Борьба двух противоположных чувств истерзала его сердце, и он решил, наконец, покончить с этим. Однажды он сказал Зарангис:

— Прошу вас, отныне все чертежи передавайте через мою секретаршу.

Зарангис спросила удивленно:

— Почему же?

— Я не хочу вас затруднять.

Зарангис, тряхнув головой, откинула со лба кудри и передернула плечом. Закир поднялся, хмурия брови.

— Слишком часто вы сюда приходите.

Это было оскорбительно, но Зарангис и бровью не повела. Она улыбнулась:

— Не поручайте мне работу, и я не приду больше!

— Вы здесь для того, чтобы работать. И в связи с новым строительством у вас скоро будет еще больше работы.

— Как же быть тогда? — уже серьезным тоном спросила она. — Ведь в ваших оригиналах бывает много непонятого для меня. Я работаю здесь недавно... иногда нужно мне объяснить...

— Если будет что-нибудь неясное, позвоните, я сам к вам приду. Всего хорошего!

Считая разговор оконченным, Закир убрал чертежи в негориаемый шкаф, захлопнул тяжелую дверцу и вышел. Зарангис, глядя на его спину, обиженно уронила:

— До свидания...

Закир не обернулся.

В тот же вечер она позвонила ему и жалобным голосом заявила, что в его чертежах много непонятого.

— Ладно, завтра зайду и объясню. Сейчас все равно уже конец работы. — И он повесил трубку.

Но Зарангис вскоре позвонила опять.

— Я хочу остаться поработать еще немного, — сказала она, — лучше будет вам прийти сейчас и объяснить кое-что.

Закир даже побагровел от гнева.

— Хорошо! Как только заступит вторая смена, я приду.

В этот вечер у него было назначено свидание с Мехрибан.

Как только закончилась сдача и прием смен в цехе, он отправился в сметно-проектный отдел. Взявшись за ручку двери, он секунду колебался: «Может быть, все-таки не ходить? Подальше бы от нее...» Чертежи были нужны срочно. Но, с другой стороны, он знал: если ему удалось устоять один раз, то вряд ли хватит выдержки на второй. Собравшись с духом, он вошел.

Зарангис встретила его с чуть обиженным, робким и покорным видом. Закир со своей обычной деловитостью сразу подошел к ее столу и спросил:

— Ну покажите, что вам тут непонятно!

— Размеры при входе этих труб не совпадают с размерами при выходе, — начала она, развешивая его чертежи.

Оба облокотились о доску и, склонившись над ней, начали проверять размеры. Чертежная доска была не особенно широка, и плечи их соприкасались. Он почувствовал, как ожог, ее горячую обнаженную до плеча руку и вдруг потерял дар речи. Она тоже молчала. Это длилось неизвестно сколько времени. Наконец Закир, овладев собой, заговорил:

— Что ж, все правильно. Так и должно быть.

Зарангис, не глядя на него, спросила:

— Почему так должно быть? Я не понимаю.

— У выхода трубы должны сужаться, чтобы воз-
стало давление.

Он тоже не решался взглянуть на нее. Руку его выше локтя все еще точно жгло огнем.

— Больше у вас нет вопросов?

— Есть... — и они снова склонились над чертежной доской. Доска стала как будто еще уже. Зарангис так близко придвинулась к Закиру, что ее волосы шкелотали ему лицо и шею.

— Вот этот чертеж для меня совсем неясен.

— Что же тут особенного? Труба в трубе.

— А для чего так сделано?

— По внутренней трубе идет холодная жидкость, а по внешней — горячая. Она согревает первую, а сама остывает. Все правильно, так и должно быть.

— А вот это? — Зарангис протянула руку за его спиной, чтобы достать чертеж с полки, и ее тугая грудь прижалась к его спине.

Это было нестерпимо! Закир отпрянул от стола и судорожно глотнул воздух. Задыхаясь, он сказал тихо и хрипло:

— Слушайте... что это за игра?

Зарангис улыбнулась. Закир терял мужество, но все еще не сдавался:

— Что вы от меня хотите?

Зарангис, высоко подняв брови, пожалла плечом:

— Я?.. От вас?.. — и она громко расхохоталась. — Нет, вы совсем ребенок!.. Уходите.. слышите?

Но Закир не ушел. Перед его глазами словно плыла Зарангис: он видел ее чувственные губы, высокую грудь, все ее гибкое тело, дрожащее от смеха. И, словно желая погасить пылавший в нем огонь, он с мрачной решимостью стал наступать на нее. Она не испугалась. Откинув голову, опираясь позади себя руками о чертежную доску, она продолжала смеяться. Закир схватил ее, сжал своими сильными руками и начал жадно целовать. Доска круто наклонилась, и чертежи попадали на пол, разлетелись в стороны. Но они ничего не замечали..

Во дворе завода оживали и вспыхивали огоньки. Призрачная мгла окутала комнату.. Наконец они разорвали объятия. Зарангис, уперев руки в грудь Закира, оттолкнула его и, надув губы, словно стыдясь своего порыва, капризно шепнула:

— Уходи!

Ее всегда аккуратно причесанная голова была взлохмачена, волосы падали на лоб.

— Уходи! — повторила она.

— Чем это кончится? — глухо спросил он.

— Не знаю..

— Ты сводишь меня с ума! Я теряю голову. Ведь ты, наверно, замужешь..

— Я уже свободна.. Не бойся.. — закрыв глаза, шепнула Зарангис. — Все будет хорошо..

...В это время на берегу моря, около скамьи под нивой, прислушиваясь к таинственному шепоту прибоя, в волнении ходила Мехрибан. Она ждала, ждала.. И ушла, не дождавись.

Закиру казалось сначала, что близость с Зарангис, начавшаяся без любви, скоро назовет ему, и отношения сами собой порвутся. Он все еще старался беречь свое чувство к Мехрибан, и потому продолжал встречаться с ней. Но ежедневно встречаться с обеими, такими разными, как небо и земля, и разыгрывать

из себя влюбленного, скоро стало для него невыносимым. Но и порвать ни с той, ни с другой он не мог. Мехрибан доверила ему свою жизнь, свои мечты, свое первое чувство. Он был не в силах отказаться ни от Зарангис, которая привязывала его к себе все больше и больше цепями чувственных наслаждений, ни от Мехрибан, к которой тянулся его душа. Ему приходилось лгать и той и другой, и чем дальше, тем это становилось невыносимей.

Зарангис чувствовала, что Закир не принадлежит ей целиком. Ей хотелось владеть и его душой, и она делала все для этого. Встретившись случайно с Мехрибан, она догадалась, что между Закиром и этой девушкой есть какая-то связь. И хотя ей казалось совершенно необъяснимым, чем могла привлечь Закира, крупного работника завода, красивого мужчину, эта невзрачная маленькая девушка-телефонистка, их отношения ее очень тревожили. И Зарангис каждый раз во время свиданий с Закиром искусно пускала ядовитые стрелы по адресу Мехрибан, постепенно отравляя его сердце. Она выбирала всегда самые интимные минуты их встреч, когда Закир был покорным и восторженным рабом, и, как ни боролся он за свое чувство, стрелы попадали в цель, их действие начинало сказываться: он сравнивал ту и другую, и сравнение это было не в пользу Мехрибан..

Одна из подруг Зарангис работала кассиршей кинотеатра. Уходя по вечерам на службу, она отдавала Зарангис ключ от своей комнаты, и эта маленькая уютная комната стала местом свиданий Закира и Зарангис. Каждый раз, простившись пораньше с Мехрибан под предлогом встречи с архитектором или профессором Мансуровым, Закир спешил сюда.

— Почему ты сегодня опять опоздал? — подозрительно спрашивала Зарангис, подходя к нему вплотную, прижимаясь лицом к его пиджаку, галстуку или воротничку сорочки, чтобы уловить, не принес ли он с собой чужого запаха. И каждый раз Закир находил уважительные оправдания своей задержке, постепенно все больше изощряясь во лжи. Но Зарангис была недоверчива. Однажды она вдруг зажгла свет

в комнате и с горящими от гнева глазами выкрикнула:

— Я или она! Скажи, чем она пожертвовала для тебя, чем доказала свою любовь! Что она сделала для тебя! Я отдала тебе все: свое сердце, красоту, всю себя! Я доказала, что люблю тебя! Взгляни на нее и взгляни на меня!

Губы ее дрожали, глаза налились слезами. Задыхаясь, она разорвала на себе сорочку; глаза ее сверкали дерзким вызовом. Эта внезапная безумная выходка оглушила Закира. Он смотрел, не отрываясь.

— Я или она!

У него перехватило дыхание:

— Ты!

Зарангис победила. Теперь он принадлежал ей весь. Она потребовала, чтобы он рассказал ей о своем знакомстве с Мехрибан и обо всем, что было между ними. Закир с большим трудом заставил себя сделать это. Его внутренне корбило, когда он шаг за шагом развертывал перед ней историю своей любви, и, рассказывая, он прощался навсегда с этой любовью, потому что сознавал, что предает Мехрибан и свое чувство к ней. Он рассказывал все подробно, даже о скамейке, где они встречались. Зарангис торжественно заявила, чтобы полнее упитаться своей победой, потребовала, чтобы Закир на другой же день встретился с ней на этой самой скамейке.

— Это же нелепо, зачем это тебе! — поморщился Закир.

— Нет, я хочу, хочу, чтобы все было моим, даже эта скамейка. Если ты встретишься там со мной, значит, с ней уже встречаться не будешь!

— Это же каприз, Зара, глупый каприз.

— Если любишь меня...

Закир, сдвинув брови, молчал. Зарангис не отставала:

— Завтра... завтра вечером... Надеюсь, ты не боишься встречаться со мной на людях?

— Я никого не боюсь. Решено, я приду.

— Значит, завтра вечером...

Мехрибан настойчиво изучала заводские условия; она уже считалась одной из лучших телефонисток. Стены тесной коммутаторной как будто с каждым днем раздвигались и охватывали всю огромную территорию завода. Теперь Мехрибан могла хорошо представить себе каждый уголок завода. Она успела познакомиться со многими людьми, и уже любила их так, как будто это была ее семья. Но она и не подозревала, что кто-нибудь знает ее имя за пределами завода.

И вот однажды...

— Третий. Мехрибан? Это я.

— Здравствуй, доченька! Говорит мать Закира...

Сердце Мехрибан забило быстро-быстро, щеки порозовели, она растерялась.

— Здравствуйте, Сурейя-ханум!

Снова прозвучал мягкий грудной голос:

— Ну вот, мы с тобой заочно и познакомились...

— Да, Сурейя-ханум...

— Мехрибан! Прошу тебя, зайди сегодня вечером к нам домой!

— Но... что случилось?

— Ничего, ничего, доченька... Просто я и отец Закира просим прийти сегодня вечером к нам в гости.

— Но все-таки... я не совсем понимаю...

— Ничего особенного нет, доченька, просто хотим посидеть за стаканом чая, поболтать и посмеяться. Вот и все. Ждем тебя, доченька! Знаешь, где мы живем?

— Знаю... но я... Простите меня, но я не могу прийти сегодня вечером — у меня занятия...

— Ну вот, ты все-таки заставляешь меня раскрыть секрет. Дело в том, что сегодня вроде как бы наш юбилей с Камилем — тридцать лет со дня свадьбы. Теперь, надеюсь, ты не откажешь в моей просьбе? — и Сурейя-ханум сердечно и просто, но с той же настойчивостью добавила: — И потом, в конце концов, должна же я видеть тебя или нет? Слышишь, ждем!

— Спасибо, хорошо...

По окончании смены Мехрибан побежала в школу. Отсидев там два урока, она в первый раз ушла с остальных занятий, как нерадивая школьница. Она зашла в цветочный магазин и попросила подобрать ей небольшой букет, потом поспешила домой.

Мехрибан привыкла жить так экономно, что ей удавалось каждый месяц откладывать немного денег. Когда денег скопилось достаточно, она купила отрез материи и сшила себе платье. Шить ее научила соседка по рижской квартире, когда Мехрибан жила там с отцом. Светло-голубое платье, хоть и было из недорогого материала, сидело на Мехрибан хорошо и очень шло ей. Она только вчера закончила его шить и уже мечтала, как пойдет в нем на свидание с Закиром. Правда, он вот уже два дня не давал о себе знать, но Мехрибан была уверена, что он очень занят на строительной площадке, где ломают старую установку, и ждала, когда он освободится.

Она быстро переделала и, подойдя к зеркалу, стала заплетать косы. Непривычные волнение охватило ее. Ей вспомнились слова кочевара — тетки Бульгеиз, обращенные к Закиру: «Она невеста твоя?» «Если они приглашают меня к себе в дом, значит...» Все поплыло, закружилось перед ее глазами.

«Неужели я буду счастлива? А почему бы мне не быть счастливой? Разве я не имею на это права? Но почему же Закир сам меня не пригласил? Может быть, он даже не знает, что я придую? Нет, этого не может быть! Наверное, это решено всем семейством. Наверное, там будут и другие гости. Интересно, как меня представят? Может быть, скажут: «Познакомьтесь, это невеста Закира». Нет, пожалуй, так не скажут, скорее — так: «Познакомьтесь, это — Мехрибан. Она работает на одном заводе с нашим Закиром...» — и при этом едва заметная, но многозначительная улыбка... вот и все».

Мехрибан улыбулась своим мыслям и почувствовала, как теплая волна пробежала по телу. Еще раз осмотрела перед зеркалом свой наряд и прическу и

осталась довольна. Осторожно взяв в руки букет, чтобы не помять, она вышла.

Молочные фонари на уходящих во тьму чугунных столбах были похожи на огромные фантастические цветы. Неоновые светильники кое-где очерчивали карнизы крыш и сияли в разноцветных рекламках. Вечерний Баку был очень наряден.

Мехрибан прошла мимо сада Сабира, на секунду задержавшись против зубчатых стен старой крепости, полюбовалась фонтаном, который попеременно озарялся то красным, то зеленым, то желтым светом. Она прошла через сад имени Карла Маркса, свернула во вновь проложенную аллею молодых деревьев и затерялась среди нарядной гуляющей толпы. Кто-то окликнул ее — Мехрибан оглянулась и увидела Назилу Гусейнову, свою сослуживицу.

— Куда ты? — спросила Назила.

— Да так... К одним дальним родственникам, на день рождения. А ты? Ты одна?

Назила смутилась и, казалась, уже жалела, что остановила Мехрибан.

— Я? Да... — пролепетала она и хотела уже было идти прочь, но в этот момент ее окликнул мужской голос: «Наза!»

Назила не обернулась на зов, но покраснела. Небольшого роста парень с двумя эскимо в руках пробирался к девушкам. Когда он подошел, Назила тихо, смущенно сказала:

— Нет, я... и он... Я не одна... Познакомься, это Фахреддин.

Мехрибан протянула парню руку; его она уже не раз видела у проходной. Он был ростом ниже Назилы, но держался очень солидно.

— Фахри, это та самая Мехрибан, о которой я тебе рассказывала.

Фахреддин густым басом заметил:

— Вот так часто бывает: слышишь о хорошем человеке много, а сам его не знаешь. Очень рад познакомиться, сестричка.

Он протянул одно эскимо Мехрибан, другое — Назиле. Мехрибан начала отказываться.

— Спасибо, я не хочу...

— Нет, сестричка, вы меня обидите!

Она взяла эскимо и еще раз поблагодарила.

— Вот что, Наза, — деловито заговорил Фахреддин, — не забудь пригласить сестричку Мехрибан на нашу свадьбу.

Назила еще больше зарделась. Вот тебе и брат! Надо же было именно сейчас так бухнуть! Она виновато взглянула на Мехрибан, а та понимающе улыбнулась ей, словно говоря: «Я-то давно это знала».

— Ну, будьте счастливы! — Мехрибан поспешила проститься и ушла. Ведь она так спешила в дом Закира!

Она торопливо, на ходу, ела мороженое, стараясь не закапать платья и чтобы руки не были липкими.

Дойдя до нового пятиэтажного дома, где жили Джалаловы, она остановилась, тщательнее вытерла платком руки и губы и поднялась по лестнице. На третьем этаже она перевела дух, и волнение еще сильнее овладело ею при виде отполированной бронзовой дощечки с надписью: «К. М. Джалалов». Ей вдруг захотелось повернуть назад, но ведь она обещала! Глубоко вздохнув, Мехрибан решительно подошла к двери и дрожащим пальцем нажала кнопку звонка. Из-за двери доносились оживленные мужские и женские голоса и смех; кто-то громко, приятным басом пел арию Асланшаха из оперы «Шах Исмаил». За дверью раздалась приближающиеся шаги, замок щелкнул, и дверь отворилась. Высокая, красивая, представительная женщина стояла на пороге. При виде Мехрибан еле уловимая тень смущения промелькнула на ее лице. Всего лишь на какой-то миг.

И Мехрибан снова почувствовала непреодолимое желание уйти, убежать, но мягкий, ласковый голос произнес:

— Входи, доченька, входи! Ведь ты — Мехрибан, если не ошибаюсь?

Голос показался Мехрибан знакомым.

— Здравствуйте, Сурейя-ханум!

— Здравствуй, доченька, очень рада видеть тебя! Ну что же ты стоишь? Входи!

Сурейя-ханум, обняв Мехрибан за плечи, ввела ее в переднюю. Мехрибан положила свой букет на тумбочку возле вешалки. Она не могла оторвать глаз от Сурейи-ханум. Невозможно было поверить, что эта цветущая женщина уже тридцать лет замужем. Ее тонко обрисованные брови взметнулись легко, словно крылья ласточки. У нее был свежий, розовый цвет кожи, а ласковые карие глаза смотрели мягко и успокаивающе. Толстые каштановые косы, без единого седого волоска, были уложены венком вокруг головы, и в волосах над левым ухом приколота маленькая роза. Мехрибан сразу потянуло к ней, так и хотелось все время смотреть на нее. Единственное, что немного портит наружность Сурейи-ханум, это начинающаяся полнота.

Сурейя-ханум так понравилась Мехрибан, что девушка с тоской подумала: «Как хорошо, если бы у меня была такая мать!»

А Сурейя-ханум была слегка разочарована внешностью Мехрибан, хотя ничем не выдала этого. Впервые, Закир был, конечно, гораздо красивее. Во вторых, девушка была чересчур уж миниатюрна и выглядела ребенком. Лицо ее нельзя было назвать некрасивым, но, на взгляд Сурейи-ханум, оно было слишком обычным. И чтобы как можно лучше скрыть свое разочарование, Сурейя-ханум была вдвойне любезна.

— Вот умница, хорошо сделала, что пришла, дочка! Идем, идем, — обнимая Мехрибан, она ввела ее в комнату, как самого дорогого гостя. — Познакомьтесь, это Мехрибан! — несколько торжественно объявила она.

Полный лысый человек, игравший с другом в шахматы за маленьким столиком у двери на балконе, поднял очки на лоб и, внимательно присматриваясь к Мехрибан, спросил:

— Это что — ее имя такое или она действительно «мехрибан»? ¹

¹ Мехрибан — по-азербайджански ласковая.

Раздался общий смех гостей, сидевших в стороне от изысканно накрытого стола, сверкавшего хрусталем и серебром. К этому смеху присоединился и смех Сурейи-ханум.

— Да, по-моему, это имя к ней очень подходит! — ласково сказала она, глядя на порозовевшее лицо Мехрибан. — Проходи, доченька, познакомься с нашими друзьями.

Мехрибан не знала, к кому подойти первому. Она окинула комнату быстрым взглядом. Гостиная была обставлена с большим изяществом. Всюду расставлены китайские статуэтки и безделушки — они красовались на шкафу, на серванте, на стенных полочках. В углах, на тумбочках, стояли чудесные голубые вазы, тоже китайские. Все это Камиль привез несколько месяцев назад, когда вернулся из поездки по Китаю. Но чувствовалось, что все это выставлено здесь не ради прихоти, напоказ, а сами хозяева любят эти вещи и привыкли терпеть свой глаз своеобразной красотой.

Обойдя стол, Мехрибан подошла сначала к льсому толстяку за шахматной доской и протянула свою маленькую руку.

Лысый снова вскинул свои очки на лоб и, словно вдруг забыв свое имя, беспомощно взглянул на сидевшую неподалеку жену, потом хлопнул себя по лбу и проговорил:

— М-да!.. Миралиев, Гулам! Что, доченька, нравится тебе мое имя?

Мехрибан невольно улыбнулась.

— Вы и сами мне нравитесь... — и она повернулась к его партнеру. Тот вынул изо рта погасшую трубку, вежливо поднялся и внимательно, даже пристально посмотрел на Мехрибан, пожал ей руку. Сердце Мехрибан взволнованно забило: показало, что ее рука покоится в широкой ладони Закира. Отец был ростом ниже сына, но открытый взгляд, располагающая улыбка и твердо очерченный, энергичный подбородок — все было, как у Закира.

— Камиль...

Когда Закир уставал, в его голосе звучали такие

же хриплые нотки. В этом человеке чувствовалась цельность, выдержка и стойкость. Пожатие его было крепким. Мехрибан едва слышно назвала свое имя.

Тот, кто пел, стоя у пианино, оказался профессором Мансуровым. Поздоровавшись с Мехрибан, он по-приятельски улыбнулся:

— Мы с вами старые знакомые, малютка!

Его сын, паренек лет шестнадцати, заученным жестом откинув левой рукой волосы, представился:

— Осман... — и, указывая на полную добродушную женщину, добавил: — а это моя мать, познакомьтесь, пожалуйста!

— Салтанат... — почему-то смущаясь, назвалась женщина, подавая, по обычаю слишком застенчивых бакинок, четыре пальца, сложенные лопаточкой.

— А теперь познакомьтесь с моей мучительницей! — не отрываясь от шахмат, провозгласил Миралиев. — С той, которая не оставила ни одного волоса на моей голове, — с Кябла-Нисой!

— Кябла-Ниса — это твоя покойная бабушка, — немедленно отпаривала веселая бойкая женщина, — а лысым ты родился, при чем же тут я?

Снова последовал взрыв хохота. Мехрибан позамыслилась и с женой Миралиева. Ее звали Мелэк.

Глаза Мехрибан, скользя по лицам, невольно обращались к дверям. Она напряженно ждала, не выйдет ли сейчас из какой-нибудь соседней комнаты Закир, — выйдет, поздоровается, возьмет ее за руку. Она опустила на одно из мягких кресел в сторонке и сидела, прислушиваясь к разговорам и музыке. Осман играл блестяще. Отец и мать с гордостью поглядывали на него. Все, все здесь нравилось Мехрибан. Одно ее тревожило, почему до сих пор нет Закира?

Сурейи-ханум внесла большое блюдо долмы и на ходу обернулась к мужчинам:

— Хватит уже, закрывайте свой клуб. Пора к столу!

— Кончим? — спросил Камиль.

— Сдавайся, кончим, — ответил Миралиев.

— Тут ничья, — спокойно заявил Камиль.

— Ничего подобного! — протестовал Миралиев, вообще большой любитель спорить. Камиль молча сделал несколько ходов за него и за себя и доказал, что прав. Миралиев вздохнул и поднялся.

— Хорошо, а почему же наша «ласковая» гостя спряталась где-то в уголке? — громогласно спросил Миралиев.

— А мне тут удобно, — застенчиво промолвила Мехрибан.

Камиль по-прежнему внимательно наблюдал за ней.

— В этот вечер Мехрибан-ханум должна сидеть рядом со мной, — решительно заявил Миралиев.

Мансуров покачал головой.

— Почему именно рядом с тобой? Почему ради тебя она должна изменить мне, старому знакомому?

— Напрасно вы спорите, Мехрибан будет сидеть около меня, — Сурейя-ханум обняла девушку за плечо. Спор разгорался. Мансуров, подняв обе руки вверх, восстановил тишину.

— Давайте рассуждать логично. Большинство из нас пришли сюда со своей парой, но есть и такие товарищи, у которых пары нет. Вот, например, Осман, — чем он не кавалер? Не сегодня-завтра получит паспорт! Мехрибан следует посадить рядом с ним, по-моему!

Таким образом, этот вопрос был разрешен. Осман, откинув левой рукой волосы, прикусил губу и подвинул свой стул Мехрибан. Ему ужасно хотелось выглядеть взрослым в глазах этой девушки, хоть чем-нибудь проявить себя. Пока еще не сели за стол, он то подходил к роялю и рассеянно брал аккорды или пробегал пассажем по клавиатуре, то внимательно, с видом знатока, рассматривал китайские вещицы, подходил к радиоприемнику и крутил его, то и дело бросая исподтишка взгляд на Мехрибан. Она отлично поняла его уловки и с трудом удерживалась от смеха, стараясь казаться возможно более серьезной. Их посадили рядом. Остальные тоже сели за стол, застучали вилки и ножи, зазвенели тарелки и рюмки. Осман, как опытный кавалер, ухаживал за своей соседкой, ежеминутно спрашивая, что ей передать. Хотя

все было очень вкусно, Мехрибан ела мало, и не потому, что стеснялась, а потому, что не привыкла вообще много есть.

Мансуров встал и поднял свой бокал. Он заговорил о двух людях, которые познакомилась еще студентами и сначала крепко дружили, а потом, отдавшись разгоревшемуся в них более сильному чувству, поженились и жили скромной студенческой жизнью в тесной наемной квартирке; говорил о том, как эти люди постепенно пробивали себе дорогу в жизни, много работали, вырастили умного, талантливого сына и до сих пор остались молодыми, сохранили свежесть первого чувства — называют друг друга до сих пор не иначе как с прибавлением слова «джан»...

— За двух друзей, за двух ученых, за Сурейю-ханум и Камиля! — провозгласил Мансуров.

Все шумно поздравляли юбиляров, звенели бокалы, веселый смех и говор не смолкали. А Мехрибан в смущении не знала, что делать со своим бокалом; ни разу в жизни не приходилось ей пить вина! Миралиев заметил ее растерянность.

— Нет, так дело не пойдет! — воскликнул он и, взяв со стола бокал, подал ей.

— Но... Я не умею... я не могу пить! — она даже отстранилась.

— Нет, нет, не заставляйте ее, если не хочет! — вступилась Сурейя-ханум. Но Миралиев настаивал:

— Я не говорю, что она должна выпить все до дна! Пусть хоть пригубит за ваше здоровье.

— Нечего учить ребенка пить вино. — Одернула Мелэк мужа. — Ты судишь обо всех по себе — тебе лишь бы выпить!

Слово «ребенок», которое выскочило у Мелэк без всякого дурного намерения, задело Мехрибан. Она решительно взялась за тоненькую ножку бокала и, собрав всю свою волю, заставила себя глотнуть. Сурейя-ханум ласково кивнула ей:

— Спасибо, доченька!

Камиль продолжал внимательно поглядывать на Мехрибан. А у нее перед глазами уже поплыли и заплясали светлые блестящие круги и кружочки. Ока-

зывается, достаточно одного глотка, чтобы у нее закружилась голова. Она не опьянела, нет, но во всем теле появилась странная легкость и недавняя скованность совершенно исчезла.

— Почему ты ничего не кушаешь? — заметила Сурейя-ханум.

Мехрибан улыбнулась, теперь она чувствовала себя совсем свободно.

— Я не могу много кушать, я не привыкла.

— Может быть, тебе не нравятся кушанья?

Мехрибан сама не могла понять, как это вышло, но, взглянув с каким-то вождлением на стол, она вдруг проговорила:

— Я первый раз в жизни пробую такие вкусные вещи.

— Тогда кушай побольше!

Мехрибан засмеялась:

— Боюсь, Сурейя-ханум. Если много поем вкусного, не захочется, пожалуй, завтра опять переходить на мои вечные макароны.

Слова эти прозвучали так искренне и просто, что все поняли, что она не шутит. Сердце у Сурейя-ханум сжалось, и она пожалела, что невольно вынудила такое признание. И вдруг в маленькой девушке с таким обыкновенным лицом она увидела хорошего, чистого человека, который мужественно переносит лишения. Теперь ей уже хотелось знать о Мехрибан все — все, чем живет ее душа. Но ее удерживала досада на себя за то, что, заведя разговор о еде, она поступила бестактно. Она не знала, как выйти из положения. Наконец в наступившей неловкой тишине раздался ласковый ее голос:

— Прости меня, доченька, я не хотела об этом говорить. Если хочешь знать, все мы так начинали... — и, словно ища поддержки, перевела взгляд на мужа.

Камиль, который до сих пор слушал молча, зажег свою трубку и переменял разговор:

— Где это застрял Закир? — и в первый раз за весь вечер обратился к Мехрибан: — Мы думали, что вы вместе придете с завода.

Мехрибан только сейчас вспомнила, как представила ее гостям Сурейя-ханум. Она ведь не упомянула при этом имени Закира, не сказала, что они работают вместе, на одном заводе. Камиль своим вопросом сразу разрешил все недоумения — поставил их имена рядом, дал понять, что они с Закиром друзья. Она с усилием проговорила:

— Когда я уходила с завода, его уже там не было.

...Снова ели, пили, разговаривали, смеялись. Больше всего понравился Мехрибан второй тост Мансура. Он предложил его в честь Закира.

— Да, Закир по-настоящему любит свою работу. Он и талантливый инженер и сильный администратор. Я хорошо изучил его способности за эти несколько лет, что с ним работаю. Характерно, что он больше меня боится за судьбу моего изобретения. Упорный парень, настойчивый! Вот уже два года держит меня за шиворот, буквально дохнуть не дает, все торопит: «Давай, давай, профессор!» И все время доказывает: «Профессор, твои добавки к смазочным маслам должны вырабатываться у нас на заводе и непременно в моем цехе. Наш четвертый цех должен стать сердцем завода. Если я сам не смогу контролировать это новое производство, — я не выдержу, у меня сердце лопнет!» Признаться, идею этих добавок он мне сам и поддал. Если так дальше пойдет, он у меня будет хлеб отбивать. У этого парня ясная голова на плечах и сердце у него стойкое. За Закира!

Мехрибан ограничилась единственным глотком вина, который выпила вначале. Осман рассказывал ей что-то о музыкальной школе, где учился, о концертах, о знаменитостях, но она думала только о Закире. Где он? Опять работает с архитектором? Наверное, теперь уже скоро придет, скоро, скоро!

Когда вышли из-за стола, Осман снова сел за пианино. Мужчины завели беседу о культуре Китая и Индии, женщины — о странных привычках своих мужей, о капризах детей и домашних заботах. Мехрибан с большой готовностью помогала Сурейя-ханум убирать со стола и относить посуду в просторную кухню, облицованную светлым кафелем. Простота

и непосредственность девушки все больше привлекали Сурейю-ханум.

В кухне Сурейя-ханум заканчивала приготовления к чаю. Взглянув на Мехрибан, которая, не спрашивая ни о чем, уже принялась мыть посуду, она тихо спросила:

— Скажи, а вчера вечером Закир разве не предупредил тебя, что у нас сегодня праздник?

Мехрибан перестала на минутку мыть тарелки.

— Я... я вот уже несколько дней не вижу Закира...

— Вы что, поссорились?

— Нет... Но он очень занят. Днем на строительном участке и в цехе, а по вечерам встречается с архитектором или с профессором...

У Сурейя-ханум создалось впечатление, что Мехрибан просто хочет скрыть от нее, что часто встречается с Закиром.

— Вчера мы заходили посидеть к Мансурову — Закира там не было, — сказала она.

Мехрибан замерла с тарелкой в руке. Потом она тихо ответила:

— Наверное, он работал с архитектором...

Сурейя-ханум засмеялась и пригрозила ей пальцем.

— Напрасно ты стесняешься меня, доченька! Я человек простой, со мной можно говорить откровенно обо всем.

— Я вам говорю правду...

— Не всю. Кое-что ты от меня утаиваешь. Ведь архитектор уже три дня как вылетел в Батуми и вернется только завтра.

Мокрая тарелка выскользнула из внезапно ослабевших пальцев Мехрибан, но она успела подхватить ее на лету и принялась усиленно тереть полотенцем.

— Значит, он сейчас на участке. Он часто по вечерам бывает там.

Сурейя-ханум отрицательно покачала головой.

— Я недавно звонила на завод. Его и там нет.

Мехрибан старалась быть спокойной... Она даже заставила себя улыбнуться.

— В таком случае, Сурейя-ханум, вы, по моему, должны лучше меня знать, где находится ваш сын...

— До семнадцати лет знала, — задумчиво ответила Сурейя-ханум, — а потом... он вырос, стал самостоятельным... Если бы я не слышала, как он по ночам подолгу разговаривает с тобой по телефону, я бы не узнала и о вашей дружбе... У тебя есть родные, доченька?

— Никого у меня нет, Сурейя-ханум. Одна... Мать умерла. Отец женился и живет в Риге. После того как у них родились дети, стало тесно, меня отправили сюда, к бабушке. Она тоже умерла... Я одна...

Она говорила об этом так просто и привычно, будто в ее одиночестве не было ничего тяжелого и печального.

— Значит, сейчас ты живешь совсем одна?

— Да...

Следующий вопрос Сурейя-ханум задала тихо и нерешительно, словно стеснялась об этом спрашивать:

— Закир бывает иногда у тебя?

Мехрибан поняла смысл вопроса и покраснела.

— Нет... он провожает меня всегда только до дверей.

Сурейя-ханум подошла к Мехрибан и, вдруг прижав ее голову к груди, начала гладить ее волосы.

— Прости меня, доченька! Меня можно простить, ведь я — мать! Вижу, что ты хорошая девушка — чистая и честная... Но вот что я тебе скажу, доченька, — продолжала Сурейя-ханум, — держи Закира в руках крепко. Мы немножко избаловали его. Он мальчик слишком впечатлительный, это не всегда хорошо... — Она выпрямилась. — Ну пойдём, доченька, гости нас ждут!

Они поставили на подносы стаканы с чаем и понесли в гостиную. Расставляя стаканы перед гостями, Сурейя-ханум сказала:

— Мехрибан, доченька, достань там, в буфете, розетки для варенья!

Мехрибан подошла к буфету и вопросительно показала на дверь:

- Где, здесь?
- Нет, доченька!
- Здесь?

— Нет, доченька, кажется, в нижнем отделении...

Присутствие Мехрибан вносило какой-то особый уют в этот дом, где никогда не раздавалось девичьего голоса. Она неслышно скользила от буфета к столу, от стола в кухню, словно порхая и все освещая собой. Эта девушка, показавшаяся сначала Сурейе-ханум такой невзрачной, обыкновенной, теперь очаровывала всех своей простотой и естественностью. Сурейе-ханум уже не казалось странным, что Закир полюбил эту девушку, она поняла, что сын тоже не мог не поддаться обаянию скромности и чистоты Мехрибан — обаянию, которое не сразу можно было заметить и которое не всякий мог оценить. А ведь он должен испытывать его на себе еще сильнее, потому что видел Мехрибан больше, чем они!

То, что единственный сын связывал свою судьбу именно с такой девушкой, радовало и Камиля, который продолжал безмолвно наблюдать за Мехрибан. Это доказывало, что Закир не податлив на внешние эффекты. В противоположность своей жене, Камиль с первой же минуты почувствовал расположение к Мехрибан, но не показывал этого.

Пока хозяйка и Мехрибан были на кухне, в гостиной шел разговор о юной гостье. Одна из женщин поинтересовалась, кто она, и Мансуров сообщил, что это — телефонистка с завода, где работает Закир, и что ее новый метод работы на коммутаторе применяется уже и на других заводах. Все, конечно, связывали появление Мехрибан в этой семье с Закиром. Когда Мехрибан возвратилась, Мелэк, которая вообще была несдержанна на язык, вдруг спросила:

— Хорошо, девушка здесь, а где же Закир?

Мехрибан сильно смутилась.

— Он скоро придет, — спокойно ответила Сурейе-ханум, — у него какое-то важное дело сегодня.

Мехрибан в это время расставляла на столе вазы с фруктами, вареньем и конфетами. Глядя, как ловко и аккуратно она это делает, женщины движениями бровей и кивками выказывали свое одобрение. Мелэк опять не выдержала:

— Думали — это дошаб, а оказалось еще слаще — мед! У Закира вкус недурен.

Мехрибан почти выбежала на кухню. Сурейе-ханум с веселым смехом догнала ее и удержала за плечи:

— Пойдем, пойдем обратно!

— Нет, Сурейе-ханум, я больше туда не пойду! — прикладывая обе руки к пылающим щекам, твердила Мехрибан. — Вы идите, а я здесь посмотрю за чайником.

— Ну не дури, девочка, пойдем!

— Нет, Сурейе-ханум, не просите — умру, не пойду!

— Ну вот, начинается! Не дай бог никому попасть Мелэк на язык! Но мне-то что теперь делать, скажи? Что ж, останусь здесь, с тобой. Так и надо Мелэк, — если захочет чаю, пусть сама приходит за ним!

— Нет, Сурейе-ханум, вы идите, идите! Дайте мне немножко прийти в себя...

Сурейе-ханум поглядела на нее с бесконечной нежностью, словно на собственное дитя, и вышла. Мехрибан принялась домыгать оставшуюся посуду и быстро привела в порядок кухню. Через десять — пятнадцать минут тут все блестело.

Раздался звонок. Она вздрогнула: сердце сказало ей, что это Закир. И оттого, что весь вечер ее терпение подвергалось испытанию, она не выдержала, бросилась в переднюю — и столкнулась лицом к лицу с Закиром.

— Мехрибан?! — его изумлению, казалось, не было пределов. — Какими судьбами?

Сурейе-ханум уже стояла возле них, улыбалась:

— Сегодня она — моя гостья! Моя и папина!

Закир, совершенно сбитый с толку, растерянно пожал руку Мехрибан. Эта маленькая ручка дро-

жала, но губы девушки улыбались. Глаза горели странным блеском, словно она все видела, знала, понимала...

— Прости меня, Мехри, я должен был сам пригласить тебя к нам, но так получилось...

— Архитектор сейчас в Батуми и вернется завтра, — быстро перебила его Мехрибан. Для нее было важно сейчас одно: чтобы он не унизил себя ложью перед родителями!

— Знаю... — негромко ответил он и хотел еще что-то добавить, но Мехрибан поспешила предупредить его на случай нового неудачного оправдания:

— Сурейя-ханум звонила тебе на завод...

— Да, меня и там не было. Я зашел навестить своего школьного товарища. Важное дело было...

— Даже важнее нашего праздника? — упрекнула Сурейя-ханум.

— Прости, мама... Один мой друг сильно заболел. Проклятый грипп так и валит людей. Говорят, этот грипп завезли нам откуда-то из-за границы.

Внимательно поглядев на сына, Сурейя-ханум спросила:

— Кто же это из твоих друзей заболел?

— Ты его не знаешь, мама...

Сурейя-ханум знала всех друзей и товарищей Закира. Поняв, что дальше расспрашивать не следует, она молча пошла в гостиную.

Закир с Мехрибан остались одни. Помолчали. Мехрибан спросила:

— Может быть, мне не надо было приходить сюда?

— Что ты! Все хорошо, Мехри... Пойдем в гостиную.

— Нет, я не хочу туда...

— Почему?

— Они все время подшучивают над тем, что...

— Что же они говорят?

— Ну... говорят все, что им придет в голову...

— А ты не придавай значения этим глупостям! — с неожиданной для себя резкостью ответил Закир. — Пошли!

— Нет, нет...

— Тогда пройди вот сюда, в папин кабинет. Здесь много хороших книг, посмотри пока. Я только поздороваюсь с гостями и приду к тебе. — Он открыл дверь кабинета и, впустив туда Мехрибан, торопливо направился в гостиную.

Мехрибан окинула глазами книжные полки, закрывавшие сплошь все стены комнаты и тесно уставленные книгами, и присела на ручку кресла. Она заметила на столе развернутую рукопись, испещренную формулами и пометками на полях. Снова перевела взгляд на полки, где всюду стояли прислоненные к книгам фотографии. На них были изображены Камиль и Сурейя-ханум в разное время их жизни. Снимки были любительские, непринужденные, было ясно, что оба они даже не знали, что их снимают. Вот Сурейя-ханум смеется и ерошит волосы мужу, вот оба в купальных костюмах расположились на пляже и с аппетитом уничтожают арбуз; Сурейя-ханум в гимнастическом трико прыгает через планку; Камиль и Сурейя в костюмах альпинистов, возле крутых скал, что-то оживленно обсуждают; Сурейя-ханум говорит с трибуны, рот ее раскрыт, точно она поет; Камиль в белом халате, окруженный студентами, проводит занятия в лаборатории; уже пожилой, теперешний Камиль беседует с китайскими специалистами на фоне лесов строящегося завода...

Мехрибан была очарована этой супружеской четой и ее чудесной многолетней дружбой. «Неужели меня ждет такое же счастье?» — несмело думала она, но смутная тревога точила ее сердце. Она продолжала сидеть одна в кабинете.

Войдя в гостиную, Закир прежде всего увидел Мансурова. Гости, уже собиравшиеся уходить, стоя перебрасывались с Закиром приветственными словами. Уже в передней Мелэк, взяв его за ухо, укоризненно сказала:

— Что-то ты крутишь, мальчик! Не нравится мне твое поведение.

— А что такое, тетя Мелэк?

— Девушка здесь, а тебя где носит?

— Я же говорю, что навещал больного товарища.
— Со мной эти проделки не получатся! — прищурилась Мелэк и уже серьезным тоном добавила: — Но я должна тебе сказать, что ты сегодня порадовал тетушку Мелэк. Я очень довольна, прямо от земли до неба!

— Чем же вы так довольны?

— А тем, что я всегда боялась, как бы ты не привел в дом какую-нибудь фифочку из нынешних модниц, которые ни в грош не ставят своих родителей, но ты оказался умницей!

— Гм...

— Жаль, что у меня нет сына в твоём возрасте, — воскликнул Миралнев, — мы поздно слохватились, и все из-за этой Кябла-Ниса! А то я непременно отбил бы у тебя эту девушку для своего сына. Но, видно, не судьба. Хороша она... желаю вам счастья!

— Моему старику можно поверить, Закир. Уж он-то разбирается в людях, — подмигнула Закиру Мелэк.

— Если бы я плохо разбирался в людях, то, наверно, не выбрал бы тебя среди тысяч красавиц, — добродушно сказал Миралнев, поправляя завернувшийся ворот платья жены. — И, как бы внезапно вспомнив, спросил: — А где же она?

— Вот здесь! — Закир быстро распахнул дверь кабинета и позвал Мехрибан.

Все по очереди подходили к Мехрибан проститься, и каждый более или менее ясно давал понять, что желает ей счастья. Все ушли, остались только хозяева дома и Мехрибан. Камиль, проводив гостей, вошел в кабинет, где сидела Мехрибан в ожидании Закира. Разговор у них не сразу наладился. Мехрибан поинтересовалась, когда и где были сняты некоторые фотографии. Камиль с большой охотой стал рассказывать.

А в комнате Закира шел серьезный разговор между матерью и сыном.

— Перед тем как сделать это, надо было все-таки посоветоваться со мной,

— А много ли за последнее время мы видим тебя дома?

— Это же комедия! — раздраженно вырвалось у него.

— Как ты можешь так говорить, Закир? Вот уже несколько месяцев как ты вечерами пропадаешь где-то, а когда бываешь дома, то чуть не весь вечер говоришь по телефону, даже по ночам звонишь ей. Ну скажи сам, что мы могли думать об этом? А теперь вдруг эта пылкая дружба стала комедией? Я тебя не понимаю!

— Мама, я не так выразился. Я хотел сказать только, что не надо было без моего ведома приглашать ее.

Сурейя-ханум горько вздохнула:

— Эх, Закир! Нет в тебе ничего нашего — ни моего, ни отцовского...

Закир с прежним раздражением спросил:

— Ну что ж я сделал в конце концов?

— Ты бессердечен, Закир, вот что!

Закир снова попытался взять себя в руки:

— Все эти дни я так устаю, мама!

Голос Сурейи-ханум вдруг стал умоляющим:

— Закир, сынок мой, ведь и у нас есть свои мечты! В твои годы мы с отцом уже шесть лет как были женаты! А ты о чем думаешь?

Закир вздрогнул и бросил взгляд на мать.

— Так вы что, женить меня собираетесь, что ли?

— Нет, просто Мехрибан чудесная девушка. Правда, не красавица и ростом маловата, но так обаятельна, так хороша своей чистотой! Сегодня она всех нас просто покорила, все были в восторге от нее!

Закир совершенно ошел. Ему казалось вполне естественным любить Мехрибан, ласкать ее, помогать ей, мило беседовать с ней на бульваре, слушать ее странные рассказы, но смотреть на нее как на свою невесту — это совершенно не укладывалось в его голове. Невеста в конце концов становится женой, а в отношении Мехрибан это казалось ему уже совсем несообразным. Ни разу за все время их знакомства

мысль о женитьбе на этой девушке не приходила ему в голову. «Интересно, как она сама смотрит на это? Может быть, ей такая перспектива нравится?» Когда она сказала ему, что гости подшучивают над ней, она покраснела и казалась очень смущенной, но не обиженной. Мехрибан-невеста, Мехрибан-жена, Мехрибан кормит ребенка, Мехрибан каждую ночь спит рядом с ним... По утрам, полуодетая, растрепанная, с опухшим лицом, ходит по комнате перед его глазами и голосом, уже потерявшим свою нежную вибрацию, говорит ему: «На обратном пути с работы купи мыла», или: «Картошка у нас вся», или что-нибудь подобное...

— Мехрибан прелестная девушка, но у нас с ней нет ничего общего! Ее простота и естественность мне тоже нравятся, но это вовсе не значит, что я должен всю свою жизнь посвящать ей. Ведь человек живет один раз! Я не хочу ее потом возненавидеть за то, что связал себя с ней. Ей и без того уже с детства обломали крылья, зачем причинять ей новую боль, наносить еще один удар?

Мать хорошо знала непреклонный характер сына. В его словах она уловила долю суровой правды, но все же спросила:

— Но зачем же тогда ты все это время продолжал встречаться с ней, зачем допустил, чтобы она полюбила тебя?

— Она полюбила меня задолго до нашей встречи; это звучит парадоксом, но это так.

— Бедная девочка! Чем же все это кончится?

— Не знаю...

— Ведь у нее никого нет! С кем ей поделиться своим горем, на чьей груди поплакать? — на глазах Сурейи-ханум навернулись слезы. — Ни отца, ни матери — никого! Понимаешь ли ты, что ты наделал, Закир. Понимаешь?

Закир сжал губы и поднялся.

— Пора покончить с этим.

Сурейя-ханум с болью и горечью смотрела на сына и качала головой.

— Как может человек дойти до такой жестокости! — она встала и вышла из комнаты. Не зайдя даже попрощаться с Мехрибан, она направилась прямо к себе в спальню, остановилась у открытого окна и заплакала.

Закир, открыв дверь в кабинет, остановился на пороге. Камиль рассказывал какую-то историю Мехрибан, а она смеялась. Заметив Закира, она перестала смеяться. Камиль повернулся к сыну.

— Что ты там стоишь, входи!

— Нет, папа, я боюсь, что уже поздно, а Мехрибан живет далеко...

Камиль хотел было сделать замечание сыну, что гостей нельзя выпроваживать, но подумал, что молодым людям, наверно, хочется остаться одним и не следует мешать им. Он обратился к Мехрибан:

— Надеюсь, что с вами скоро увидимся?

Мехрибан подняла глаза на Закира, но он сразу перевел разговор:

— Знаешь, папа, я сейчас встретил по дороге сюда директора издательства. Он велел передать тебе, что корректура первого тома твоей книги будет готова завтра.

Камиль как будто не слышал этих слов. Он снова спросил Мехрибан:

— Так когда же мы увидимся?

— Не знаю, право... Я ведь и учусь и работаю. —

Она снова бросила взгляд на Закира и вдруг с веселой решимостью прибавила: — Когда хотите! А теперь — спокойной ночи! — Она вышла в переднюю и заглянула в дверь гостиной.

— А где же Сурейя-ханум? Я хочу попрощаться с ней!

— Сурейя! — громко позвал Камиль. — Наша гостья уходит!

— У мамы сильно разболелась голова, — сухо заметил Закир.

Камиль почувствовал в его тоне что-то неладное, пристально посмотрел на сына и быстро вышел.

— Идем! — сказал Закир, беря Мехрибан за руку.

— А как же Сурейя-ханум? Ведь я с ней не попрощалась. Что с ней?

— Пустяки, сами разберутся. — Он отпер парадную дверь.

Не понимая толком, что, в сущности, происходит, Мехрибан бросила последний взгляд на дверь в гостиную и последовала за ним. Когда они спускались с лестницы, она еще раз спросила:

— Все-таки, что с Сурейя-ханум?

— Я же говорю, пустяки. Как говорится, спор между мужем и женой — что весенний дождь, — старался он усыпить ее подозрения.

Но Мехрибан даже не могла представить себе, что между этими людьми может возникнуть какой-нибудь разлад.

Они дошли до угла, и Закир хотел остановить машину, но Мехрибан торопливо схватила его за руку:

— Нет, лучше пойдем пешком! Мы уже столько дней не виделись.

Закир не сомневался, что если они пойдут пешком, то, конечно, возникнет разговор об их отношениях, о том, почему он не звонит ей и не назначает свиданий. Но рано или поздно такой разговор все равно неизбежен... Надо было покончить со всем этим, и чем скорее, тем лучше для обоих. И он согласился.

— Хорошо, идем!

Было уже за полночь.

На улицах изредка раздавались шаги запоздалых прохожих или пронеслась машина с зеленым фонариком. Город сверкал огнями.

Они миновали все лежачие на их пути площадки и скверы и начали медленно подниматься по Коммунистической улице. Мехрибан рассказала ему о своих делах, о том, как ей у них понравилось. Она говорила просто и непринужденно, даже весело, как будто все было по-прежнему и ничего не изменилось.

«Сейчас начнет... вот сейчас...» — всю дорогу напряженно ожидал Закир. Но Мехрибан говорила совсем о другом,

Вот, наконец, и ее дом... Как всегда, остановилась, не доходя до ворот шагов за десять. Помолчали. Мехрибан, словно вспомнив о чем-то, сказала:

— Ты знаешь, Закир, я сегодня у вас первый раз в жизни выпила вина... правда, всего один глоток — за здоровье твоей матери и отца. Они очень хорошие люди, такие добрые. Я завидую тебе, Закир! Если бы у меня были такие родители, наверно, и из меня что-нибудь вышло бы...

Закиру казалось, что она читает у него в душе, словно говорит ему: «Я знаю все, что ты обо мне думаешь!» И все это так спокойно, без слез, без упреков!

— Жизнь очень сложна... — муром и с усилием начал он.

Вдруг Мехрибан как-то весело и беззаботно взглянула на него, спросила:

— Помнишь, ты как-то сказал мне, что хотел бы перелистать всю мою жизнь? Ну как, уже перелистал?

Лицо Закира потемнело:

— Гм... Я, помнится, говорил еще, что конец этой книги оторван чьей-то безжалостной рукой.

Мехрибан со спокойной гордостью, откинув голову, возразила:

— Нет, Закир, настоящая моя жизнь только еще начинается. Ты невнимательно прочел эту книгу... ты ее совсем не знаешь!

И действительно, эту Мехрибан, которая стояла сейчас перед ним, он не знал. Это была не та слабая, робкая, безвольная девушка первых дней их знакомства. Правда, косы ее были все такие же короткие, негустые, сохранилась та же своеобразная улыбка, одной стороной губ, и мелкая дрожь ноздрей при вздохах. Но в ней чувствовалась теперь уверенность и твердость, и в мягком взгляде темных глаз проглядывали достоинство и сдержанность...

— Поверь, я хочу только твоего счастья, Мехрибан. — Закир смотрел ей прямо в глаза.

Мехрибан грустно улыбнулась. Нет, она знала, знала все. Почему же она не плакала, не умоляла,

не напоминала ему о прежних обещаниях, все его пыльные слова, — почему?

— Мы больше не встретимся, Закир? — все с той же улыбкой спросила она.

«Пора! — жестко сказал себе Закир. — Теперь уже не я, а она сама произнесла эти слова, она сама выносит себе приговор! Может быть, однако, это уловка, попытка смягчить меня своим благородством? Во всяком случае, я должен ответить. Если бы она спросила: мы завтра еще встретимся? — я ответил бы, что занят, никак не могу и так далее. Но ведь она не так спросила: она все понимает и тем не менее, с каким удивительным спокойствием и выдержкой, глядя мне в глаза, спрашивает: «Мы больше не увидимся?»

— Нет! — резко, чем хотел, сказал он. Он произнес это слово твердо, почти грубо, словно боялся, что голос его дрогнет и ответ прозвучит трусливо, виновато, недостаточно решительно. . .

. . . Мехрибан повернулась и пошла к воротам.

— Нет, погоди! — он бросился за ней и загородил дорогу. — Погоди, Мехрибан, так нельзя. . . так нельзя! Я должен подумать, я должен проверить себя! Я не понимаю, не понимаю. . . не могу понять! У меня в голове и в сердце сейчас все перепуталось! Дай мне срок, дай я побуду вдаль от тебя, проверю себя, испытаю. . . Если сам вернусь к тебе — значит, вернусь навсегда. Но, если не вернусь. . . если не вернусь, — его голос снова стал жестким, — значит, я все время обманывал и тебя и себя, значит, я не любил тебя!

«Все. . . конец!» — тяжело перевел дыхание Закир, но все-таки не мог сдвинуться с места. Сам не отдавая себе отчета, зачем он это делает, он позвал:

— Мехри. . .

Мехрибан не откликнулась. Ее неподвижные глаза были обращены вдаль — на мириады огней, осыпавших берег. Наконец, она отыскала среди них мигающие огоньки буев, которые тонкими иголочками то и дело пронизывали тихую воду там, вдаль, в море. . . Оба не произнесли больше ни слова. . .

«Тем лучше», — решил Закир. Он круто повернулся и пошел.

«Но ведь она меня любит. . . любит!.. Сейчас она опомнится, закричит, будет звать меня, побежит за мной, упадет в обморок! Странно, этого нет! Она не движется и молчит, молчит по-прежнему. Может быть, не любит? А может, ей просто нужна была крепкая опора на заводе на первое время?»

Спокойствие Мехрибан, с одной стороны, было облегчением для Закира, с другой — сильно отзывалось его самолюбие.

. . . Мехрибан так и не позвала, не побежала за ним, не раскричалась, не упала в обморок. . .

Закир уходил стремительными шагами все дальше, уже почти завернул за угол, и тут ему послышался позади слабый стон. У него был порыв — вернуться, но нет. . . Не вернулся. . . Только ускорил шаги. . .

«Всё!» — еще раз облегченно вздохнул он, поспешно уходя прочь.

Над заводами, над берегом, серпом врезающимся в море, повисло и колеблется мгlistое марево. Бесперывно гремят составы цистерн, увозя нефтепродукты, к пристани подходят тяжелые танкеры, доверху налитые нефтью, приветствуя заводы отрывистыми гудками; мерно, однообразно дышат великаны-трубчатки. . . Пафосом труда дышит вся эта величественная и грандиозная картина. . .

Мехрибан казалось теперь, что она с детства живет тут, что выросла на этом заводе. Сама она была в сравнении с заводом не больше песчинки, затерявшейся среди гор, но ее слабый голосок, беспрестанно твердивший в микрофон: «Третий. . . третий. . .», ее любовно сокращенное имя «Мехри» стали уже неотъемлемой частью этого вечно деятельного, бессонного мира с его лесом труб и башнями установок, серебряными резервуарами и нефтеналивными эстакадами. Ежедневно и ежечасно в своей маленькой

коммутаторной она ощущала биение пульса огромного завода, зримо видела его весь перед собой, и завод знал ее и других девушек-телефонисток. Все уже знали имя и слышали голос Мехрибан: в суровой и прекрасной трудовой жизни завода она завоевала себе достойное место. Был и у нее свой собственный мир, свои радости... было и горе... Горе?

Закир не вернулся к ней. Он ни разу не позвонил с тех пор. Даже больше: когда ему надо было позвонить по внутреннему телефону, он, услышав голос Мехрибан, делал вид, что не узнает ее. Сухим, официальным тоном он просил лабораторию или установку. А иногда, услышав слово «третий», просто вешал трубку. Тогда Мехрибан сейчас же соединялась с ним и просто, по-деловому спрашивала: «Кого тебе нужно, Закир?» И, конечно, уже не имело смысла отрицать, что звонил он. Конечно, чаще всего ему был нужен сметно-проектный отдел, и вся беда заключалась в том, что позвонить туда можно было только через посредство Мехрибан или ее подруг. Обычно он звонил до тех пор, пока не попадал на другую телефонистку, и тогда называл номер. Мехрибан угадывала его тактику — она хорошо видела, что делается на соседних щитах, как Джамиля и Симузар по нескольку раз в день соединяют начальника четвертого цеха со сметно-проектным отделом.

Закир нервничал. Выводило его из себя то, что Мехрибан говорила с ним по телефону так просто, почти дружески, как будто между ними ничего не произошло. Ему начинало казаться, что он переносит разрыв тяжелее, чем она.

«Может быть, она рассчитывает, что я все-таки вернусь к ней? Неужели она не понимает, что это невозможно, что этого никогда не будет, — размышлял он. — С другой стороны, она так впечатлительна — любой пустяк, бывало, мог взволновать ее до слез... как часто ощущал я эти слезы на своих губах! Чем же объяснить, что она так спокойно отнеслась к нашему разрыву? В чем секрет этого самообладания?»

Чем больше он думал об этом, тем больше изменялось то его отношение к Мехрибан, которое установилось перед их последним свиданием. Происходило это как-то незаметно для него самого, почти неуволимо, но перемена постепенно совершалась. Порвав с Мехрибан, освободившись от всех внутренних обязательств перед этой девушкой, он почувствовал, что освободился и от необходимости лгать самому себе и ей. Теперь он мог не лгать и Зарангис, но ничего нового это не принесло; их отношения не стали лучше и чище. Правда, кончилась напряженность, исчезла и досада на Мехрибан за то, что она мешала, но облегчения не было, осталась только огромная пустота в душе. Мехрибан отошла, и Закир остался лицом к лицу с Зарангис.

Встречаясь с Зарангис, Закир все чаще вместо радости испытывал нечто, похожее на страх. Эта женщина сумела поставить себя с Закиром так, что он постоянно чувствовал себя ее должником. Было странно видеть энергичного, волевого Закира в такой роли. Если бы Зарангис попыталась подчинить его сразу, с первых же дней их близости, Закир немедленно взбунтовался бы. Но Зарангис была опытна. Она вела свою линию так расчетливо и тонко и, как казалось Закиру, красиво, что он смотрел на ее постоянное стремление командовать, как на забавную игру, и проглядел момент, когда игра перестала быть игрой и он оказался в плену. Зарангис отвлекала его от всего, что занимало раньше его жизнь, и постепенно гасила интерес ко всему, что не имело отношения к ней: к работе в цехе, к делам строительства новой установки, к дому. Он сознавал это, и постепенно в нем нарастал глухой протест. Он становился с Зарангис все более настороженным...

За это время произошли некоторые перемены и у девушек в коммутаторной. Валида взяла отпуск и уехала с Ибадом путешествовать. Ее мать упорно не разрешала ехать, и пришлось сначала сходить в загс, так что путешествие вышло свадебным. Лейла ушла в декретный отпуск; Джамиля уехала в Москву держать экзамены в Литературный институт: В смене

с Мехрибан теперь работали три новенькие девушки, так что основная нагрузка в работе легла на старый состав телефонисток: Мехрибан, Махбуба, Симузар и Назилу.

Однажды Симузар, подозвав Мехрибан, сказала:

— Мехри, помнишь, ты отдавала в сметный отдел вычертить схему? Что с ней?

Мехрибан закусила губу и тихо ответила:

— Не знаю... Теперь, наверное, готова...

— Ну так сходи и принеси ее. Надо обучить по ней наших новеньких.

— Хорошо, после работы я попрошу кого-нибудь из девушек сходить за ней...

Но после окончания смены Махбуба встала со своего места, отозвала Мехрибан в дальний уголок коридора и взволнованно сказала:

— Мехри, я привыкла уже, что ты все от нас скрываешь — и радости свои и горе... все. Я сначала не хотела вмешиваться в твои дела, но теперь уж, как говорится, нож приставлен к горлу. Мехри, его отбивают у тебя!

— Не понимаю, о чем говоришь ты! — Мехрибан с досадой отвернулась и хотела идти. Но Махбуба решительно повернула ее за плечи:

— Хватит, Мехри! — чуть не выкрикнула она. — Нечего играть в прятки, это может кончиться очень плохо для тебя! Я сама видела их на приморском бульваре, на скамейке под ивой, видела, как они обнимались, и это было не один раз. А в последнее время они каждый вечер встречаются там!

Мехрибан встретила это известие с нарочитым удивлением:

— Какая скамья? Какая ива? Кого ты видела?

— Закира с той чертежницей из сметно-проектного отдела.

— А какое это имеет отношение ко мне?

— Стыдно, Мехри! — с обидой и гневом воскликнула Махбуба, и лицо ее все вспыхнуло. — Я думала, что мы все-таки друзья! Свою радость ты мне не доверила, так доверь хоть горе! Ведь на этой самой скамейке не так давно я видела тебя с ним. А сейчас,

вот только что, она позвонила ему и позвала к себе в отдел!

«Значит, нас все-таки видели вместе! Махбуба знает все!» — мелькнуло в голове Мехрибан.

Она прерывисто вздохнула и вдруг стремительно бросилась бежать по коридору, к выходу...

...Когда Закир отворил дверь сметно-проектного отдела, Зарангис только что отошла от чертежной доски и, раскинув руки, сладко, по-кошачьи потягивалась, изгибаясь всем телом. Увидев Закира, она с улыбкой протянула ему руку, но, заметив, что он хмур, удивленно спросила:

— Что с тобой?

— А что? — холодно переспросил он.

Она натянуто рассмеялась:

— У тебя такой вид, точно ты украл что-то!

— Может быть, наоборот.

— То есть, как? Тебя обокрали?

Закир не ответил. Он молча прошелся по комнате и вдруг резко остановился перед Зарангис.

— Вот что, Зарангис! Тебе лучше уйти с нашего завода.

Она насторожилась, но заставила себя усмехнуться.

— Уйти? А как же мои чертежи?

— Это может делать любая другая чертежница. Ты же знаешь, не в этом дело.

Она так тряхнула головой, что все ее кудри подпрыгнули.

— У тебя что — новая любовь? — зло сказала она.

Закир молчал, точно не слышал. Взгляд его был устремлен мимо ее лица.

— А может быть, старая, а? — и вдруг она захохотала. — Знаешь, Закир, я не завидую твоей будущей жене!

— Почему же?

— Потому что, если она не будет каждый день делать каких-нибудь замечательных открытий, ты перестанешь спать с ней!

— Никто не требует, чтобы ты делала открытия. Но если бы ты, например, по-настоящему любила

свою работу, вкладывала в нее душу, было бы лучше для тебя самой.

— Еще чего не хватало! Я всегда смогу хорошо устроиться и без вкладывания души. Меня и так все замечают. Пусть уроды и чучела заботятся о том, чтобы на них обращали внимание!

— Нечего сказать, философия! — поморщился Закир. — Какое убожество!

Зарангис сразу подобралась и напряглась, как кошка, готовая прыгнуть. В глазах блеснул недобрый огонек.

— Это я-то убожество? Забыл уже, как обивал порог вот этой комнаты? Как обхаживал меня? Забыл, как жил и дышал только мной?!

Глаза ее сверкали, локоны и серьги плясали какой-то дикий танец вокруг пылающего и пронзительно-красивого злого лица.

Она дошла до крика: ее могли услышать, могли войти... Этого Закир боялся больше всего.

— Да пойми же, — пытался он успокоить ее: — пойми же, Мехри... — вырвалось неожиданно у него. Глаза Зарангис злобно сузились.

— Ах, вот что! Так вот почему ты хочешь, чтобы я ушла с завода? Чтобы ей было больше простора! Теперь-то я понимаю, что творится с тобой в последнее время!

— Зара, что за глупости...

— Нет, я понимаю! Что на сердце, то и на языке! Теперь мне все понятно!

— Уверю тебя, я даже и во сне ее не вижу!

Она кинулась к нему, вцепилась обеими руками в плечи и выкрикивала, задыхаясь:

— А это правда? Правда? Посмотри мне в глаза! Поклонись своей материю, что ты случайно назвал ее имя!

— Клянусь!

Она удовлетворенно вздохнула и уронила голову к нему на грудь. В эту минуту раздался легкий стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, в комнату стремительно вошла Мехрибан. Закир и Зарангис отскочили друг от друга.

— Здравствуйте, — раздался дрожащий голос.

Закир не ответил. Он испытывал унижительное чувство. Зарангис, наоборот, злорадствовала. Не отвечая на приветствие Мехрибан, она спросила издевательски-небрежным тоном:

— Каким это ветром занесло тебя сюда?

— Симузар просит дать ей тот чертеж... мою схему.

Зарангис подошла к стеллажам вдоль стены и, порывшись на полках, нашла чертеж. Протянула его Мехрибан.

— На, возьми. Только, когда будешь выходить, пожалуйста, поосторожнее с дверью, чтобы стекла не вылетели, — уколола она.

Мехрибан, промолчав, обернулась к Закиру.

— Прости, что помешала, Закир! — произнесла она чуть слышно.

... Когда Мехрибан вышла, Зарангис сама закрыла за ней дверь, потом прислонилась к ней спиной и осталась стоять так, соединив сзади руки и положив их на дверную ручку.

— Значит, это правда, что с ней у тебя все кончено? — снова спросила она.

— Так же, как и с тобой... — жестко ответил он.

Зарангис сразу обмякла, словно у нее подогнулись колени. Она оторвалась от двери и направилась было неуверенными шагами к Закиру, но он остановил ее. Выставил вперед руку, словно защищаясь, тем же чужим, жестким голосом он повторил:

— Ты должна уйти с завода.

— А если я не уйду?

— Тогда я добыю, чтобы тебя уволили. Для этого есть достаточно оснований — у тебя часто бывают небрежности в чертежах и даже грубые ошибки. Лучше сама подай заявление.

Она пошатнулась, села на свой табурет и вдруг с воплем уронила голову на стол и зарыдала. Плечи ее содрогались, волосы пыльным ворохом рассыпались по чертежу. Всхлипывая и заикаясь, она пробормотала:

— Будь проклят тот день, когда я пришла на этот завод! Будь проклят день, когда я увидела тебя! Ты никогда не любил меня!

Закир, который уже сделал шаг к двери, обернулся:

— Так же, как и ты меня...

Он не хлопнул дверью, уходя, но закрыл ее очень плотно.

...Закир шагал по заводскому двору, особенно твердо пристукивая подошвами, словно желая раздавить асфальт, землю — все, что было у него под ногами. Губы его были крепко сжаты. Казалось, он только что сбросил с себя тяжкий груз, но легче не стало — сердце сжималось и ныло, словно надорванное. Что это было? Жалость к той, что плакала из-за него там, в чертешной? Нет, ни слезы ее, ни улыбки больше не трогали его, наоборот, вызывали в нем раздражение. Что же это было?

Он знал, что это такое. И при воспоминании об этих минутах он внутренне корчился. Никогда еще в жизни не был он так противен самому себе. Вот оно — робкий стук в дверь, она входит; он, как вор, отскакивает от Зарангис, пытается принять неприужденную позу; вот ее светлый прямой взгляд, печальный, как всегда, — нет, больше, чем всегда! И эта бледная тень прежней улыбки, чуть тронувшая одну сторону маленького свежего рта! И тихие слова: «Прости, что помешала тебе...» А он так и не посмел взглянуть ей прямо в глаза... Почему? Разве он не сказал ей, что все кончено? И ему вспомнилось так ясно, словно это было вчера, все, что он говорил во время их последнего свидания: что ему надо еще подумать, проверить себя, может быть, он все же любит ее и вернется. Сколько было в нем тогда достоинства, сознания, что он поступает правильно! И что же? Вот что оказалось в действительности? Трусливый прыжок в сторону, ложь и позор! Оказывается, думать было не о чем, проверять тоже нечего — он ничего не выбирал, а просто плыл по течению, беспомощно барахтался в сетях этой женщины, тянулся к ней. И он знал, что Мехрибан сразу поняла все это,

как только вошла и увидела... А, черт! Может быть, так даже и лучше! По крайней мере, у нее теперь не осталось никакой надежды!

Закир рубил сплеча, рвал все, сам не понимая, за что и на кого он так озлоблен. Неразбериха в душе была так непривычна для него, так мучила, что ему казалось единственным выходом разорвать все сразу, ничего не разбирая и не распутывая. Он был измучен внутренним разладом и ему хотелось только одного: избавиться от обеих женщин, не думать о них.

Случайно подняв глаза, он заметил в небе дым — зловещий признак ненормальной работы печей. Его душевное смятение и досада нашли выход. Торопясь, чтобы не расплескать свой гнев, он побежал к операторской и с силой толкнул дверь... Кто-то тонко взвизгнул и отпрянул от двери. Закир шальным взглядом окинул маленькую, совсем юную девушку в синем комбинезоне, которая, сморщившись от боли, прыгала на одной ноге, подхватив рукой другую, придавленную дверью. Это была практикантка, выглядела она совсем несчастной, точно птичка, подшибленная камнем. Но в эту минуту жалость не могла тронуть сердце Закира.

— Бегаете тут!... — сердито пробурчал он. — Надо на месте быть в рабочее время!

...Закир опять окунулся в заводские дела, но чувство шеемщего беспокойства не покидало его. Так бывает перед грозой: низкие, тяжелые тучи уже нависли над головой, душный пыльный воздух теснит грудь, в отдалении угрожающе ворчит гром, а долгожданный ливень, после которого все вокруг станет свежим и ясным, а небо чистым и глубоким, — этот ливень никак не может пролиться. В таком напряженном, предгрозовом состоянии томился Закир до того самого дня, когда на заводе отмечался юбилей двух стариков — Хакима Дадаша и Имамверди.

Чествование ветеранов было связано с их пятидесятилетней работой на заводе. Правда, юбилейные даты стариков не совсем точно совпадали — один уже

значительно перешагнул этот срок, другому не хватало до него двух месяцев, но это не могло иметь большого значения для друзей, которые привыкли за свою долгую жизнь всегда быть вместе — и в радости и в горе. Так что юбилей устроили объединенный в заводском клубе.

На сцену непрерывным потоком текли подарки. Маленькие предметы появлялись на столе перед юбилярами как-то незаметно, зато крупные вещи — букеты и корзины цветов, вазы, портфели, красивые папки с адресами — так и плыли над головами сидящих и стоящих в проходах людей, пока не достигали пристани — стола президиума. Наконец подарки так загромодили стол, что не стало видно сидящих в президиуме, а когда внесли огромную китайскую вазу, то за ней скрылись и лица самих юбиляров. Тогда стали сгружать подарки на пол, у рампы. Так как эти подарки делались вскладчину, а во многих отделах и цехах работало большое количество людей, то некоторые подарки были очень дорогими. Особенное внимание стариков привлекла бронзовая скульптура, изображавшая Чапаева на коне. Вообще большая часть подаренных статуэток, картин и книг была на темы о гражданской войне — символическая дань уважения славному революционному прошлому юбиляров.

Приступили к чтению поздравительных телеграмм. Их пришло много, целая пачка. Были телеграммы и от нефтяников Грозного, и от рабочих Донбасса, и из Москвы. Их прислали и люди, никогда не видевшие Хакима Дадаша и Имамверди, и люди, прошедшие трудовую школу под их заботливым руководством, — их ученики, ставшие теперь мастерами, инженерами, учеными. Это была молодая, свежая поросль от их корня. Глубоко ушли в землю старые корни, никому они не видны, мало кто знает о простых, скромных стариках, так и оставшихся простыми мастерами на своем заводе. Но если б не они, не зеленили бы так пышно молодые побеги, не зацвели бы широко по всей стране...

Но самым дорогим подарком для стариков оказалось подношение учеников младших классов подшефного ремесленного училища. Ребята искусно смастерили модель старой третьей установки. Ее вручила маленькая девушка, совсем девочка, со смешными косичками. Старики совсем растрогались и поочередно целовали зардевшуюся девушку.

Закир поднялся на сцену последним. Из-за испорченного микрофона он не стал выступать с трибуны. Он поставил на стол подарки от своего цеха — два одинаковых письменных прибора с мраморными львами и, пожимая старикам руки, поздравил и пожелал, как все, здоровья и долгой жизни.

Усы Имамверди шевельнулись в ехидной улыбке.

— Да уже постарайтесь дотянуть до тех пор, когда начнет работать твоя новая установка, — ответил он.

— Этого недолго ждать, — улыбнулся Закир.

— Кто знает! — проскрипел голос Хакима Дадаша. — Говорят, последнее время ты что-то забросил ее... А нас торопил...

— Люди всегда что-нибудь говорят! — досадливо бросил Закир. Пока они перебрасывались этими словами, он машинально продолжал держать в своих руках руки стариков, так что зрителям казалось, что между ними продолжается обмен поздравлениями и благодарностями.

— Неужели вы до сих пор сердитесь на меня за старую установку?

— Не за установку — за нас самих, — перебил его Имамверди.

— Громче! Громче! — неслось тем временем из зала. — Ничего не слышно!

— Может быть, вы скажете об этом громче? — вызывающе обратился Закир к старикам.

— Что ж, можно сказать и громче. Как раз нам пора уже и выступить, ответить на приветствия товарищей... — Имамверди повернулся к другу: — Кто из нас будет говорить, я или ты?

— С моим-то голосом? — проскрипел Хаким Дадаш. — Говори уж ты...

Имамверди молодецество одернул рубашку и пояссок с серебряным набором, пригладил усы, расправил плечи и взошел на трибуну. Зал встретил его появление бурными аплодисментами, а невидимый оркестр неожиданно сыграл туш—это был тоже сюрприз. Закир, тоже аплодируя и пятясь спиной к залу, сошел со сцены и сел в первом ряду. Он ни минуты не сомневался, что его пикировка со стариками, которую он считал почти шуточной, никак не отразится в их выступлении, тем более что на праздничных вечерах не принято говорить о неприятных вещах. Этот разговор можно было продолжить потом, в другой обстановке. И поэтому его больно кольнуло, когда в полной тишине до его сознания дошли слова Имамверди, произнесенные негромко, но внятно:

— ...Так что, с разрешения товарища Джалалова, я хочу сказать: пусть каждый из вас помнит— надо прежде всего любить и уважать каждого работника, видеть в нем человека. Нельзя, пользуясь данной тебе властью, унижать людей. Вот мы с Хакимом Дадашем, кто мы такие? Простые рабочие, ничего особенного не сделали, только трудились честно пятьдесят лет на нашем заводе, и все. У нас никогда и мысли не было, что за это нас будут так чествовать и наговарят про нас больше, чем мы сами можем сказать (смех в зале). Тут вот только что кричали, чтобы мы рассказали погромче, о чем говорили с товарищем Джалаловым; он и сам не против этого, не так ли, товарищ Джалалов?— Он поискал глазами в первых рядах Закира и, не найдя, продолжал:

— Конечно, на празднике не полагается говорить о таких вещах, но я думаю, что это будет полезно для нашей молодежи, которая только еще начинает жить и перед которой лежит такая большая дорога. Все вы знаете историю о том, как была снесена старая установка и зачем это понадобилось. Нам, старым работникам, которые проработали на ней больше чем полжизни и состарились вместе с ней, было тяжело, когда установку ломали. Джалалов, конечно, прав,

он задумал большое, нужное дело и имел право убрать нашу установку. Но не людей, не нас! А он поступил с нами жестоко, бездушно. Вы послушали бы, как он разговаривал с нами, так, словно он нас и за людей не считает! А теперь нас вот как чествуют, чуть ли не вся страна поздравляет! Мы все ждали, что он после того дня одумается, извинится— нет, и не подумал! А нам, товарищи, так больно было смотреть на эти падавшие стены. И все это видели, понимали, и всем было тяжело подойти к нам, точно к родственникам покойника. А Джалалов не подошел к нам по другой причине— ему было все равно, что у нас на душе, его это не беспокоило. Он раз десять прошел тогда по двору мимо нас, но никакого внимания не обратил. Нельзя так топтать людей, товарищ Джалалов! Ты еще молодой, откуда у тебя это холодное сердце, это равнодушие к людям, надо прямо сказать, жестокость!

Закир не выдержал. Он был взбешен и не мог удержаться. Стараясь придать своим словам шуточный тон, он крикнул с места:

— Что же мне, за руки вас надо было увести оттуда?

— Возможно... — невозмутимо ответил Имамверди. — Ведь нашелся же человек, который так и сделал: спасибо ему! То есть, надо сказать— ей, потому что это была девушка. Вы знаете ее, она у нас телефонисткой работает. Такая маленькая, тоненькая, с косичками. И ничего особенного в ней нет, такая же, как все. А как она тогда согрела своим отношением! И, правда, взяла обоих за руки и увела! За руки, товарищ Джалалов, за руки! Спасибо ей! И вот я уверен, что такой человек за свою жизнь еще от многих людей услышит такое же горячее спасибо, как вот сейчас от нас. За свое человеческое отношение к людям, за большое, доброе сердце. И через много лет, я уверен, она тоже придет сюда, в этот зал, уже с седойной в волосах и ее тоже будут чествовать, как нас, а, может быть, и еще больше!

Зал зашумел, точно морской прибой, зааплодировал, закричал, покотился живой волной к эстраде,

замелькали в воздухе платки и шалки, полетели цветы. Телефонистки окружили Мехрибан, взволнованно крича: «Это же он про тебя, про тебя рассказал, Мехрибан!» Махбуба и Назила подхватили Мехрибан под руки и с общей, весело бурлящей волной людей их вынесло из зала. Здесь, в тесноте и гаме, их наши телефонистки другой смены и все, весело теснясь у зеркал, начали поправлять свои прически и платья. Мехрибан смутно слышала и несно видела окружающее. Она не заметила, как ее оттерли от подруг, как толпа в фойе схлынула, как зазвенели звонки, возвещавшие начало концерта, — раз, другой, третий. Фойе опустело. Мехрибан заторопилась, тоже поправила волосы перед зеркалом и уже хотела идти, как вдруг что-то словно стало поперек дороги. Из глубины зеркала, повернувшись к ней вполоборота, пристально смотрел на нее Закир...

«Отвести глаза! Не смотреть! Не смотреть!» — но этого она сделать не могла. «Обернуться! Просто подойти к нему!» — нет, этого она тоже не могла. «Но ведь отражение в зеркале — это не он сам, на отражение я могу смотреть!»

Зеркало, неуловимое зеркало, открывающее тайны, которые люди иногда хотели бы не знать! Зеркало первым сообщает девочке, что она уже стала девушкой, зеркало показывает первую седину и первую морщинку. Зеркало открыло одну тайну и Мехрибан: Закир, сильный, красивый и властный Закир, когда-то друг в ее мечтах, отраженный в зеркале, был совсем другим. Это был не тот человек. Он словно поблек, измелнчал. Он стал обычным, будничным. Его можно было отчитать со сцены, сказать в глаза горькую правду, и он за это мог рассердиться, но не оправдаться.

А Закиру зеркало открыло другую тайну. На другой стене, позади Мехрибан, тоже было зеркало, и отражение девушки бесконечно повторялось, уходя все дальше и дальше в эту кристальную глубину. Закир видел множество Мехрибан, и ему на мгновение представилось, что их и в самом деле много и все они — живые, настоящие девушки. Ему вспомнилось, как

сказал о ней Имамверди: «Такая же, как все, похожа на других». И ему почудилось, что он обидел ее не одну, а всех этих девушек, похожих одна на другую, которые выстроились в бесконечную шеренгу впереди и позади него... В ушах его вдруг прозвенел тоненький крик боли... Кто это крикнул? Ах, это та маленькая практикантка, которой он давеча отдал дверь ногою... Ей тоже было больно. А вот этой, которая стоит самой первой в зеркале, он исковеркал мечту. «Нельзя топтать людей...» Но он же не топтал; он просто шел по жизни своей дорогой! И в нем закипал бурный протест, желание смести, отбросить все, что мешало ему жить так, как он хотел! Разве он не имеет права на это?

И вдруг все девушки в зеркалах качнулись, заколыхались и пропали. Мехрибан отошла от зеркала и направилась было в зал, но на мгновение задержалась...

Закир подошел к ней.

Несколько секунд оба не могли произнести ни слова. Наконец Закир сказал сдавленным голосом:

— Это про тебя он говорил?

Мехрибан, слегка откинув голову, смотрела ему прямо в лицо ясным, прямым взглядом.

— Я никак не думала, что он станет про это рассказывать. Он не должен был этого делать. Тем более, говорить о тебе...

— Нет, по-моему, должен был. На это есть много причин. И первая из них и самая главная — это ты и наши прежние отношения...

— При чем здесь это? — холодно возразила она, и он почувствовал, что коснулся запретной темы. Но он не склонен был сейчас шадить ее.

— При том, что ваша начальница Симузар — дочь Хакима Дадаша.

— Но причем здесь Симузар?

— Да ведь это благодаря ей мы с тобой познакомились. Она явилась ко мне в тот день, когда я нарочил на тебя, и настояла, чтобы я перед тобой извинился. С этого все и началось...

— Симузар? Никогда не думала...

— Да, она! И она же, наверное, рассказала своему отцу о том, что мы с тобой встречаемся. Теперь ты понимаешь, что ты...

— Мешаю тебе?

— Да, мешаешь! — жестко отрезал он. — Меня постоянно тобой укоряют, из-за тебя ко мне стали хуже относиться на заводе.

Мехрибан задумчиво и просветленно взглянула на него, и губы ее чуть покривились в улыбке; ей пришлось в голову неприятное сравнение:

— Знаешь, ты сейчас напомнил мне моего отца. Он тоже всегда считал, что я ему мешаю. Я думала, что здесь, на заводе, я смогу принести наконец пользу, но, оказывается, тоже помешала...

Она хотела как будто пойти в зрительный зал, но вдруг резко повернула и направилась к входной двери. Он успел заметить, что на ней было то же самое платье, что в день их первого свидания. Взгляд его невольно остановился на ее плече. И там, где когда-то было заштопанное место, которого в тот вечер грубо коснулась его рука и разорвала легкий шелк, — там виднелся еле заметный, неровный шов, словно рубец от раны...

Дверь захлопнулась. Закир вздрогнул.

Мехрибан вышла из клуба. Привычный шум и гул, шипение пара и стук колес по рельсам, жизнь заводской улицы, населенной машинами, не задевали сознания Мехрибан. Она так глубоко ушла в себя, что ничего не слышала. Шла она, держась ближе к стенам корпусов. Улица привела ее на ярко освещенную площадь к красному с колоннами зданию зимнего плавательного бассейна. Бензоколонки в центре площади и черная паутина нефтеналивных эстакад справа как-то особенно резали глаза, и она подумала, что здесь и она сама слишком заметна, повернулась и начала спускаться в сторону моря. Шла медленно, слабо теребя край носового платочка, обшитого кружевом. Переулок, по которому она шла, не был проезжим. Это была узкая щель между высокими каменными стенами. Скоро путь ей преградила толстая труба, уходящая под стену. Мехрибан

знала, что эта труба идет до самой набережной и по ней накачивают морскую воду для конденсаторов. Она взобралась на эту трубу и пошла по ней, машинально стараясь сохранить равновесие.

«Куда это я иду?» — спрашивала она себя, глядя на огоньки причалов, казавшиеся таким близкими, и на лунный блеск, дробившийся на поверхности моря. Тогда тоже так вот блестела и переливалась лунная дорожка за парашетом набережной и так же мигали огоньки... Совсем близко, у самого ее уха раздался еле слышный горячий шепот: «Я люблю тебя, Мехрибан, люблю!» Какая ложь!

...Вдруг послышались легкие торопливые шаги позади, словно кто-то старался догнать Мехрибан. Она оглянулась и, покачнувшись, чуть не упала, удержавшись рукой за стену. Ей просто почудилось, наверное, это ветер. Кому идти за ней, кто станет догонять ее? Неужели Закир? Но с чем он придет к ней теперь? Не с чем ему прийти.

Она снова пошла вперед по трубе, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы удержаться на ее выгнутой поверхности. Нет, никто не шел за ней следом. Сначала это слегка разочаровало ее, но тут же она почувствовала облегчение. Так лучше — одной. Было бы невыносимо увидеть его сейчас.

«Так что же делать, что же делать?» — повторяла она про себя, не вкладывая в эти слова никакой мысли, продолжая идти по трубе и инстинктивно сохраняя равновесие. «Уйти с завода? Уйти, потому что я ему мешаю? И еще потому, что так будет легче забыть все... забыть, забыть!»

Началось с того, что он накричал на нее по телефону, грозил выгнать с завода... и кончилось почти тем же, — он сказал: «Ты мне мешаешь!» Круг замкнулся. А сколько было прекрасного, когда они вместе шли по этому кругу — любовь, мечты, смелые надежды и восторженные слезы! Но начало и конец сплелись в один узел, и Закир безжалостно стянул его!

Ни разу не поскользнувшись, она прошла весь длинный путь до набережной по этой неудобной гор-

батой дорожке-трубе и сама удивилась тому, как легко дошла. Может быть, оттого, что рядом все время была надежная опора — стена завода?

Труба не кончалась на берегу, а уходила в море; казалось, что она еще далеко тянется под водой, туда, где тянулась сверкающая полоса лунного блеска.

Мехрибан легко и осторожно спрыгнула с трубы, и ноги ее утонули в мягком песке. Она присела на трубу, оглянулась вокруг — никого! У самого берега черной изгородью торчали из воды сломанные колья — остатки старой разрушенной пристани. Где-то неподалеку раздался басистый отрывистый гудок танкера; послышались голоса и лязг якорной цепи.

«Зачем я сюда пришла? Но нельзя же было оставаться там. Как тяжело, как ужасно! Неужели так будет всегда? И куда же теперь мне идти?»

И Мехрибан представилась ее большая пустынная комната, где по ночам всегда кто-то вздыхал. Не хотелось ей идти в этот дом, который стал таким чужим и неудобным после смерти бабушки. А может быть, там больше не слышно тех странных вздохов по ночам? Может быть, эти звуки, пугавшие ее, были сродни постоянному голосу друга ее мечты, который говорил с ней, когда она оставалась одна? И она поняла, что эти полудетские страхи и радости тоже умерли теперь навсегда.. Мехрибан казалось, что за этот вечер она сразу повзрослела на много лет, и на многое, что еще вчера казалось ей дороже всего на свете, она смотрела теперь со снисходительной и горькой усмешкой.

Ведь пока шли один за другим ее трудовые дни и волнующие, радостные вечера у моря с Закиром, пока она копила жизненный опыт, привыкала к своему телефонному щиту и к людям, окружавшим ее на заводе, пока осваивалась с превращением своей мечты в действительность и сама постепенно менялась, воображаемый друг оставался таким же, каким она придумала его в тринадцать лет. Он по-прежнему говорил ей все те же слова, когда никого рядом не было. Теперь эти слова уже не утешали ее. Она

стала вдруг взрослой девушкой и вышла из-под опеки своей мечты. Она выросла из нее, как вырастают девочки из старых платьев, которые они носили долго и любовно, но которые теперь заставляют их испытывать стыд, потому что уже не закрывают даже колен. Но старое платье легко выбросить и заменить новым, а мечту?

Жизнь сурова. Она заставила Мехрибан и Закира работать вместе, на одном заводе, где им придется чуть ли не ежедневно встречаться и где Мехрибан по несколько раз в день будет слышать его голос в наушниках. Правда, она могла бы уйти с завода и поступить на другую работу. Нет, этого она не может! Здесь она впервые научилась работать, почувствовала себя полезной людям; здесь она прошла через многие трудности, но зато и достигла многого. На заводе ее любят и ценят. Она вспомнила, как тепло говорил о ней сегодня Имамверди, отношение к себе обоих стариков, почтительную любовь новых девушек, которых она обучала.. Зачем ей уходить отсюда? Разве она боится Закира? Нет, но осталась боль.

А боль могут чувствовать и сильные люди..

И с этой болью в груди, как будто эта боль подхлестывала ее, она порывисто спрыгнула на трубу и легко побежала по ней. Опять ни разу не потеряв равновесия, она добежала до конца трубы и спрыгнула в узком переулке. Пробежала его, пересекла улицу, вошла в главный корпус и по коридору вихрем ворвалась в коммутаторную. Она была в необычном возбуждении, и голос ее напряженно звенел и вибрировал, когда она крикнула:

— Все на праздник, девушки! Бросайте работу!

В коммутаторной работало только полсмены — остальные были отпущены на торжественный вечер. Девушки в наушниках с удивлением повернулись в сторону Мехрибан.

— Ступайте скорее, я заменяю вас, — добавила она уже спокойнее, снимая наушники с девушки, которая сидела на ее месте,

— Мехрибан, вы же не в нашей смене, — возразила девушка.

— Подумаешь! Это все мелочи! Идите, идите скорее все на вечер, там так весело! Такого торжества еще не было ни разу на заводе.

И видя, что они все еще не могут решиться, уже повелительно добавила:

— Сейчас же все идите! Я останусь здесь!

Девушки дружно поднялись, оживились, начали прихорашиваться.

— А мы не одеты, все в простых платьях, — с сожалением говорили они, оглядывая себя.

Мехрибан снисходительно, как старшая, оглядела их и улыбнулась своей несимметричной грустной улыбкой.

— Честное слово, не это главное в жизни, девушки...

С некоторых пор Мехрибан считалась здесь второй старшей после Симузар. Весело щебеча, девушки выпорхнули из коммутаторной.

Мехрибан осталась одна. Она надела наушники и стала отвечать на редкие вызовы.

Снова ее охватило успокоительное чувство своей нужности, необходимости. Оно особенно обострилось от сознания, что она сейчас одна в коммутаторной и держит в своих руках всю связь завода. Вызовы участились, и это радовало ее, потому что не оставалось времени думать и притуплялась боль.

Уйти отсюда? Оборвать все эти нити, кровно связывающие ее с заводом? Никогда! Здесь вся ее жизнь.

Как моряку трудно представить свою жизнь без моря, летчику — без поднебесья, а водителю машины — без плавно бегущей навстречу дороги, так и Мехрибан не могла представить теперь своей жизни без завода. Он был ее дорогой, ее дальним плаваньем, ее полетом...

...Праздник отшумел, но работа на заводе не затихала. Девушки, счастливые и благодарные, позволили Мехрибан и поочередно, вырывая друг у друга трубку, наперебой рассказывали ей, как замечательно

было на вечере, как они повеселились, и предлагали прийти сменить ее. Но она посоветовала им идти спать.

— А как же вы, Мехрибан? — спрашивали они.

— Мне очень хорошо. Я не устала. Ну, идите по домам, девочки! Спокойной ночи!..

...Был уже час ночи. Полная смена работала, огоньки на щитах то и дело вспыхивали, но вызовы из города, как и всегда по ночам, прекратились.

И вдруг раздался низкий гудок — городская линия! Длинный гудок... один... другой...

— Третий! — настороженно отозвалась Мехрибан.

— Мехрибан!!! — отчаянно вскрикнул голос.

Мехрибан вздрогнула. Она сама поразилась тому сдержанному и спокойному тону, которым ответила:

— Да?

Он не сразу заговорил, видимо, не мог найти слов от волнения. Потом стал отрывисто, сбивчиво объяснять, что он ее всюду искал, бегал по всему городу, боялся, не случилось ли с ней чего-нибудь. Он говорил много, повторяясь, как говорят люди, которые были на волосок от большой беды и только чудом избежали ее. Наконец, он перевел дыхание.

— Спасибо тебе, Мехрибан!

— За что?

— За все. За то, что ты есть. За то, что ты живешь...

...Огоньки, вспыхивавшие перед глазами Мехрибан, вдруг потускнели, стали расплываться, раздваиваться...

За этой слишком большой тревогой и слишком бурной радостью ее чуткое сердце улавливало что-то другое. Это за себя он тревожился, что его могут обвинить, если с ней случится что-нибудь плохое, и за себя он был рад, что она жива и теперь ему ничего не грозит. И это было главное...

И она ничего не ответила ему.

Он звал ее, но она не отвечала. Она отвечала другим: лабораториям, диспетчеру, операторским, пристаням... Но для него она была нема. Он почти

кричал: «Мехрибан! Почему ты не отвечаешь? Скажи мне что-нибудь! Мехрибан! Мехрибан!» Она оставалась безмолвной и далекой.

...Огоньки перед ее глазами начали дрожать еще сильнее, окружились радужными ореолами и наконец превратились в светлые расплывчатые пятна. Мехрибан плакала. Это не были слезы счастья — они были горьки, они жгли...

Наступила та напряженная, гнетущая тишина, которая бывает в первый момент после катастрофы, когда в ушах еще стоят звуки ужасного грохота и крики о помощи, — тишина, полная ужаса и боли, горящая о том, что все кончено...

...Мехрибан прерывисто вздохнула и вытерла глаза. На щите опять стали часто вспыхивать огоньки, и она отвечала:

— Третий... Третий... Третий...

Гасан Сеидбейли

ТЕЛЕФОНИСТКА

М., «Советский писатель», 1962, 152 стр.

Редактор *Н. И. Головоноская*

Художник *Ю. С. Авдеев*

Худож. редактор *Мухин*

Техн. редактор *Л. П. Крючкина*

Корректор *И. А. Чайка*

Сдано в набор 26/X-1961 г. Подписано в печать 5/II-1962 г., А-03014. Бумага 84×108₁₆ мм. Печ. л. 4^{1/4} (7,79). Уч.-изд. л. 7,32. Тираж 75 000 экз. Заказ № 774.
Цена 22 к.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнездиковский пер., 10
Ленинградский Совет народного хозяйства,
Управление полиграфической промышленности. Типография № 1
«Печатный Двор» имени А. М. Горького
Ленинград, Гатчинская ул., 26

Отпечатано с готовых матриц в типографии им. Володарского Ленинграда
Ленинград, Фонтанка, 57
Зак. № 886

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

*Все материалы направлять по адресу:
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10,
издательство «Советский писатель».*

22 K.

1
77823